

Центр Защиты Прав СМИ

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И
СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ**

ТОМ 4

Изд-во «Моби Дик»

Воронеж
2006

34

C892

УДК 341.645:

341.231.14(4)

Редактор – Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова,
М. А. Ледовских

Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова, Д. А. Макаров

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, Д. Д. Егоров, В. А. Бушин)
и Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

C892 Судебная практика Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации, Т. 4/ Под редакцией Г. Ю. Араповой - СПб.: Изд-во «Моби Дик», 2006 – 208 с.

ISBN 5-86983-096-6

В книге представлены переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения, свободы информации и практикой Европейского Суда по этому вопросу.

**УДК 341.645:
341.231.14(4)**

ISBN 5-86983-096-6

©Центр Защиты Прав СМИ, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Краткое изложение дела «Гринберг против Российской Федерации».....	6
Постановление Суда по делу «Гринберг против Российской Федерации».....	9
Краткое изложение дела «Константинеску против Румынии».....	22
Постановление Суда по делу «Константинеску против Румынии».....	24
Краткое изложение дела «Леандер против Швеции».....	48
Постановление Суда по делу «Леандер против Швеции».....	53
Краткое изложение дела «Пэк против Соединенного Королевства».....	98
Постановление Суда по делу «Пэк против Соединенного Королевства».....	102
Краткое изложение дела «Хатзианастассиу против Греции».....	151
Постановление Суда по делу «Хатзианастассиу против Греции».....	153
Краткое изложение дела «Халис против Турции».....	177
Постановление Суда по делу «Халис против Турции».....	181
Решение Суда по вопросу приемлемости по делу «Чемодуров против Российской Федерации».....	197

Предисловие

Вы держите в руках четвертый выпуск сборника правоприменительной практики Европейского Суда по правам человека, подготовленный Центром защиты прав СМИ. Это сборник посвящен преимущественно вопросам свободы распространения информации и свободы доступа к информации. Дела затрагивают, как правило, в совокупности две статьи Конвенции — ст. 8 (неприкосновенность частной жизни) и ст. 10 (свобода выражения мнения).

Данное издание содержит семь прецедентных постановлений Европейского Суда по правам человека. Это свежие переводы в основном совсем недавних дел Европейского Суда, тем интереснее будет правоприменителям ознакомиться с ними, ведь каждое из них является принципиально важным этапом в формировании системного подхода Европейского Суда по проблеме баланса конфликтующих прав — права на защиту репутации или права на неприкосновенность частной жизни, с одной стороны, и права на свободу выражения мнения и свободу распространения информации, с другой. В данном сборнике вы найдете и два российских дела. Это весьма интересные дела по ст. 10, связанные с диффамацией в прессе. Дело *«Исаак Гринберг против Российской Федерации»* — первое рассмотренное Европейским Судом дело по ст. 10 по жалобе российского гражданина. На подходе еще несколько дел, уже объявленных Судом приемлемыми (мы приводим решение о приемлемости по жалобе *Виктора Чемодурова*, в котором юристы нашего Центра представляют интересы заявителя). Дела *«Чемодуров против России»* и *«Константинеску против Румынии»* касаются распространения в прессе сведений, признанных судом выраженными в оскорбительной форме.

Особенно интересно будет ознакомиться с делами, в которых на грани балансируют право на свободу информации и обязанность сохранения в тайне конфиденциальной информации. Мы специально подготовили данную подборку дел, так как практика Европейского Суда по вопросам доступа к информации, распространения конфиденциальной информации до сих пор серьезно не обобщалась, и эту работу еще предстоит сделать. Тем не менее, проблемы, поднимаемые в данных решениях (затрагивающих как ст. 8, так и ст. 10), весьма актуальны и для нашей страны, поэтому мы сочли важным перевести данные дела на русский язык и дать возможность российским правоприменителям ознакомиться с ними, увидеть позицию Европейского Суда и правовую мотивировку принятого решения.

В одном из дел (*«Леандер против Швеции»*) в связи с предоставлением работодателю в процессе проверки личности гражданина при приеме на работу информации, хранившейся в секретном реестре полиции, заявителю отказали в приеме на работу. В другом деле (*«Хатзианастасиу против Греции»*) заявитель, авиационный инженер, был привлечен к уголовной ответственности за раскрытие военной тайны

второстепенного значения, выразившееся в разглашении результатов исследований, касающихся военных технологий. В деле «*Пэк против Соединенного Королевства*» неудачная попытка самоубийства, предпринятая заявителем, была случайно зафиксирована камерой видеонаблюдения и впоследствии имела широкое распространение в печати и в эфире ряда британских СМИ с целью демонстрации преимуществ системы видеонаблюдения.

Вы увидите, что представленные дела весьма многогранны, а ситуации, с которыми столкнулись заявители в своих странах, наглядно демонстрируют, в каких разных жизненных ситуациях могут применяться положения Конвенции, гарантирующие право каждого как на свободу информации, так и на сохранение в тайне конфиденциальной информации, и накладывающие позитивное обязательство на государство обеспечить данную свободу во всех ее проявлениях.

Каждое представленное в сборнике дело чем-то выделяется из ряда других, и в совокупности они заполняют сложную мозаику толкования текста положений Конвенции. Интересно следовать логике Европейского Суда, применяющего выработанные ранее принципы к конкретному делу, подробно и обстоятельно мотивирующего свою позицию, выносящего решение о наличии либо отсутствии нарушения той или иной статьи Конвенции. Наверняка в условиях современного информационного прогресса еще возникнут спорные ситуации, когда потребуется новый взгляд на проблемы свободы выражения мнения, свободы информации и идей. Возможно, какие-то из ранее выработанных принципов и подходов Суда будут усовершенствованы, не исключено, что изменены. Тем не менее, наиболее важные, фундаментальные принципы в применении ст. 10 Конвенции уже выработаны Европейским Судом, и в данной сборнике вы найдете интересные, показательные примеры применения этих принципов на практике.

Как и в предыдущих томах, отличительной особенностью данного сборника является то, что постановления даются в полном виде, без сокращений. Помимо этого, каждое решение предваряется *кратким изложением дела*, которое специально составлено для удобства поиска нужного дела в массе прецедентов Европейского Суда.

Выпуская эту книгу в свет, мы надеемся, что она окажет позитивное влияние на формирование российской правоприменительной практики в унисон с практикой Европейского Суда, в соответствии с международными стандартами в области свободы выражения мнения и свободы информации.

Галина Арапова
Директор Центра защиты прав СМИ, 2006 г.

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ГРИНБЕРГ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (Grinberg v. Russian Federation)

(жалоба № 23472/03)

Постановление Суда

Страсбург, 21 июля 2005 года

Тема: диффамация

Подтема: гражданско-правовая диффамация (ущемление чести, достоинства и деловой репутации); разграничение «сообщений о фактах» и «мнений»

Критерий: необходимость в демократическом обществе

В чем выразилось ограничение права: компенсация морального вреда, публикация резолютивной части судебного постановления, в порядке опровержения

Решение: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Российская Федерация

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель был привлечен к ответственности за ущемление чести, достоинства, деловой репутации губернатора Ульяновской области, за то, что назвал его человеком «без стыда и без совести».

Заявитель опубликовал в газете «Губерния» статью о генерале В. А. Шаманове, который был избран губернатором Ульяновской области. В статье утверждалось, что генерал «ведет настоящую войну» против независимой прессы и журналистов. В статье заявитель указывал и на то, что г-н Шаманов поддерживал полковника Буданова, убившего 18-летнюю чеченскую девушку. Статья заканчивалась словами: «Ни стыда, ни совести!».

Ленинский районный суд г. Ульяновска постановил, что утверждение, что у г-на Шаманова нет ни стыда, ни совести, опорочило его честь, достоинство и профессиональную репутацию, и что заявитель не доказал правдивость своего высказывания. Суд постановил взыскать с учредителя газеты 5000 рублей (200 евро); и с заявителя 2500 рублей (100 евро) в возмещение морального вреда, опубликовать в порядке опровержения резолютивную часть решения суда. Суд кассационной инстанции оставил решение в силе.

Оценка Европейского Суда:

Суд отметил, что обе стороны согласны с тем, что судебные решения, вынесенные в ходе процесса о защите чести и достоинства, составляют «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения. Никем не оспаривалось и то, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно, статьей 152 Гражданского кодекса РФ — и «преследовало правомерную цель», а именно защиту репутации или прав других лиц. Критерий «необходимости в демократическом обществе» требовал от Суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведённые национальными властями в его оправдание, существенными и достаточными.

Одним из факторов особой значимости при рассмотрении Судом дела заявителя является разграничение между фактологическими утверждениями и оценочными суждениями. Суд отметил, что российское законодательство о защите чести и достоинства в том виде, как оно действовало на рассматриваемое время, не предусматривает никакого разграничения между сообщениями о фактах и оценочными суждениями, поскольку в нем речь везде идет только о «сведениях», и от ответчика (заявителя) в гражданском процессе требуется доказывать соответствие действительности любых «сведений». Суд категорически отверг подобный подход, заявив:

«... существование фактов можно доказать, в то время как правдивость оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 Конвенции» (п. 30).

Суд признал оспариваемый комментарий «наиболее типичным примером оценочного суждения» (п. 31 постановления). Признание заявителя виновным за нанесение мнимого ущерба репутации г-на Шаманова базировалось исключительно на том, что заявитель не доказал, что у г-на Шаманов действительно нет «ни стыда, ни совести». Требование же о доказывании достоверности данного обстоятельства было заведомо невыполнимым.

Для оценки Суда значение имело также то обстоятельство, что оспариваемое утверждение сделано в рамках статьи, затрагивающей серьезный общественно-значимый вопрос — вопрос свободы массовой информации в Ульяновской области. В ней критиковалось поведение губернатора области, избранного в ходе прямых выборов, иными словами, профессионального политика, в отношении которого рамки допустимой критики шире, чем по отношению к частному лицу. Факты, послужившие основой для критики, не были оспорены, и заявитель высказал свое мнение в весьма безобидной и не оскорбительной манере.

Национальные суды не смогли убедительно продемонстрировать наличие какой бы то ни было настоящей общественной потребности в том, чтобы ставить защиту репутации политического деятеля выше права заявителя на свободу выражения мнения и общего интереса в продвижении этой свободы, когда речь идет о вопросах большой общественной значимости. В частности, из решений национальных судов никак не явствует, что высказывание заявителя каким-либо образом сказалось на политической карьере г-на Шаманова или на его профессиональной жизни.

В итоге Суд пришел к заключению, что обжалуемое вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе» и, следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2006

ДЕЛО «ГРИНБЕРГ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Grinberg v. Russian Federation)

(жалоба № 23472/03)

Постановление Суда
Страсбург, 21 июля 2005 года

По делу «Гринберг против России» Европейский суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н К. Розакис, *Председатель*,
г-н П. Лоренсен,
г-жа Н. Вайч,
г-жа С. Ботугарова,
г-н А. Ковлер,
г-жа Э. Стайнер,
г-н К. Хаджиев, *судьи*,

а также г-н С. Кесада, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 30 июня 2005 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 23472/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации, господином Исааком Павловичем Гринбергом (далее — «заявитель») 23 июня 2003 года.

2. Заявитель был представлен в Суде госпожой Л. Емельяненковой, юристом, практикующим в Ульяновске. Российское Правительство (далее — «Правительство») было представлено г-ном П. Лаптевым,

уполномоченным представителем Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (п. 1 Правила 59 Регламента Суда). В этой секции Палата для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) была образована в соответствии с п. 1 Правила 26.

5. Решением от 28 октября 2004 года Суд объявил жалобу приемлемой.

6. 1 ноября 2004 года Суд поменял состав Секций (п. 1. Правила 25). Данное дело было передано новому составу Первой Секции (п. 1 правила 59 Регламента Суда).

7. Ни заявитель, ни Правительство не представили письменные объяснения по существу дела (п. 1 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель родился в 1937 года и живет в Ульяновске.

9. 6 сентября 2002 года газета «Губерния» опубликовала статью заявителя. Содержание статьи, озаглавленной «Заявление», было следующим:

«Еще шел подсчет голосов, но было уже ясно: губернатором Ульяновской области избран генерал Шаманов В. А. Этой же ночью он заявил буквально следующее: «С местной прессой, прямо и откровенно скажу, предстоит детально разобраться».

Во время избирательной кампании генерал обещал ульяновцам много. Но выполнил, с моей точки зрения, только одно: «воюет» с независимой прессой, с журналистами. Еще продолжаются суды по иску Шаманова В. А. к талантливейшему журналисту — ульяновцу Демочкину Г. А.

Но преследование журналиста в уголовном порядке — это уникальный случай. Юлия Шеламыдова — главный редактор газеты «Симбирские известия» — осуждена на год исправительно-трудовых работ. Оставим пока в стороне юридический аспект этого дела: еще не опубликован полный текст решения суда, по этому поводу будет, надеюсь, еще много судов, причем не только в Ульяновске, но и в Москве. Но есть в этом деле моральный аспект. Как могут три здоровых мужика, из которых два — генералы, в том числе один даже герой России, воевать с женщиной, более того, с молоденькой девчонкой! Почему-то вспоминается поддержка Шамановым В. А. полковника Буданова, убившего 18-летнюю девушку. Ни стыда, ни совести!».

10. 10 сентября 2002 года господин Шаманов обратился в суд с иском к заявителю, редакции газеты и учредителю газеты — Фонду помощи социально незащищенным слоям населения «Горячев-Фонд» (далее — «Фонд»). Он настаивал на том, что утверждение, что у него нет «ни стыда, ни совести», было ложным и порочащим его честь и репутацию. Он потребовал взыскать 500 000 рублей (около 20 000 евро) в качестве компенсации морального вреда.

11. 14 ноября 2002 года Ленинский районный суд г. Ульяновска удовлетворил исковые требования. Суд установил:

«В статье автор утверждает, что у Шаманова, губернатора Ульяновской области, нет ни стыда, ни совести. Само содержание статьи подтверждает, что оспариваемые высказывания содержат именно такое утверждение. Высказывание [заявителя] в этой статье, что у истца нет ни стыда, ни совести, опорочило его честь, достоинство и профессиональную репутацию ... [заявитель] не доказал в суде правдивость своего высказывания об истце ...».

Суд постановил:

«... утверждение о том, что у истца нет ни стыда, ни совести, опубликованное в статье [заявителя] ... ложное и ущемляет честь, достоинство и деловую репутацию Шаманова».

12. Суд постановил взыскать с Фонда 5000 рублей (200 евро) и с заявителя 2500 рублей (100 евро) в качестве компенсации морального вреда, причиненного г-ну Шаманову. Фонд обязали также напечатать в порядке опровержения резолютивную часть судебного постановления.

13. Заявитель и Фонд обжаловали решение. Заявитель указал на то, что районный суд не провел разграничения между «мнениями» и «сведениями». Он утверждал, что его право иметь и распространять мнения гарантировано статьей 29 Конституции РФ, а оспариваемое утверждение представляло собой его личную оценку действий г-на Шаманова. Более того, он заявлял, что оспариваемое высказывание — русская поговорка, которая широко используется, когда поступки человека оцениваются с этической точки зрения.

14. 24 декабря 2002 года Ульяновский областной суд оставил судебное решение от 14 ноября 2002 года без изменения. Суд поддержал доводы первой инстанции, при этом заметив:

«Доводы ... о том, что суд не разграничил термины «мнения» и «сведения», не могут быть приняты во внимание, потому что мнение [заявителя] было напечатано в средстве массовой информации, и с момента публикации оно стало сведениями».

15. Последующие попытки заявителя добиться пересмотра дела в надзорном порядке оказались безуспешными. 22 августа 2003 года Верховный Суд Российской Федерации отказал в истребовании материала дела для рассмотрения в надзорной инстанции.

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Российской Федерации

16. Статья 29 гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

B. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года

17. Статья 152 предусматривает, что:

«гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

...

Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением».

С. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 18 августа 1992 года (в редакции от 25 апреля 1995 года)

18. Постановление (действовавшее на момент рассмотрения спора) предусматривало, что порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе или быту и т.п.) Под распространением сведений следовало понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу (пункт 2).

19. Пункт 7 Постановления предусматривал распределение бремени доказывания при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений ответчиком. Ответчик обязан доказать, что распространенные сведения являются достоверными и точными.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

20. Заявитель утверждает, что имело место нарушение его права на свободу выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции. Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».

A. Доводы сторон

21. Заявитель утверждал, что статья была частью происходящей в то время политической дискуссии. Он подчеркнул, что господин Шаманов не оспаривал факты, которые описаны в статье, и что оспариваемое высказывание дает оценку поступкам господина Шаманова, а не его личности. Кроме того, заявитель утверждал, что употребленная в статье российская поговорка является типичным оценочным суждением, которое нельзя доказать или опровергнуть. Это была оценка и мнение человека о поступках другого человека, обычно воспринимаемая как оценочное мнение, а не как утверждение о факте.

22. Правительство утверждало, что в соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса заявитель должен доказать, что сведения соответствуют действительности, но он не смог представить доказательства. Правительство признало, что было вмешательство в осуществление права заявителя выражать свое мнение и что статья

касалась отношений губернатора с прессой — вопроса, обсуждаемого в рамках политической дискуссии. Однако Правительство настаивало, что оспариваемое высказывание относилось скорее к личности господина Шаманова, чем к его политической деятельности, и что заявитель мог выразить критическое мнение, используя другие слова, не прибегая к порочащему утверждению, что у господина Шаманова «нет ни стыда, ни совести». Правительство считает, что вмешательство было обоснованным и необходимым в демократическом обществе для защиты репутации и прав других.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

23. В соответствии с установившейся практикой Суда, право на свободу выражения мнения является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности. Как отмечено в пункте 2 статьи 10, она относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые получены законным путем или считаются неоскорбительными или незначительными, но и к тем, которые оскорбляют или вызывают беспокойство. Таковыми являются требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно (см. постановления по делам «Хендисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 года, серия А, № 24, с. 23, § 49; и «Йерсилд против Дании» (*Jersild v. Denmark*) от 23 сентября 1994 года, серия А, № 298, с. 26, § 37).

24. Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении уважения репутации и прав других лиц, а также недопустимости разглашения конфиденциальной информации, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановления по делам «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» (*De Haes and Gijssels v. Belgium*) от 24 февраля 1997 года, *Reports of Judgments and Decisions 1997-I*, с. 233-34, § 37; и «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*) [GC], № 21980/93, § 59, ECHR 1999-III). Помимо того, что передавать такую информацию и идеи — задача

прессе, общество также имеет право получать их. Иначе пресса была бы неспособна играть свою жизненно важную роль «сторожевого пса общества» (см. постановление по делу «Торгер Торгерсон против Исландии» (Torger Torgerson v. Island) от 25 июня 1992 года, серия А, № 239, с. 28, § 63). Журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановление Суда по делу «Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1)» (Prager and Oberschlick v. Austria) от 26 апреля 1995 года, серия А, № 313, с. 19, § 38). Свобода выражения мнения, как говорится в пункте 2 статьи 10, допускает целый ряд исключений, которые, однако, должны узко толковаться. Необходимость любых ограничений должна быть убедительно подтверждена.

25. Суд напоминает, что, согласно пункта 2 статьи 10 Конвенции, возможность ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес, невелика (см. постановление по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» (Surek v. Turkey) [GC], № 26682/95, § 61, ECHR 1999-IV). Более того, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего, первый неизбежно и сознательно оставляет открытым для пристального анализа журналистов и общества в целом каждое свое слово и действие, а, следовательно, должен проявлять и большую степень терпимости. Нет сомнения, что репутация политика подлежит защите, даже когда он выступает и не в личном качестве; но в таких случаях противовесом подобной защиты выступает интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам (см. постановление по делу «Лингенс против Австрии» (Lingens v. Austria) от 8 июля 1986 года, серия А, № 103, с. 26, § 42).

2. Применение вышеуказанных принципов к рассматриваемому делу

26. Суд отмечает, что обе стороны согласны с тем, что судебные решения, вынесенные в ходе процесса о защите чести и достоинства, представляют собой «вмешательство» в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения. Никем не оспаривалось и то, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно — статьей 152 Гражданского кодекса — и «преследовало правомерную цель», а именно — защиту репутации или прав других лиц. Спор между сторонами вызывал вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», то есть, было ли

«вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью».

27. Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует от Суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведённые национальными властями в его оправдание, уместными и достаточными. Национальным властям предоставлена определённая свобода усмотрения в оценке того, существует ли подобная «потребность» и какие меры необходимо принять в этой связи. Однако это усмотрение не является безграничным, а подлежит надзору со стороны Совета Европы в лице настоящего Суда, задача которого состоит в том, чтобы принимать окончательное решение о совместимости таких ограничений со свободой выражения мнения, защищаемой статьей 10 Конвенции. Задача Суда при осуществлении своих надзорных функций состоит не в том, чтобы подменять национальные органы, а скорее в том, чтобы рассмотреть в свете статьи 10 и всего дела в целом решение, которое они приняли в рамках своей свободы усмотрения. Суд должен убедиться, что национальные органы власти применили нормы, соответствующие принципам, изложенным в статье 10 и, кроме того, что их решения основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. постановление по делу «Дичанд и другие против Австрии», (*Dichand and others v. Austria*) № 29271/95, § 38, от 26 февраля 2002 года).

28. Одним из факторов особой значимости при рассмотрении Судом настоящего дела является разграничение между фактическими утверждениями и оценочными суждениями. Национальные суды привлекли заявителя к ответственности, так как он не смог доказать правдивость своего утверждения, что у господина Шаманова нет «ни стыда, ни совести».

29. Суд отмечает, что российское диффамационное право по состоянию на момент рассмотрения дела не предусматривало какого-либо разграничения между оценочными суждениями и утверждениями о фактах, поскольку оперировало исключительно термином «сведения» и базировалось на предположении, что любые сведения такого рода подлежат доказыванию в порядке гражданского судопроизводства (см. п. 17 и 18 выше). Независимо от фактического содержания «сведений», распространившее их лицо было обязано доказать в суде их достоверность (см., в частности, пункт 7

Постановления Пленума Верховного Суда, п. 19 выше). Принимая во внимание эти правовые нормы, национальные суды не анализировали, было ли оспариваемое утверждение заявителя оценочным суждением, истинность которого не подлежит доказыванию.

30. Суд неоднократно указывал, что существование фактов можно доказать, в то время как правдивость оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 Конвенции (см. постановления по делам «Лингенс против Австрии», выше, § 46, и «Обершлик против Австрии (№ 1)» (*Oberschlick v. Austria*) от 23 мая 1991 г., серия А, № 204, с. 27, § 63).

31. Суд рассматривает оспариваемый комментарий как наиболее типичный пример оценочного суждения, представляющего субъективную оценку моральной составляющей поведения господина Шаманова. Привлечение заявителя к ответственности за нанесение мнимого ущерба репутации господина Шаманова основывалось исключительно на том, что заявитель не продемонстрировал, что у господина Шаманова действительно нет «ни стыда, ни совести». Требование о доказывании данного обстоятельства было заведомо невыполнимым.

32. Для оценки Суда значение имело также то обстоятельство, что оспариваемое утверждение было сделано в рамках статьи, затрагивающей общественно-значимый вопрос — о свободе массовой информации в Ульяновской области. В ней критиковалось поведение губернатора области, избранного в ходе прямых выборов; иными словами, профессионального политика, в отношении которого рамки допустимой критики шире, чем в случае частного лица (см. п. 25 выше). Факты, послужившие основой для критики, не были оспорены, и заявитель высказал свое мнение в неоскорбительной форме.

33. Национальные суды не смогли убедительно продемонстрировать наличие какой бы то ни было настоятельной общественной необходимости в том, чтобы ставить защиту репутации политического деятеля выше права заявителя на свободу выражения мнения и общего интереса в продвижении этой свободы, когда речь идет о вопросах общественной значимости. В частности, из решений национальных судов не следует, что высказывание заявителя каким-либо образом

сказалось на политической карьере господина Шаманова или на его профессиональной деятельности.

34. Таким образом, Суд приходит к заключению, что российские власти вышли за рамки свободы усмотрения, которой располагают государства-члены в соответствии с положениями Конвенции. Следовательно, обжалуемое вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе» в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции.

35. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

36. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб и моральный вред

37. Заявитель потребовал 10 000 евро в порядке возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

38. Правительство оспаривало это требование. По его мнению, сам факт признания настоящим постановлением нарушения является достаточным и справедливым возмещением.

39. Суд признает, что при таких обстоятельствах дела есть причинно-следственная связь между найденным нарушением и понесенным материальным ущербом, поскольку заявитель ссылается на сумму, которую ему пришлось выплатить господину Шаманову на основании решений национальных судов. Более того, определенные денежные потери имели место в течение того времени, которое прошло с момента, когда вышеупомянутые издержки были понесены, до момента, когда Судом была предоставлена компенсация (см. постановление по делу «Дичанд и другие против Австрии», выше, § 62). Таким образом, Суд присуждает выплатить заявителю 120 евро, а также средства, необходимые для выплаты налоговых платежей,

подлежащих начислению на обозначенную сумму, в качестве возмещения материального вреда.

40. Суд принимает во внимание, что заявитель пострадал в результате причинения морального вреда, в частности, речь идет о страданиях и разочаровании в связи с вынесенными судебными постановлениями, не соответствующими статье 10 Конвенции. По мнению Суда, сам факт признания настоящим постановлением нарушения не является достаточной компенсацией. Однако Суд находит, что сумма, затребованная в качестве возмещения морального вреда, является чрезмерной. Исходя из оценки, основанной на принципе соразмерности, Суд присуждает заявителю 1 000 евро а также средства, необходимые для выплаты налоговых платежей, подлежащих начислению на обозначенную сумму в порядке компенсации морального вреда.

В. Судебные издержки и расходы

41. Заявитель не потребовал возмещения судебных издержек и расходов. Соответственно, нет необходимости присуждать возмещения по этому основанию.

С. Выплата процентов за просрочку исполнения

42. Суд посчитал, что расчет процентной ставки за неисполнение решения должен основываться на размере предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, с добавлением к последней трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

(а) что государство-ответчик должно в трехмесячный срок с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы:

- 120 (сто двадцать евро) в счет возмещения материального ущерба,
- 1 000 (тысячу евро) в счет компенсации морального вреда,
- все налоги, которыми эти суммы могут облагаться;

- (b) что по окончании вышеуказанного 3-месячного срока на указанную сумму будет начисляться простой процент в размере предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка в течение всего периода просрочки плюс три процентных пункта.
3. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 21 июля 2005 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сантьяго Кесада

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Суда

**© Перевод Института проблем информационного права
(г. Москва), 2005**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КОНСТАНТИНЕСКУ ПРОТИВ РУМЫНИИ» (Constantinescu v. Romania)

(жалоба № 28871/95)

Постановление Суда

Страсбург, 27 июня 2000 года

Тема: диффамация

Подтемы: уголовно-наказуемая диффамация (клевета).

Критерий: необходимость в демократическом обществе.

В чем выразилось ограничение права: финансовая санкция.

Решение: Нет нарушения права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); шесть голосов против одного, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции; единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Румыния.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявителя признали виновным в клевете за то, что он назвал двух бывших секретарей профсоюза учителей «delapidatori» (т.е. людьми, виновными в мошенничестве).

Заявитель, являвшийся Генеральным секретарем Союза учителей начальных и средних школ второго округа г. Бухареста, выразил свою неудовлетворенность медленным ходом уголовного следствия по делу двух бывших должностных лиц и бывшего Секретаря данного профсоюза, обвинявшихся в хищении, незаконном присвоении средств и мошенничестве. Он употребил в их адрес выражение «мошенники» («delapidatori») в статье, опубликованной уже после решения прокурора прекратить вышеупомянутое следствие. Заявитель был признан виновным в уголовном порядке в клевете Бухарестским окружным судом и приговорен к уплате штрафа, а также суммы в возмещение нематериального ущерба. Шесть лет спустя Верховный Суд Румынии отменил этот приговор, однако уплаченные заявителем суммы компенсации и штрафа не были ему возвращены.

Оценка Европейского Суда:

Несмотря на то, что заявитель был, в конце концов, оправдан, его все же можно считать жертвой. Ему не было назначено никакой компенсации за несправедливое осуждение, и суммы, выплаченные трем учителям в возмещение нематериального ущерба, также не были ему возвращены. Нарушения положений Конвенции признано не было.

По существу дела Суд решил, что нарушение права заявителя на свободное выражение мнения не имело места. Несмотря на то, что заявитель высказывался в контексте дискуссии о независимости профсоюзов и функционировании правосудия — по вопросам, представляющим общественный интерес — он преступил пределы допустимой критики, особенно в отношении презумпции невиновности. Суд счел, что заявитель вполне мог бы выразить свое критическое отношение и таким образом внести вклад в свободное общественное обсуждение вопросов деятельности профсоюзов, не прибегая к использованию слова «мошенники».

Суд признал в данном деле нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005
© Перевод с англ. Д. Д. Егоров

ДЕЛО «КОНСТАНТИНЕСКУ ПРОТИВ РУМЫНИИ»

(Constantinescu v. Romania)

(жалоба № 28871/95)

Постановление Суда
Страсбург, 27 июня 2000 года

По делу «Константинеску против Румынии» Европейский Суд по правам человека (Первая Палата), заседая Палатой в следующем составе:

г-жа В. Томассен, *Председатель*,
г-н Л. Феррари Браво,
г-н Гаукур Ёрунсон,
г-н Р. Тюрмен,
г-н Ж. Кассадевал,
г-н Б. Зупанчич, *судьи*,

г-н С. Белиградеану, *судья ad hoc*, и г-н М. О' Бойл, *Секретарь Палаты Суда*,

Проведя 21 марта и 6 июня 2000 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было представлено в Суд гражданином Румынии, г-ном Михаилом Константинеску (далее — «заявитель») 27 июля 1999 года и Европейской Комиссией по правам человека (далее — «Комиссия») 11 сентября 1999 года в течение трехмесячного срока, установленного прежними п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»).

2. Дело было начато по заявлению (№ 28871/95) против Румынии, поданному заявителем в Комиссию 4 апреля 1995 года в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции. Заявитель утверждал, что имело

место посягательство на его свободу выражения мнения в нарушение статьи 10 Конвенции, выразившееся в признании его виновным в диффамации; жаловался на несправедливость связанного с этим судебного разбирательства — в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, а также на посягательство на свою свободу ассоциации — в нарушение статьи 11 Конвенции.

23 октября 1997 года Комиссия признала приемлемыми жалобы заявителя, касающиеся посягательства на свободу выражения мнения и несправедливости судебного разбирательства, однако объявила остальную часть жалобы неприемлемой. В отчете Комиссии от 19 апреля 1999 года (прежняя статья 31 Конвенции)¹ выражается единогласное мнение ее членов о том, что нарушение пункта 1 статьи 6 имело место, и двадцатью одним голосом против семи признается, что нарушения статьи 10 не было.

3. Заявителю была предоставлена бесплатная юридическая помощь.

4. После вступления в силу 1 ноября 1998 года Протокола № 11 Конвенции и в соответствии с пунктом 4 статьи 5 вышеназванной Конвенции в сочетании с пунктами 1, 6 и 24 Правила 100 Регламента Суда, состав Большой Палаты, заседавший 7 июля 1999 года, назначил дело к рассмотрению палатой, сформированной из членов одной из Палат Суда.

5. В соответствии с пунктом 1 Правила 52 Регламента, Председатель Суда г-н Л. Вильдхабер впоследствии направил дело на рассмотрение в Первую Палату. В Палату Суда, составленную из членов Первой Палаты, вошли, в силу занимаемой должности (*ex officio*): г-н Бирсан, судья, избранный от Румынии (п. 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 (а) Правила 26 Регламента), и г-н Кассадевал, который вступил в должность председателя Первой Палаты и, следовательно, председателя данного состава суда (Правило 12 и пункт 1 (а) Правила 26 Регламента) 21 марта 2000 года. Прочими членами данного состава суда (Палаты), назначенными г-ном Кассадевалем, были г-н Л. Феррари Браво, г-н Гаукур Ёрунсон, г-н Р. Тюрмен, г-жа В. Томассен и г-н Р. Марусте (пункт 1 (b) Правила 26 Регламента).

Впоследствии г-н Бирсан, ранее принимавший участие в рассмотрении данного дела в составе Комиссии, временно сложил с себя

¹ *Примечание Секретариата*: отчет можно получить в Секретариате.

обязанности члена состава суда (Правило 28 Регламента). Ввиду этого, правительство Румынии (далее — «Правительство») назначило временного судью-члена палаты для участия в рассмотрении данного дела (*ad hoc*) — г-на Белиградеану (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 Правила 29 Регламента). 6 июня 2000 года в должность председателя Палаты и, следовательно, председателя данного состава суда (Правила 12 и пункт 1 (а) Правила 26 Регламента), вступила г-жа Томассен. Г-н Марусте, который не смог принять участие в дальнейшем рассмотрении данного дела, был заменен г-ном Б. Зупанчичем (пункт 1 (с) Правила 26 Регламента).

6. Как заявитель, так и Правительство представили свои меморандумы — соответственно 6 и 9 ноября 1999 года.

7. По решению Палаты Суда открытое слушание дела состоялось 21 марта 2000 года во Дворце прав человека в Страсбурге.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства:

г-жа Ризойю, уполномоченный представитель Правительства;
г-жа Тарчя, Министерство юстиции;
г-н Корлатеан, Министерство иностранных дел, советники.

(b) со стороны заявителя:

г-н Дину, член Бухарестской коллегии адвокатов, адвокат заявителя.

Суд заслушал выступления г-на Дину, г-жи Ризойю и г-жи Тарчя.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. 8 июня 1992 года Общее собрание Союза учителей начальных и средних школ второго округа г. Бухареста (далее — «профсоюз») избрало новый состав своего руководства. Генеральным секретарем был избран заявитель.

9. 29 июня 1992 года профсоюз подал жалобу на А. П. и Р. В., бывших должностных лиц, и М. М., бывшего Секретаря профсоюза, которые все работали учителями, обвиняя их в хищении, растрате и мошенническом присвоении средств. Профсоюз утверждал, что вышеуказанные лица отказались возвратить принадлежащую профсоюзу собственность и бухгалтерские документы после вступления в должность нового руководства и воспользовались ими в целях образования новой профсоюзной организации.

10. В письме от 2 октября 1992 года заявитель от имени профсоюза запросил у государственной прокуратуры г. Бухареста информацию о ходе расследования, однако не получил никакого ответа. В последующем письме от 9 декабря 1992 года он повторно направил запрос в ту же прокуратуру, сопроводив его жалобой на медлительность следствия. Ответа на это письмо он также не получил.

11. 8 февраля 1993 года государственный прокурор принял решение о прекращении производства по жалобе профсоюза на действия А. П., Р. В. и М. М. Это решение было направлено 18 января 1994 года только этим трем лицам.

12. В 1993 году заявитель, в качестве представителя профсоюза, подал исковое заявление против Р. В. в Суд первой инстанции второго округа г. Бухарест, добиваясь судебного распоряжения, согласно статьям 998 и 999 Гражданского кодекса, определяющим гражданскую ответственность, о возврате профсоюзу суммы собранных профсоюзных взносов в сумме 170 тыс. румынских лей.

13. В состоявшейся беседе с журналистом (дата не установлена) заявитель выразил неудовлетворенность медленным ходом уголовного расследования. 23 марта 1993 года в газете «Tineretul Liber» («Свободная молодежь») была опубликована цитируемая ниже статья:

«Союз учителей начальных и средних школ второго округа Бухареста ... является самым боевым профсоюзом, потому что он сражается с любыми, добиваясь уважения закона и прав учителей. Так утверждает Михаил Константинеску, учитель школы М. С., рассказавший нам следующее: «Я подал иск против Бухарестской школьной инспекции [Inspectoratul] за несоблюдение ими коллективного договора — слушание дела назначено на 29 апреля. Мы будем подавать в суд на полицию и государственную прокуратуру, которые

занимаются антипрофсоюзной деятельностью, затягивая уголовное расследование в отношении некоторых мошенников — А. П., Р. В. и М. М., учителей во втором округе; в нашем распоряжении имеются уличающие их письменные свидетельства и признания двоих из них в наличии у них суммы денег, принадлежащей профсоюзу, которую они не вернули. Эта антипрофсоюзная деятельность является преднамеренной ...».

14. 22 апреля 1993 года А. П., Р. В. и М. М. возбудили уголовное дело о клевете против заявителя в Суде первой инстанции (*judicatoria*) третьего округа г. Бухарест.

15. Судебное слушание состоялось 25 февраля 1994 года. Суд в составе одного судьи огласил свой приговор 18 марта 1994 года.

16. Заслушав показания шести свидетелей обвинения и трех свидетелей защиты, а также заявителя и трех вышеназванных учителей, судья оправдал заявителя. Он отметил, что на дату появления в печати вышеупомянутой статьи три учителя находились под следствием в связи с обвинением в мошенническом присвоении средств и что им сообщили о решении прекратить производство по их делу лишь после опубликования статьи, а именно 18 января 1994 года. Более того, как отметил судья, сам факт невозвращения данными учителями неких принадлежащих профсоюзу денежных сумм не оспаривался. Ввиду этого, судья счел, что заявитель не имел умысла оклеветать учителей, но намеревался лишь проинформировать общественность о том, что его профсоюз собирается подать жалобу на действия полиции и прокуратуры, обвиняя их в затягивании уголовного следствия в отношении трех учителей.

17. А. П., Р. В. и М. М. подали апелляцию в Бухарестский окружной суд, удовлетворивший их жалобу. Этот суд отменил оправдательный приговор от 18 января 1994 года и постановил направить дело на повторное рассмотрение по существу.

18. Новое слушание состоялось 26 сентября 1994 года. Суд не может установить из находящихся в его распоряжении документов, имел ли адвокат заявителя возможность устно представить доводы защиты. Однако в своем письменном возражении против обвинения адвокат указал, что его клиент высказывался от имени и по поручению профсоюза, что преследуемой при этом целью был возврат

принадлежащей профсоюзу собственности, и что образованная тремя учителями новая профсоюзная организация была ранее признана судом незаконной. Он сослался на показания свидетелей, данные Суду первой инстанции, уличавшие трех учителей в халатности, проявленной при распоряжении собственностью профсоюза, и в отказе возратить некоторые денежные суммы и документы. Он также отметил, что статья искажала высказывания заявителя перед журналистами, но что заявитель не желает подавать на прессу в суд.

19. Хотя заявитель и присутствовал на судебном слушании, суд не заслушал его. К делу не было приобщено никаких доказательств. В протоколе слушания не упоминается о выступлении прокурора, якобы просившего суд оправдать заявителя, но лишь отмечено, что адвокаты сторон имели возможность выступить с обращениями к суду.

20. Вынесение приговора было перенесено на 3 октября 1994 года, а затем на 10 октября 1994 года, когда приговор суда и был постановлен в отсутствие заявителя и его адвоката. Суд счел, что заявитель имел умысел нанести ущерб чести и репутации трех учителей, что предусмотрено статьей 206 Уголовного Кодекса, поскольку его высказывания были опубликованы в газете уже после принятия 8 февраля 1993 года решения о прекращении следствия по их делу. Суд также отметил, что заявитель позднее этой даты приходил в школы, где преподавали А. П., Р. В. и М. М., и обвинял их в том, что те «сбежали с профсоюзными деньгами».

21. Заявитель был признан виновным в уголовно-правовом порядке в клевете, ему было вынесено наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. лей и он был обязан уплатить 500 тыс. лей каждому из трех учителей в возмещение нанесенного им морального (нематериального) вреда.

22. Заявитель обжаловал этот приговор 19 октября 1994 года. 18 ноября 1994 года Бухарестский апелляционный суд объявил его кассационную жалобу неприемлемой на том основании, что обжалуемый приговор суда является окончательным и обжалованию не подлежит.

23. Далее (дата не установлена) заявитель выплатил трем учителям суммы, присужденные судом. 28 марта 1995 года он уплатил и штраф в 50 тыс. лей.

24. Заявитель (дата не установлена) обратился к Генеральному прокурору в Верховном Суде с просьбой подать ходатайство об отмене судебного приговора от 10 октября 1994 года.

25. 26 мая 1995 года заявитель был уведомлен об отказе Генерального прокурора подать ходатайство об отмене приговора суда.

26. Проверяя дело в силу своих полномочий (*ex officio*) в закрытом судебном заседании, Бухарестский окружной суд постановлением от 28 января 1997 года исправил ошибки, допущенные в протоколе слушания от 26 сентября 1994 года и в тексте решения от 10 октября 1994 года.

27. Суд внес поправки в протокол слушания от 26 сентября 1994 года, зафиксировав присутствие на слушании государственного прокурора Л. С., который в своем письменном обращении к суду просил поддержать апелляцию учителей и приговорить заявителя к уплате штрафа за клевету, а также обязать его выплатить компенсацию за нанесенный нематериальный вред. Кроме того, по утверждению суда, на слушании 26 сентября 1994 года именно заявитель выступил в суде последним.

28. Суд также постановил внести исправления в текст решения от 10 октября 1994 года, отражающие перенос даты вынесения решения с 3 на 10 октября 1994 года и присутствие на оглашении решения прокурора Л. С.

29. Стороны не были приглашены повестками и не присутствовали 28 января 1997 года на оглашении данного постановления.

30. Решением от 12 марта 1997 года Бухарестский суд первой инстанции удовлетворил гражданский иск о возмещении ущерба, возбужденный в 1993 году профсоюзом против Р. В., и обязал Р. В. вернуть сумму в 170 тыс. лей плюс проценты по ней. Суд отметил, что в период 1990 — 1992 гг. Р. В. являлась казначеем профсоюза и в этом качестве получила 170 тыс. лей взносов от членов профсоюза. Суд также отметил, что после смещения с должности Р. В. отказалась передать профсоюзу документы, касающиеся размещения этой суммы в банковских вкладах, из-за чего профсоюз так и не смог получить ее обратно.

31. 6 января 1998 года Правительство предоставило Комиссии, по ее запросу, копию протоколов слушаний в Бухарестском окружном суде за 3 и 10 октября 1994 года. В протоколе зафиксированы лишь перенос оглашения решения с 3 на 10 октября 1994 года и факт признания заявителя виновным.

32. В письме от 14 декабря 1998 года Правительство сообщило Комиссии о невозможности предоставления ей копии протокола, который вел секретарь суда (*caietul grefierului*) во время слушания 26 сентября 1994 года, ввиду того, что, в соответствии с циркуляром Министерства юстиции № 991/C/1993 (*Ordinul ministrului*), книги протоколов печатаются и хранятся в архиве в течение трех лет.

33. 11 декабря 1998 года Генеральный прокурор подал ходатайство в Верховном Суде об отмене приговора от 10 октября 1994 года. Он просил оправдать заявителя ввиду отсутствия выявленного состава преступления по делу о клевете.

34. На слушании 21 марта 2000 года Правительство предоставило Суду решение Верховного Суда от 4 февраля 2000 года, удовлетворяющее заявление Генерального прокурора об отмене приговора от 10 октября 1994 года и оправдывающее заявителя на том основании, что умысел на ущемление чести и достоинства, как один из обязательных элементов состава преступления по делу о клевете, не было установлен.

35. Правительство также предоставило Суду копию письма от 6 марта 2000 года, в котором Бухарестский суд первой инстанции требует, чтобы налоговая инспекция третьего округа г. Бухареста возвратила заявителю сумму в 50 тыс. лей, уплаченную им в качестве штрафа после признания его виновным 10 октября 1994 года.

II. Применимое национальное законодательство

A. Уголовный Кодекс

36. Соответствующие положения Уголовного Кодекса гласят:

Статья 206

«Каждый, кто выступает с любым публичным заявлением или утверждением относительно конкретного лица, и если

это заявление, при условии истинности этого утверждения, влекло бы привлечение лица к уголовной, административной или дисциплинарной ответственности, либо общественное порицание, подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком от трех месяцев до одного года, либо штрафа».

Статья 207

«Доказательства в пользу соответствия такого заявления или утверждения действительности приемлемы в тех случаях, когда заявление или утверждение было высказано в защиту законного интереса. В случаях, когда соответствие заявления или утверждения действительности доказано, оскорбление или диффамация не имеет места».

37. Применимые к делу положения Уголовно-Процессуального Кодекса гласят:

Статья 385-б, пункт 2

«Суд, слушающий дело в порядке кассации (recurs), поданной на приговор по делам, не подлежащих обжалованию в порядке апелляции (apel) [в отношении некоторых преступных деяний существует лишь один уровень обжалования (recurs), а не два (apel, за которым следует recurs), прежде чем приговор становится окончательным], должен рассматривать все обстоятельства дела, независимо от оснований, по которым подается кассация, и ходатайств сторон».

Статья 385-б

«Постановление суда может быть обжаловано в следующих случаях:

...

(10) когда по одному из предъявленных лицу обвинений суд не пришел к решению, или когда судом не были приняты во внимание те или иные доказательства, либо неких применений закона, имеющих существенную важность для одной из сторон в смысле охраны ее прав или возможного влияния на исход судебного процесса;

...».

Статья 385-15

«Вынося решение по кассации, суд вправе либо ...:

2. удовлетворить жалобу, отменить решение нижестоящего суда и ... (d) рассмотреть дело в повторном слушании ...».

Статья 385-16

«В том случае, когда суд, вынесший решение в порядке кассационного обжалования, назначает повторное слушание дела в соответствии со статьей 385-15 (2) (d), он также решает вопросы, относящиеся к представлению доказательств, и назначает дату слушания ...».

Статья 385-19

«После отмены первого приговора, второе слушание дела проводится в соответствии с положениями частей I («Судебный процесс — Общие положения») и II («Суд первой инстанции») раздела II, которые следует применять сообразно обстоятельствам (mutatis mutandis)».

ПРАВО

I. Предварительное возражение Правительства

38. На слушании 21 марта 2000 года Правительство утверждало, что оправдание заявителя решением Верховного Суда от 4 февраля 2000 года представляет собой признание «по существу предполагаемого нарушения Конвенции». Соответственно, оно просило Суд отклонить заявление на том основании, что заявитель более не является «жертвой» нарушения.

39. Заявитель никак не прокомментировал это заявление.

40. Как неоднократно указывал Суд, «решение или мера, принятые в пользу заявителя, в принципе не являются достаточным основанием для лишения его статуса «жертвы» нарушения, если только

национальные власти не признали в явной форме, либо по существу факта нарушения Конвенции и затем не предоставили за это компенсации» (постановление по делу «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*) [GC], no. 28114/95, § 44, ECHR 1999-VI).

41. По настоящему делу Суд отмечает, что 4 февраля 2000 года Верховный Суд удовлетворил просьбу обвинения об отмене обвинительного приговора, являвшегося предметом жалоб, поданных заявителем по статьям 6 и 10 (см. пункт 34 выше).

42. Он отмечает, что единственным основанием для оправдания заявителя, состоявшегося после возобновления производства по делу и спустя более чем пять лет после окончательного приговора, признавшего заявителя виновным, было отсутствие умысла на ущемление чести и достоинства. Оправдательное решение не содержит никаких ссылок ни на ход разбирательства в Бухарестском окружном суде, ни на жалобы заявителя по этому поводу.

По мнению Суда, решение Верховного Суда от 4 февраля 2000 года не может рассматриваться как официальное признание (явное либо по существу) предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и, во всяком случае, не обеспечивает адекватного возмещения нанесенного ущерба, как того требует прецедентное право Суда, по причинам, изложенным ниже.

43. Что касается предполагаемого нарушения статьи 10, то, даже если предположить, что вышеназванное решение может рассматриваться как признание такого нарушения по существу, Суд считает, что оно не обеспечивает адекватного возмещения нанесенного ущерба, как того требует прецедентное право Суда. Во-первых, заявителю не назначено никакой компенсации за ущерб, нанесенный (неправомерным) признанием его виновным, а во-вторых, суммы, уплаченные заявителем трем учителям в возмещение морального вреда, так и не были ему возвращены. В отношении наложенного в качестве уголовного наказания штрафа Суд отмечает, что, хотя со времени его уплаты заявителем прошло пять лет, письмо — распоряжение Бухарестского суда первой инстанции налоговой инспекции третьего округа г. Бухареста от 6 марта 2000 года о возврате уплаченной суммы (см. пункт 35 выше) не учитывало инфляции предшествующих лет.

44. В заключение Суд считает, что заявитель имеет право считаться «жертвой» в пределах смысла статьи 34 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

45. Заявитель утверждал, что судебное разбирательство по его делу в Бухарестском окружном суде не было справедливым — в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона ...».

46. Заявитель жаловался на то, что Бухарестский окружной суд признал его виновным, не заслушав его личных показаний. Он заявил, что Окружной суд принял решение исключительно на основании показаний, представленных Суду первой инстанции, состоявших из показаний свидетелей и его собственного заявления, резюмированных «в пяти строках». Во время слушания 26 сентября 1994 года, продолжавшегося «максимум четыре минуты», ни он сам, ни его адвокат не получили возможности устно обратиться к суду. В этой связи заявитель утверждал, что протокол слушания 26 сентября 1994 года совершенно не отражает реальных обстоятельств дела, так как его адвокату не дали возможности выступить с устными заявлениями, но лишь позволили подать их в письменной форме.

47. Заявитель также оспаривал корректность формулировки постановления суда от 28 января 1997 года, внесшего поправки в текст протокола, утверждая, что он лично не получал слова в суде на слушании 26 сентября 1994 года и что прокурор просил суд о его оправдании, а не о признании его виновным, как утверждало Правительство. Он также заявил, что решение суда от 28 января 1997 года так и не было ему вручено, но стало известно ему лишь после получения его текста от Комиссии.

48. Наконец, заявитель жаловался на то, что решение Бухарестского окружного суда от 10 октября 1994 года ссылалось исключительно на показания свидетелей обвинения и умалчивало о заявлениях четырех свидетелей защиты, чьи показания, между тем, имели решающее значение, так как они сообщили суду, что три учителя не вернули профсоюзу принадлежащие ему деньги и документы, и что профсоюз поручил заявителю принять меры к их возвращению.

49. Правительство заявило, что заключение о виновности заявителя, сделанное лишь на основании показаний, предъявленных Суду первой инстанции, не является нарушением требований к справедливому судебному разбирательству в пределах смысла пункта 1 статьи 6 Конвенции. Данная статья не требует заслушивания личных показаний подсудимого апелляционным судом, чьи полномочия в данном деле заключаются исключительно в рассмотрении вопросов права. И хотя в юрисдикцию Бухарестского окружного суда теоретически входит рассмотрение как обстоятельств дела, так и вопросов права, в настоящем деле принятия решений по фактическим обстоятельствам не требовалось, поскольку факты, в том виде, в каком их установил Бухарестский суд первой инстанции, не являлись предметом спора между сторонами. От Бухарестского окружного суда, таким образом, требовалось лишь вынести решение по вопросу права, относящемуся к субъективному элементу состава преступления, то есть решить, имел ли место умысел на распространение диффамационных сведений. Для того чтобы установить, был ли ранее выявлен данный элемент, суду совершенно не требовалось заслушивать показания заявителя.

50. Правительство утверждало, что, во всяком случае, именно заявитель выступил на суде последним, что явствует из постановления суда от 28 января 1997 года, вносящего изменения в протокол судебного заседания.

51. Кроме того, Правительство оспаривало утверждение заявителя о том, что прокурор просил суд отклонить кассационную жалобу. В этой связи оно сослалось на решение от 28 января 1997 года, показывающее, что прокурор просил суд удовлетворить кассационную жалобу и признать заявителя виновным. Правительство утверждало, что суды являются независимыми и что позиция прокурора во время судебного разбирательства не может оказать на них влияния.

52. Наконец, Правительство настаивало на утверждении, что адвокат заявителя выступил перед судом на слушании 26 сентября 1994 года и, в любом случае, подал суду письменные заявления.

53. Суд неоднократно указывал на то, что применение статьи 6 к процедурам производства в судах кассационных инстанций зависит от особенностей такого судопроизводства, что необходимо учитывать всю совокупность судебнo-процессуальных действий в юридическом порядке данной страны и роль, которую играет в них кассационный суд. Там, где в суде первой инстанции имело место открытое

слушание дела, отсутствие такового на этапе кассации может быть оправдано особенностями производства в данном конкретном случае, с учетом характера национальной системы обжалования, пределов юрисдикции кассационного суда и способа, которым интересы заявителя реально представляются и защищаются в кассационном суде, особенно в свете характера вопросов, которые такой суд призван решить (см. постановление по делу «Боттен против Норвегии» (*Botten v. Norway*) от 19 февраля 1996 года, Протоколы решений и постановлений — *Reports of Judgments and Decisions 1996-I*, p. 141, § 39).

54. При рассмотрении дела кассационным судом, в юрисдикцию которого входят вопросы как фактов, так и права, статья 6 не обязательно гарантирует право на открытое слушание или, если такое слушание имеет место, право на личное участие в процессе (см., например, постановление по делу «Фейде против Швеции» (*Fejde v. Sweden*) от 29 октября 1991 года, *Series A no. 212-C*, pp. 69-70, § 33).

55. Однако Суд ранее постановлял, что в случаях, когда суд кассационной инстанции призван рассмотреть дело в аспекте как права, так и фактических обстоятельств дела и полностью решить вопрос о виновности либо невиновности заявителя, он не может, в порядке справедливого судебного разбирательства, надлежащим образом решить эти вопросы без прямой оценки показаний, даваемых лично обвиняемым, отрицающим совершение действия, предположительно составляющего уголовно наказуемое деяние (см. постановление по делу «Экбатани против Швеции» (*Ekbatani v. Sweden*) от 26 мая 1988 года, *Series A no. 134*, p. 14, § 32).

56. Соответственно, для того, чтобы определить, имело ли место в настоящем деле нарушение статьи 6, необходимо рассмотреть роль в нем Бухарестского окружного суда и характер вопросов, по которым этот суд был призван вынести решение.

57. Суд снова указывает на то, что в настоящем деле пределы полномочий Бухарестского окружного суда, заседавшего в качестве кассационной инстанции, определены статьями 385-15 и 585-16 Уголовно-Процессуального Кодекса. В соответствии со статьей 385-15, Окружной суд, заседающий в качестве кассационной инстанции, не был обязан выносить новое решение по существу дела, но имел право это сделать. 10 октября 1994 года Бухарестский окружной суд отменил судебное решение от 18 марта 1994 года и вынес новое решение по

существу. Согласно вышеупомянутым нормам закона, из этого следует, что данное разбирательство в Бухарестском окружном суде являлось процедурно полным разбирательством, подчинявшемся тем же правилам, что и судебное разбирательство по существу, где от суда требуется рассмотрение как фактов дела, так и вопросов права. Окружной суд мог либо утвердить решение об оправдании заявителя, либо признать последнего виновным после тщательного изучения вопроса о его вине либо невиновности и, заслушав, если требуется, новые свидетельские показания (см. пункт 17 выше).

58. В настоящем случае Суд отмечает, что, отменив оправдательный приговор суда первой инстанции, Бухарестский окружной суд вынес приговор по уголовному обвинению против заявителя, признав его виновным в уголовно наказуемой клевете без заслушивания его собственных показаний. Суд не удовлетворяет приводимый Правительством довод о будто бы достаточности в настоящем деле самого факта того, что обвиняемый выступил в суде последним. Суд отмечает, во-первых, что Правительство и заявитель расходятся в утверждениях относительно того, действительно ли заявитель выступил в суде последним. Во-вторых, Суд подчеркивает, что при несомненной важности права обвиняемого выступить в суде последним, оно не может быть уравнено по значению с его правом быть выслушанным судом во время судебного заседания.

59. Ввиду вышеизложенного, Суд считает, что Бухарестский окружной суд вынес приговор по уголовному обвинению против заявителя и признал его виновным в клевете, не предоставив ему возможности дать показания и защитить себя. Суд считает, что Бухарестский окружной суд был обязан заслушать показания заявителя, особенно учитывая, что этот суд был первым, признавшим его виновным в ходе разбирательства, призванного вынести определяющее решение по выдвинутому против него уголовному обвинению.

60. Поскольку данное требование не было соблюдено, Суд считает, что нарушение пункта 1 статьи 6 имело место. В данных обстоятельствах он не считает необходимым дополнительное рассмотрение вопроса о соответствии или несоответствии этому положению Конвенции прочих аспектов настоящего судебного разбирательства.

61. Таким образом, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции имело место.

III. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

62. Заявитель утверждал, что признание его виновным в клевете являлось покушением на его свободу выражать свое мнение, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

63. Заявитель доказывал, что его осуждение противоречило требованиям статьи 10 Конвенции. Бухарестский окружной суд не позволил ему доказать соответствие действительности своих утверждений, а решение прокуратуры прекратить производство по делу трех учителей (которое так и не было вручено заявителю властями) отнюдь не означало, что эти учителя вернули принадлежащие профсоюзу деньги.

64. Правительство утверждало, что осуждение заявителя соответствовало требованиям второго пункта статьи 10 Конвенции. Во-первых, оно преследовало цель защиты репутации и прав других лиц, поскольку заявитель назвал трех учителей «delapidatori» несмотря на то, что они не были осуждены судом. Наказание, определенное судом заявителю, отнюдь не было чрезмерным, принимая во внимание умеренный размер назначенных к уплате сумм штрафа и компенсации нематериального вреда.

65. Комиссия сочла имевшее место вмешательство «необходимым в демократическом обществе», поскольку заявитель имел возможность выразить свое критическое отношение к учителям иным образом, не называя их «delapidatori», пока они не были осуждены судом.

66. Суд отмечает, что в настоящем деле не оспаривается тот факт, что осуждение заявителя за клевету представляет собой вмешательство органов власти в осуществление заявителем его свободы выражать свое мнение в пределах смысла статьи 10 Конвенции.

67. Вопрос в том, может ли это вмешательство быть оправдано в соответствии с пунктом 2 данной статьи. Таким образом, необходимо рассмотреть, было ли вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно законную цель в свете данного пункта статьи и являлось ли оно «необходимым в демократическом обществе» (см. постановление по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*) от 8 июля 1986 года, Series A no. 103, pp. 24-25, §§ 34-37).

68. Суд считает, что вмешательство государства в данном случае было «предусмотрено законом», что, к тому же, и не оспаривалось ранее — признание заявителя виновным основывалось на статье 206 Уголовного кодекса Румынии (см. пункт 36 выше). Данное ограничение права преследовало законную цель согласно пункта 2 статьи 10, то есть предпринималось в защиту репутации и прав других лиц. Остается выяснить, было ли ставшее предметом жалобы ограничение «необходимо в демократическом обществе» для достижения упомянутой цели.

69. Таким образом, в соответствии с прецедентным правом Суда, необходимо установить, отвечало ли ставшее предметом жалобы вмешательство насущной общественной потребности, было ли оно соразмерно преследуемой им законной цели и являлись ли приводимые национальными властями в его оправдание причины уместными и достаточными. Задачей Суда не является подмена собой национальных судов, но повторное рассмотрение, с точки зрения статьи 10 и в свете всего дела в его совокупности, решений, принятых ими в пределах предоставленной им сферы усмотрения (см. вышеупомянутое постановление по делу «Далбан против Румынии», § 47). Следовательно, Суд должен рассмотреть ставшие предметом разбирательства высказывания в их подлинном контексте, с учетом обстоятельств данного дела.

70. Суд отмечает, что в высказываниях заявителя выделяются два аспекта: критика в адрес полиции и прокуратуры за их, по мнению заявителя, нежелание завершить расследование по жалобе на действия А. П., Р. В. и М. М. и утверждение заявителя о том, что последние являются мошенниками («delapidatori»).

71. Суд отмечает, что нарушение права заявителя на свободное выражение мнения касается лишь второго аспекта. Основанием для решения Бухарестского окружного суда о признании заявителя виновным было использование г-ном Константинеску определенного термина, которым он охарактеризовал трех учителей и который был сочтен порочащим, а не факт критики заявителем функционирования правосудия при рассмотрении внутрипрофсоюзных споров.

72. Даже если контекст, в котором были сделаны высказывания заявителя, находился в рамках дискуссии о независимости профсоюзов и функционировании правосудия и, следовательно, вызывал общественный интерес, существуют пределы, ограничивающие право свободно выражать мнение. Не взирая на конкретную роль, которую играл заявитель в качестве представителя профсоюза, он был обязан реагировать в пределах, очерченных, помимо прочего, законным интересом «защиты репутации и прав других лиц», включая презумпцию невиновности. Таким образом, требуется определить, преступил ли заявитель пределы допустимой критики.

73. По мнению Суда, термин «delapidatori», обозначающий людей, признанных виновными в мошенническом присвоении имущества, был оскорбителен для трех учителей, так как их вина не была признана судом.

74. Суд считает, что заявитель вполне мог бы выразить свое критическое отношение и таким образом внести вклад в свободное публичное обсуждение вопросов деятельности профсоюзов, не прибегая к использованию слова «мошенники» («delapidatori»).

75. Соответственно, законный интерес государства, заключавшийся в защите репутации трех учителей, не вступал в противоречие с интересом заявителя, заключавшемся в участии в вышеупомянутой дискуссии.

76. Таким образом, Суд убедился в том, что мотивы, которыми руководствовались национальные власти, были «уместными и достаточными» с точки зрения пункта 2 статьи 10.

77. Он также отмечает, что по обстоятельствам данного дела явившееся результатом вмешательство государства было соразмерно преследуемой им законной цели. Суд считает, что назначенное наказание, а именно штраф в 50 тыс. лей и распоряжение выплатить каждому из трех учителей 500 тыс. лей в возмещение нематериального ущерба, не было чрезмерно суровым.

78. Соответственно, поскольку в решении Бухарестского окружного суда не усмотрено выхода за пределы сферы усмотрения, оставленной национальным властям, нарушения статьи 10 Конвенции в настоящем деле не установлено.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

79. В соответствии со статьей 41 Конвенции,

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Денежный ущерб

80. Заявитель потребовал компенсации в размере ста миллионов долларов США за нематериальный ущерб, понесенный им в результате дискредитации после вынесенного ему обвинительного приговора суда. В компенсацию же за материальный ущерб заявитель потребовал возмещения ему суммы штрафа, уплаченного им в порядке уголовного наказания по приговору суда, а также сумм, выплаченных трем учителям. Он также утверждал, что понес убытки в виде потери дохода, так как из-за эмоционального стресса и волнения, вызванного различными разбирательствами, не смог опубликовать написанную им и уже принятую издательством книгу. Соответственно, он потребовал

выплаты ему суммы в 2 миллиарда лей в возмещение материального ущерба.

81. Правительство заявило, что сам факт признания нарушения уже является справедливой компенсацией.

82. Суд отмечает, во-первых, что заявитель не привел никаких доказательств в пользу своего утверждения о якобы понесенной потере дохода. Он отмечает, что единственным обоснованием расчета суммы справедливого возмещения в настоящем случае может служить тот факт, что дело заявителя не получило справедливого разбирательства в Бухарестском окружном суде. Суд признает, что не может строить предположений о возможном исходе процесса в ином случае, однако находит некоторые основания считать, что заявитель мог в данном судебном разбирательстве понести ущерб в смысле упущенной реальной возможности (см. постановление по делу «Пелисье и Сасси против Франции» (*Pélissier and Sassi v. France*) [GC], no. 25444/94, § 80, ECHR 1999-II). Руководствуясь требованием статьи 41 о справедливой компенсации, Суд назначает заявителю компенсацию в сумме 15 тыс. французских франков, подлежащих переводу в румынские лей по действующему на дату выплаты курсу.

В. Издержки и расходы

83. Заявитель потребовал возмещения ему всех издержек и расходов, связанных с национальным судопроизводством, в размере, эквивалентном 200 тыс. лей в 1994 году.

84. Правительство не сделало никакого заявления по этому вопросу.

85. Суд отмечает, что заявитель лично защищал себя на заседании Комиссии, а на слушании в Суде имел представителя. Он также отмечает, что Совет Европы оплатил расходы г-на Константинеску на юридическую помощь в размере 10 тыс. 806 французских франков. Ввиду установленного нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, Суд решает на основе справедливости назначить заявителю компенсацию в размере 20 тыс. французских франков, за вычетом упомянутой выше суммы, уже выплаченной Советом Европы. Остаток подлежит переводу в румынские лей по действующему на дату выплаты курсу.

С. Ставка пени

86. Суд считает уместным применение официально установленной процентной ставки пени, действующей во Франции на день настоящего судебного решения, т.е. 2,47% годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет единогласно*, что заявитель может считаться «жертвой» нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в пределах смысла статьи 34 Конвенции;
2. *Постановляет* (пятью голосами против двух), что заявитель может считаться «жертвой» нарушения статьи 10 Конвенции в пределах смысла статьи 34 Конвенции;
3. *Постановляет единогласно*, что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции имело место;
4. *Постановляет* (шестью голосами против двух), что нарушение статьи 10 Конвенции не имело места;
5. *Постановляет единогласно*:
 - a) что государство — ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю 15000 ф. фр. (пятнадцать тысяч французских франков) в качестве компенсации материального и нематериального ущерба и 20000 ф. фр. (двадцать тысяч французских франков) в качестве компенсации расходов и издержек, за вычетом 10806,10 ф. фр. (десяти тысяч восьмисот шести французских франков и десяти сантимов), в переводе на румынские леи по действующему на дату выплаты курсу;
 - b) что со дня истечения вышеупомянутого трехмесячного срока и до полной уплаты сумм на суммы начисляется пеня в виде простого процента в 2,47% годовых;
6. *Отклоняет единогласно* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке и объявлено в письменной форме 27 июня 2000 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Вильгельмина Томассен
Майкл О'Бойл

Председатель Суда
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, в приложении к данному судебному постановлению приводится частично расходящееся с постановлением особое мнение г-на Кассадеваля.

Частично расходящееся с постановлением особое мнение судьи Кассадеваля

1. Я голосовал вместе с большинством, согласившись с тем, что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции имело место. Однако мой подход отличается от мнения большинства в отношении статьи 10, которая, по моему мнению, также была нарушена.

2. Поскольку Суд постановил, что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции имело место, так как суд не заслушал показания заявителя, всесторонний анализ фактов неизбежно приводит к выводу о нарушении и статьи 10. Та часть постановления Суда, что касается предварительного возражения Правительства, в особенности пункт 43, подтверждают мою точку зрения.

3. Если бы пункт 1 статьи 6 не был нарушен, иными словами, если бы на слушании в Бухарестском окружном суде, признавшем его виновным в уголовно наказуемой клевете, заявитель получил возможность дать показания в свою защиту, делая упор на добросовестность своих намерений и, в особенности, доказывая соответствие своих утверждений действительности, на что имеет право, согласно статье 207 Уголовного кодекса Румынии, любой обвиняемый, исход уголовного судебного разбирательства мог бы стать иным. Более того, последующие события подтверждают это предположение.

4. Как заявляет Суд (в пункте 72 своего постановления), высказывания, о которых идет речь, были сделаны в контексте свободной дискуссии о независимости первых профсоюзов, образованных в Румынии после падения прежней системы, а также о функционировании правосудия. Термин «мошенники» («delapidatori»), использованный для характеристики А. П., Р. В. и М. М., должен оцениваться в свете всего дела в совокупности и того контекста, в котором заявитель использовал данное слово, впоследствии воспроизведенное и

опубликованное журналистом. Несомненно, на карту был поставлен вопрос, вызывавший общественный интерес.

5. Нельзя сказать, что использованные заявителем термины были совершенно необоснованны, поскольку Суд первой инстанции, оправдывая заявителя, указал на то, что учителя действительно не возвратили некие суммы денег, принадлежащие профсоюзу. Не была установлена и злонамеренность со стороны заявителя, поскольку тот же суд установил, что решение прокурора о прекращении производства по делу не было выслано ни трем фигурировавшим в нем учителям, ни заявителю (пункты 16 и 63 судебного постановления) в момент, когда были сделаны означенные высказывания.

Эти два фактора (не вполне голословные высказывания и отсутствие злого умысла) не оспаривались Бухарестским окружным судом, который, однако, вынес заявителю обвинительный приговор, даже не рассмотрев доводов в защиту соответствия слов действительности, на которую заявитель рассчитывал.

Я считаю, что такое вмешательство не было необходимым; в частности, наличия «наущной общественной потребности» — условия, установленного и последовательно подчеркиваемого в прецедентах Суда, — не было продемонстрировано. Хотя нельзя строить предположения о выводах, к которым мог бы прийти Бухарестский окружной суд, если бы он рассмотрел предложение заявителя доказать соответствие действительности своих высказываний, я считаю отказ Окружного суда рассмотреть доводы защиты, важность которых невозможно отрицать (согласно статье 207 УК Румынии, там где соответствие утверждения действительности доказано, противоправное деяние в виде диффамации, предусмотренное статьей 206 УК, не имеет места), равносильным вмешательству в осуществление заявителем своей свободы выражать мнение, не отвечающему критерию необходимости.

6. Наконец, дополнительный свет на дело проливает тот факт, что более чем два года спустя Бухарестский окружной суд по собственному почину принял постановление, исправившее ряд ошибок (или, скорее, пропусков) в записи протокола слушания и в тексте решения от 10 октября 1994 года, в котором заявитель признается виновным. Еще более значимо то, что спустя пять лет после осуждения заявителя Верховный Суд, удовлетворив ходатайство Генерального прокурора, также направленное по его собственной

инициативе, оправдал заявителя на том основании, что умысла в нанесении ущерба чести и достоинству, являющегося элементом состава преступления, не было установлено (пункт 34 судебного постановления). Это решение, принятое без всякой инициативы со стороны заявителя и вынесенное с большим опозданием (всего за сорок пять дней до слушания в Страсбурге), может означать лишь неявное признание того, что нарушение статьи 10 Конвенции все-таки имело место.

7. Ввиду этого, в отличие от большинства судей, я не убежден в том, что вмешательство было необходимым и в том, что основания для таких действий национальных властей в настоящем деле были «уместными и достаточными».

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005

© Перевод с англ. Д. Д. Егоров

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ЛЕАНДЕР ПРОТИВ ШВЕЦИИ» (Leander v. Sweden)

(жалоба № 9248/81)

Постановление Суда

Страсбург, 26 марта 1987 года

Тема: свобода информации, национальная безопасность.

Подтема: доступ к информации о персональных данных, право на неприкосновенность частной жизни в аспекте доступа к информации

Критерий: предусмотрено законом, необходимость в демократическом обществе

В чем выразилось ограничение права: отказ заявителю в доступе к секретному полицейскому реестру о его личности, разглашение которых послужило основанием для отказа ему в приеме на работу.

Решение: Нет нарушения права на неприкосновенность частной жизни (статья 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Швеция.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель был временно трудоустроен в должности техника Военно-морского музея на юге Швеции. Спустя короткое время, ему велели оставить работу в связи с результатами проверки личного состава, проведенной специальным полицейским подразделением. В последствии директор музея сообщил заявителю, что результаты проверки были неблагоприятными, и что он не может продолжить работать в музее. Заявитель подал прошение информировать его о причинах, оспаривая решение Управления, которое могло бы сообщить ему сведения, хранящиеся в реестре спецподразделения полиции, при необходимости устно или с условием неразглашения. Правительство отклонило прошение, сославшись на то, что доступ заявителя к файлу был ограничен по причинам национальной безопасности.

Оценка Европейского Суда:

Заявитель утверждал, что отказ в доступе к информации нарушал его право на уважение частной жизни, а также его право получать информацию.

Право на уважение частной жизни

Факт, что в секретном полицейском реестре хранится информация, затрагивающая частную жизнь г-на Леандера. Этот факт представлял собой вмешательство в его частную жизнь, которое преследовало законную цель обеспечить национальную безопасность. Вопрос заключался в том, было ли вмешательство «предусмотрено законом» и «необходимо в демократическом обществе».

Предусмотрено законом

Суд снова напомнил общие принципы, действующие в рамках статьи 8 Конвенции, предусматривающей право на уважение частной жизни:

«Выражение «предусмотрено законом» требует, для начала, чтобы вмешательство имело под собой основу во внутригосударственном праве. Однако условие соответствия внутригосударственному праву не соблюдено: рассматриваемый закон должен быть доступен затронутому индивиду и его последствия должны быть для него предсказуемы» (п. 50).

Далее он продемонстрировал применение общих принципов в настоящем деле, проанализировав критерий «предусмотрено законом» с точки зрения «предсказуемости» и «ясности» правовой нормы для частных лиц:

«Тем не менее, требование предсказуемости в особом контексте тайных проверок личного состава в секторах, влияющих на национальную безопасность, не может быть одинаковым с другими областями. Таким образом, это не означает, что частное лицо должно четко предвидеть, какую проверку его личности проведет специальное полицейское подразделение Швеции для обеспечения национальной безопасности. Однако в системе, применимой в

целом ко всем гражданам, как, например, в соответствии с Постановлением о проверке личного состава, закон должен быть предельно ясным в формулировке, чтобы предоставить гражданам адекватное указание обстоятельств и условий, при которых государственные органы вправе прибегнуть к данному виду секретного и потенциально опасного вмешательства в частную жизнь.

В оценке удовлетворительности критерия предсказуемости можно учитывать постановления или административную практику, не имеющие статус материального права, поскольку их содержание вполне известно.

В дополнение, если исполнение закона включает в себя секретные меры, досконально не раскрытые для рассматриваемых частных лиц, или общественности в целом, сам закон, в противовес сопутствующей ему административной практике, должен указывать рамки свободы действий компетентного органа с достаточной ясностью, принимая во внимание законную цель рассматриваемой меры, чтобы предоставить частному лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства» (п. 51).

Сведения, к которым заявитель искал доступ, удерживались в соответствии с административным Постановлением, предоставлявшим широкую свободу усмотрения органам власти относительно того, какая информация могла быть занесена в реестр. Однако эта свобода была ограничена важным условием, предусмотренным Конституцией, что внесенная информация должна иметь отношение к обеспечению национальной безопасности. Было запрещено делать запись в реестре исключительно на основании принадлежности к какой-либо политической партии. К тому же, данная свобода усмотрения ограничивалась соответствующими распоряжениями Правительства, но только одно из трех распоряжений было обнародовано и было доступно, следовательно, только его можно было брать во внимание. В заключение было отмечено, что Постановление содержит четкие и подробные положения о том, какая информация может быть выдана, каким органам данная информация может быть передана, обстоятельства, при которых может быть осуществлена такая передача, а также процедура, которую необходимо соблюдать. Суд пришел к выводу, что оно дает гражданам адекватное указание границ

и способа осуществления свободы усмотрения, предоставленной ответственным органам для сбора, записи и разглашения информации в системе проверки личного состава.

Необходимость в демократическом обществе

Суд напомнил, что:

«Понятие необходимости подразумевает, что вмешательство отражает насущную потребность и, в частности, пропорционально преследуемой законной цели».
(п. 58)

Суд признает важность системы контроля персонала при трудоустройстве:

«В рамках защиты национальной безопасности не ставится под сомнение необходимость закона, дающего власть компетентным внутригосударственным органам договаривающихся государств, во-первых, собирать и хранить в реестрах недоступную для общественности информацию о частных лицах и, во-вторых, использовать эти сведения при оценке пригодности кандидата для получения должности, значимой для национальной безопасности»
(п. 59).

Суд выразил согласие с тем, что границы оценки, использованные государством — ответчиком при оценивании насущной социальной потребности в настоящем деле и, в частности, при выборе мер для достижения законной цели обеспечить национальную безопасность, были достаточно широки. Тем не менее:

«В свете угрозы того, что система секретного наблюдения для обеспечения национальной безопасности может подорвать или даже уничтожить демократию на почве защиты этой безопасности, Суд удовлетворен тем, что существуют адекватные и действенные гарантии, препятствующие ее злоупотреблению» (п. 60).

Постановление содержало ряд положений, разработанных для обеспечения гарантий против такого злоупотребления. Суд придает особую значимость присутствию парламентариев в Национальном

Управлении Полиции, а также инспекциям, проводимым Канцлером Юстиции и Парламентским Омбудсменом, а также Комитетом Правосудия при Парламенте. Суд счел, что этого достаточно для удовлетворения требованиям «необходимости». Учитывая широкие границы оценки, которые применяются в вопросах национальной безопасности, Суд все же счел, что не было нарушения права на уважение частной жизни.

Свобода информации

Заявитель утверждал, что отказ в доступе к секретным сведениям представлял собой вмешательство в его право получать информацию, а также право выражать свое мнение.

Суд считает, что государственные служащие также имеют право выражать свое мнение:

«Само по себе право найма на государственную службу не признается Конвенцией, отсюда, однако, не следует, что в других аспектах государственные чиновники, включая чиновников, проходящих испытательный срок, выпадают за рамки действия Конвенции и защиты, предусмотренной правом на свободу выражения мнения» (п. 71).

Тем не менее, Суд счел, что не было нарушения права заявителя выразить свое мнение. Он подвергся секретной проверке лишь с целью установления, что заявитель обладал необходимыми личными качествами, и был отклонен по причинам, связанным с национальной безопасностью.

Учитывая обстоятельства настоящего дела, статья 10 не дает частному лицу право доступа к реестру, содержащему сведения о его личности, и не возлагает на Правительство обязательство сообщить эти сведения частному лицу.

Суд пришел к выводу об отсутствии нарушений статьи 8 и статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005

© Перевод с англ. М. Н. Залата

ДЕЛО «ЛЕАНДЕР ПРОТИВ ШВЕЦИИ»²

(Leander v. Sweden)

(жалоба № 9248/81)

Постановление Суда
Страсбург, 26 марта 1987 года

По делу «Леандер против Швеции» Европейский Суд по правам человека в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»), заседая Палатой в следующем составе:

г-н. Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н. Г. Лагергрэн,
г-н. Ф. Гёлькюкюлю,
г-н. Л.-Э. Петтити,
Сэр Винсент Эванс,
г-н. К. Руссо,
г-н. Р. Бернхардт, *судьи*,

а также г-н М.-А. Эйссен, *Секретарь Секции Суда*,
и г-н Г. Петцольд, *заместитель Секретаря Секции Суда*,

Проведя 30 и 31 мая, 28 августа 1986 года, и 25 февраля 1987 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее — «Комиссия») 11 июля 1985 года в

² *Примечание Секретаря Секции Суда:* Номер дела — 10/1985/96/144. Вторая цифра в номере дела указывает на год, в котором дело было передано в Суд, а первая — указывает порядковый номер дела в списке дел, переданных в этот год. Последние две цифры указывают, соответственно, на порядковый номер дела в списке дел, переданных в Суд с момента его создания, и жалоб, принятых Комиссией.

трехмесячный срок, установленный пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело против Королевства Швеции было начато после принятия Комиссией жалобы (№ 9248/81) 2 ноября 1980 года в соответствии со статьей 25, поданной гражданином Швеции, г-ном Торстеном Леандером (Torsten Leander).

2. Направленный Комиссией запрос основан на статьях 44 и 48 декларации, которой Швеция признавала обязательной юрисдикцию Суда (статья 46). Целью запроса было получить решение Суда и установить по фактам дела возможное нарушение государством — ответчиком своих обязательств согласно статьям 8, 10 и 13 Конвенции.

3. В ответ на запрос, поданный в соответствии с подпунктом (d) п. 3 Правила 33 Регламента, заявитель изъявил желание принять участие в судебных слушаниях и указал имя адвоката, который будет представлять его интересы в суде (Правило 30).

4. В состав Палаты из семи судей вошли *ex officio* г-н Г. Лагергрэн, избранный судьей от Швеции (статья 43 Конвенции) и г-н Р. Риссдал, Председатель Суда (п. 3 (b) Правила 21). 2 октября 1985 года Председатель Суда в присутствии Секретаря по жребию определил имена остальных пяти судей, а именно: г-на Дж. Кремону, г-на Ж. Виарду, г-на Л.-Э. Петтити, Сэра Винсента Эванса и г-на Р. Бернхардта (статья 43 Конвенции и п. 4 Правила 21). Г-н Ё. Герсинг, замещающий должность судьи, в последствии сменил г-на Виарду, чей срок на посту судьи истек до момента слушания, и на заключительной стадии г-н Ф. Гелькюкю и г-н К. Руссо заменили судей, г-на Герсинга и г-на Кремону, которые не смогли принять участие в рассмотрении дела (п. 3 Правила 2, п. 1 Правила 22 и п. 1 Правила 24).

5. Г-н Риссдал занял должность Председателя Палаты (п. 5 Правила 21). Он выяснил через Секретаря мнения Уполномоченного от Правительства Швеции (далее — «Правительство»), Представителя Комиссии и адвоката заявителя относительно необходимости письменной процедуры (п. 1 Правила 37). 12 декабря 1985 года Председатель Суда предписал адвокату и Уполномоченному от Правительства, если он сочтет нужным, представить меморандумы до 4 февраля 1986 года. Представитель Комиссии должен был письменно ответить в двухмесячный срок со дня передачи ему через Секретаря последнего из вышеуказанных документов, независимо, чей меморандум будет представлен последним.

Меморандум заявителя был передан в судебную канцелярию 3 февраля. В тот же день уполномоченный представитель Правительства прислал уведомительное письмо о том, что Правительство не намеревалось подавать меморандум. 21 марта секретарь Комиссии проинформировал Секретаря Суда, что Представитель Комиссии выскажет свои замечания на судебном слушании.

6. После проведения консультации 3 апреля 1986 года через Секретаря с Уполномоченным от Правительства, Представителем Комиссии и адвокатом заявителя Председатель огласил дату устного слушания 26 мая 1986 года (Правило 38).

28 апреля Комиссия передала Секретарю несколько документов, предъявление которых он запрашивал по поручению Председателя Суда. 12 мая некоторые дополнительные документы, завершённые заявителем, были переданы в Секретариат Суда.

7. Публичное слушание состоялось в назначенный день во Дворце прав человека в Страсбурге. Сразу после открытия Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства:

- г-н Г. Корелл, Посол, Помощник Министра по судебным и консульским делам, Министерство Иностранных Дел, уполномоченное лицо;
- г-н К. Бергеншtrand, заместитель Помощника министра, Министерство Юстиции;
- г-н С. Хёглунд, Начальник подразделения, Национальное Полицейское Управление, советники;

(b) со стороны Комиссии:

- г-н Г. Шермерс, Представитель;

(c) со стороны заявителя:

- г-н Д. Тольборг, адвокат;
- г-н Дж. Лестадиус, консультант.

8. Суд выслушал выступления г-на Корелла от Правительства, г-на Шермерса от Комиссии и г-на Тольборга от заявителя, а также их ответы на вопросы Суда и некоторых судей.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Заявитель, г-н Торстен Леандер, родившийся в 1951 году, является гражданином Швеции и работает плотником.

10. 20 августа 1979 года он приступил к временным обязанностям музейного техника (*vikarierande museitekniker*) в Музее Военно-Морских Сил г. Карлскрона, на юге Швеции. Музей примыкает к Карлскронской Военно-Морской базе, являющейся закрытой военной охраняемой территорией.

Заявитель утверждал в Суде, что, по сути, он должен был проработать в этой должности десять месяцев, пока постоянный сотрудник был в отпуске. Он утверждал, что 3 сентября ему велели прекратить работу и ожидать результата личной проверки, которую необходимо было провести в соответствии с Постановлением о Проверке личного состава от 1969 года (*personal-kontrollkungörelsen 1969:446* — см. пп. 18-34 ниже). По словам заявителя, запрос о проверке был подан 9 августа 1979 года.

Правительство заявило, что заявителю была предоставлена работа с 20 августа по 31 августа 1979 года, что подтверждено уведомлением, выданным с этой целью 27 августа 1979 года директором музея. Далее правительство настаивало, что при предоставлении работы г-ну Леандеру директор допустил две ошибки. Во-первых, предоставление работы какому-либо лицу до проведения личной проверки противоречило процедуре, установленной в Постановлении и соответствующих положениях, приведенных ниже. Во-вторых, это место не было правильно заявлено вакантным.

11. Необходимые шаги были сделаны 30 августа 1979 года. Должность была объявлена вакантной до 28 сентября 1979 года. Г-н Леандер не подал заявление.

12. Выяснилось, что 25 сентября директор сообщил заявителю, что результаты проверки были не в его пользу, и, соответственно, он не мог получить работу в Музее.

13. Следуя рекомендации Начальника по безопасности Военно-Морской базы, заявитель написал прошение Командующему флотом (*chefen för marinen*), чтобы информировать его о причинах, по которым он не может быть трудоустроен в военно-морском музее.

В своем ответе от 3 октября 1979 года Командующий флотом изложил, среди прочего, следующее:

«В распоряжении музея находятся несколько складских помещений и исторических объектов, расположенных на территории, за безопасность которой несет ответственность Командующий Военно-Морской базы (örlogsbaschefen). Согласно информации, полученной Командующим флотом, лицо, занимающее рассматриваемую должность, должно иметь право свободно перемещаться по территориям с ограниченным доступом. Правила доступа к этим территориям, таким образом, должны распространяться и на персонал музея.

По этим причинам Командующий Военно-Морской Базой запросил проверку личного состава.

Осуществленная проверка выявила причины, по которым Командующий, оценив Вашу кандидатуру с точки зрения безопасности, вынес решение не принимать Вас на работу.

Однако если Ваши должностные обязанности в военно-морском музее не будут подразумевать доступ к военно-морским сооружениям, командующий не видит причин возражать против Вашего приема на работу. Решение о найме Вас на работу было принято по процедуре, отличной от настоящей».

14. 22 октября 1979 года заявитель подал жалобу в Правительство, где просил отменить оценку Командующего флотом и объявить его кандидатуру допустимой для временного трудоустройства в военно-морском музее, независимо от возможности восстановления на работу. В частности он указал, что оставил постоянное место работы в г.

Даларна (северная Швеция), поскольку получил работу в военно-морском музее, а также, что негативный результат проверки может повлечь социальные нужды, особенно учитывая, что заявителю надо содержать жену и ребенка. В своей первоначальной жалобе, а затем в письме от 4 декабря 1979 года, г-н Леандер просил предоставить ему информацию о причинах, по которым ему отказали в трудоустройстве в военно-морском музее.

Правительство поинтересовалось мнением Верховного командующего Вооруженных Сил (*överbefälhavaren*), который, в свою очередь, запросил мнение Командующего флотом.

Командующий флотом в письме от 7 ноября 1979 года объяснил, что 17 сентября 1979 года получил результаты проверки от Верховного Командующего вместе со следующим предложением:

«Принят согласно оценке [Командующего флотом], при условии, что Л. не будет посредством доступа к помещениям музея или по характеру своей работы вникать в секретную деятельность».

Командующий флотом добавил, что, по его информации, директору музея был необходим человек на рассматриваемую должность, имеющий свободный доступ и право самостоятельно перемещаться по военно-морской базе, и, соответственно, 21 сентября 1979 года он принял решение отказать заявителю.

В ответ на вопрос Правительства, Верховный Командующий Вооруженных Сил высказал среди прочего следующее:

«Тем не менее, работа г-на Леандера в этот период, с 15 августа до 1 сентября 1979 года, не сопровождалась доступом к военно-морской базе. Командующий флотом уже высказал свое мнение, что не будет возражать против трудоустройства на таких условиях. Директор военно-морского музея, однако, подтвердил требование, что г-н Леандер должен иметь доступ к военно-морской базе.

В свете вышеизложенного, а также в связи с тем, что в случае предоставления доступа г-ну Леандеру к базе, у него будет доступ к секретным сооружениям и информации,

Командующий флотом принял решение отказать заявителю в трудоустройстве.

При рассмотрении данного случая Командующий флотом полностью следовал существующим предписаниям, касающимся оценки личных качеств и квалификации заявителя с точки зрения безопасности.

...

Аналогично Командующему флотом, Верховный командующий Вооруженных Сил считает, что г-н Леандер может быть должным образом принят на работу в военно-морской музей в случае, если для выполнения работы на должности, куда он будет трудоустраиваться, не будет требоваться доступ к военно-морской базе».

Мнение Верховного командующего Вооруженных Сил сопровождалось секретным приложением, содержащим информацию о г-не Леандере, которая была предоставлена Государственным Полицейским Управлением (*rikspolisstyrelsen*). Содержание данного приложения не сообщалось заявителю, оно не было включено в материалы, предоставленные Суду.

15. В своем письме от 5 февраля 1980 года, адресованном Правительству, заявитель выдвинул новые доводы, обжалуя ситуацию. Они касались решения Государственного Полицейского Управления не прибегать к своим полномочиям в соответствии со статьей 13 Постановления о проверке личного состава, и не предоставлять заявителю собранные на него сведения (см. п. 31 ниже). Заявитель обратился к Правительству с просьбой до вынесения решения по его обращению от 22 октября 1979 года предоставить ему право ознакомиться и прокомментировать сведения, распространенные полицейским управлением.

В этом вопросе Правительство сослалось на мнение Управления. В своем ответе от 22 февраля 1980 года, Управление предлагало отклонить жалобы заявителя. Далее говорилось:

«Внесение информации в реестр Департамента по безопасности Управления основано, главным образом, на Королевском Указе от 1973, который является секретным.

До внесения информации вопрос о внесении в реестр записи оценивается государственными чиновниками на нескольких уровнях, в обязанности которых входит проверка на соответствие вышеприведенным правилам в отношении каждого пункта информации. В спорных случаях вопрос о внесении записи решает Начальник Департамента по безопасности.

Сведения из реестра выдаются согласно статье 9 Постановления о проверке личного состава после решения, принятого Государственным Полицейским Управлением на пленарном заседании. По крайней мере, три из шести членов Управления, назначенных из числа членов Парламента должны присутствовать при принятии решений, касающихся рассмотрения вопросов о проверке личного состава. В случае заявителя присутствовали все шесть парламентариев.

...

Согласно статье 13 Постановления о проверке личного состава, лицу, которого касается эта информация, должна быть предоставлена возможность изложить свои соображения по вопросу, если на то есть особые причины. Однако Государственное Полицейское Управление не стало прибегать к этому положению в случае заявителя, поскольку для этого не было особых причин, а также потому, что запись была осуществлена в соответствии с Королевским Указом, и раскрытие информации частично обнародовало бы содержание этого указа».

Г-н Леандер изложил свое мнение в письме от 11 марта 1980 года, адресованном Правительству, в котором он выразил несогласие и высказал мнение, среди прочего, что Управление могло все же сообщить ему информацию, хотя бы устно и с требованием о ее неразглашении.

16. Решением от 14 мая 1980 года Правительство целиком отклонило жалобу заявителя. В результативной части решения приводилось следующее:

«Вопрос о пригодности какого-либо лица для выполнения определенной работы может рассматриваться

Правительством только в контексте жалобы на назначение на должность. Леандер не подал апелляцию в Правительство по вопросу его назначения. Следовательно, просьба заявителя о том, чтобы Правительство объявило его кандидатуру пригодной для временного трудоустройства на рассматриваемую должность, не может быть рассмотрена.

В настоящем деле нет особых обстоятельств, предусмотренных статьей 13 Постановления о проверке личного состава, которые устанавливали бы право г-на Леандера ознакомиться с информацией, переданной Государственным Полициейским Управлением Верховному командующему Вооруженных Сил.

Остальная часть обращения г-на Леандера сводится к просьбе предоставить выписку из полицейского досье, или информацию о его содержании.

Правительство отклоняет [данную] просьбу...

Правительство не рассматривает просьбу г-на Леандера о повторной оценке его кандидатуры и не принимает мер относительно любой другой части его обращения».

17. Заявитель настаивал в Суде на том, что до сих пор не знаком с содержанием секретной информации, собранной в отношении него.

Относительно своей личности, заявитель сообщил следующие детали Комиссии и Суду. На интересующий период времени он не принадлежал ни к одной политической партии, начиная с 1976 года. Ранее он состоял в рядах Коммунистической партии Швеции. Он также был членом ассоциации, публикующей радикальный журнал — Fib/Kulturfront. В период военной службы, в 1971-72 годах, он принимал активное участие в профсоюзе военнослужащих, и в качестве его представителя участвовал в конференции в 1972 году, которая, по его словам, контролировалась службой безопасности. Во время службы в армии он единственный раз был осужден в уголовном порядке и понес наказание в виде штрафа в размере десяти шведских крон за опоздание на военный парад. Он также был активистом Ассоциации строителей Швеции и пару раз бывал в Восточной Европе.

Заявитель, однако, утверждал, что по единогласным заявлениям ответственных лиц, ни одно из вышеупомянутых обстоятельств не послужило причиной неблагоприятного результата личной проверки.

II. Применимое национальное законодательство

A. Запрет на запись в реестре на основании убеждений

18. Согласно части 2 статьи 3 Шведского Акта о Правительстве (*regeringsformen*), который является основной составляющей Шведской Конституции (в дальнейшем — «Конституция»), «никакая запись не может быть внесена в государственный реестр относительно гражданина исключительно на основе его политических убеждений, иначе, как с его согласия».

B. Секретный полицейский реестр

19. Правовая основа реестра, хранящегося в департаменте по безопасности Государственного Полицейского Управления (далее — «секретный полицейский реестр»), закреплена в Постановлении о проверке личного состава, введенном Правительством в соответствии с его полномочиями, и опубликованным в Официальном бюллетене Швеции (*svensk författningssamling, 1969:446*). Статья 2 Постановления (с поправками 1972:505) предусматривает:

«Для осуществления специальной полицейской деятельности, отвечающей за обнаружение и предотвращение преступлений против национальной безопасности и т.д., в Департаменте по безопасности Государственного Полицейского Управления должен храниться специальный полицейский реестр. В этот реестр Государственное Полицейское Управление может вносить информацию, необходимую для специальной полицейской деятельности.»

Запись в полицейском реестре, упомятом в первом абзаце, не может быть сделана только на основании того, что какое-либо лицо, являясь членом какой-либо организации, или иным другим способом выразило свои политические убеждения. Другие положения о применимости этого правила должны быть определены Правительством».

20. Впоследствии, следующие указания, опубликованные 22 сентября 1972 года, были даны Правительством Государственному Полицейскому Управлению:

«В стране существуют организации и группировки, вовлеченные в политическую деятельность, которая включает в себя использование или возможность использования силы или угрозы насилия как средства достижения своих политических целей.

Некоторые организации приняли программу, в которой говорится, что организация будет прилагать усилия, чтобы изменить социальное устройство насильственным путем. Однако можно предположить, что большая часть членов таких организаций никогда не примет участие в реализации целей программы. Простой факт членства в такой организации, соответственно, не служит поводом для службы безопасности делать запись о человеке в секретный реестр. Однако запись может быть сделана, если член подобной организации или ее сторонник совершил действия, подтверждающие предположение, что он может готовиться к участию в деятельности, представляющей угрозу национальной безопасности и направленной, или способствующей силовому низвержению демократического строя, или наносящей ущерб статусу Швеции как независимому государству.

Существуют также организации и группировки, которые могут быть вовлечены или были вовлечены, в политические перевороты в Швеции или в других государствах, с использованием силы, угроз или насилия, как средств проведения такого переворота. Информация о членах и сторонниках подобных организаций или группировок должна быть занесена в реестр Службы безопасности.

Дальнейшие указания, касающиеся применения статьи 2 Постановления о проверке личного состава, должны быть представлены Правительством в соответствии с предложениями Государственного Полицейского Управления. Если в ходе выполнения определенных функций возникнут обстоятельства, требующие внесения поправок в распоряжения, принятые Правительством, Государственное

Полицейское Управление обязано изложить предложения для этих поправок».

21. Следующие предписания, на этот раз секретные, были приняты Правительством 27 апреля 1973 года и повторно 3 декабря 1981 года.

22. В дополнение к обстоятельствам, предусмотренным в Постановлении о проверке личного состава (см. п. 24 ниже), Государственное Полицейское Управление вправе распространять сведения из секретного полицейского реестра в ряде случаев: при рассмотрении дел публичного обвинения и по вопросам, затрагивающим заявления на предоставление шведского гражданства.

С. Проверка личного состава

23. В дополнение к вышеприведенным положениям о секретном полицейском реестре, Постановление о проверке личного состава содержит в себе, среди прочего, статьи о должностях, имеющих гриф секретности, процедуре выдачи информации и использовании полученной информации. Основные статьи, имеющие отношение к делу, кратко приведены ниже.

24. Согласно статье 1, проверка личного состава означает получение информации из полицейского реестра о лицах, занимающих или рассматриваемых на предмет замещения должностей, важных для национальной безопасности.

25. Статья 3 (с поправками, внесенными Постановлением 1976:110) предусматривает список некоторых должностных лиц, включая Верховного командующего Вооруженных Сил, полномочия которого позволяют требовать проверку личного состава.

26. В статье 4 оговорено, что проверка личного состава может быть осуществлена только в отношении некоторых должностей, имеющих важное значение для национальной безопасности. Упомянутые должности имеют грифы секретности двух степеней (*skyddsklasser*), в зависимости от их важности для национальной безопасности. Решение о присвоении должности грифа секретности первой степени, принимается Правительством, в то время как право присваивать той или иной должности гриф секретности второй степени предоставляется соответствующему органу власти.

27. Согласно статье 6, запросы о раскрытии информации с целью проверки личного состава должны быть направлены в Государственное Полицейское Управление, и затрагивать лишь то лицо, которое будет назначено на должность.

28. Статьи 8 и 9 предусматривают тип информации, который может быть выдан уполномоченному по назначениям.

Если интересующая должность попадает в первую категорию, Государственное Полицейское Управление может в соответствии со статьей 8 распространить полную информацию об упомянутом лице, содержащуюся в секретном полицейском реестре или любом другом полицейском реестре. Если должность попадает во вторую категорию, Управление вправе на основании статьи 9 (с поправками Постановления 1972:505) предоставить только определенный вид информации об интересующем человеке, в частности:

«1. Признание виновным или подозрение в совершении преступлений, установленных в п. 1 Акта от 21 марта 1952 года (№ 98), предусматривающего отдельные статьи о мерах расследования в определенных уголовных делах (lag med särskilda bestämmelser om tvångsmedel i vissa brottmål) или указанных в пп. 7 и 8 части 13 Уголовного Кодекса» — в основном преступления против общественного порядка, национальной безопасности или Правительства — «или признание виновным, или подозрение в осуществлении попытки, сговора или подстрекательства к совершению данных преступлений;

2. Признание виновным или подозрение в совершении других действий, составляющих преступления против безопасности государства, или направленных и влекущих насильственное свержение демократического правительства, или наносящих ущерб статусу страны как независимого государства; признание виновным или подозрение в осуществлении попытки или сговора совершить эти преступления;

3. Подозрение на основании его деятельности или на ином основании о его готовности участвовать в действиях, упомянутых в подпунктах 1 и 2».

29. Статья 11 предусматривает, что при вынесении решения о разглашении информации, содержащейся в реестре, в совет Государственного Полицейского Управления должны входить комиссар полиции (*rikspolischefen*), начальник Службы безопасности и члены совета, назначенные Правительством. Таких членов — шесть, обычно это члены или бывшие члены Парламента, состоящие в разных политических партиях, включая оппозицию. По крайней мере, три из шести членов Парламента должны присутствовать при вынесении решения.

Информация может быть распространена только в случае, если все члены Правления выразили согласие с решением. Если один или более непрофессиональных членов Правления выражают несогласие по поводу разглашения определенной информации, комиссар полиции вправе передать вопрос для рассмотрения Правительству, если сочтет, что информация должна быть доступна. Передача вопроса на рассмотрение Правительству возможна также и в том случае, если один из членов обратится с такой просьбой.

30. После получения Государственным Полицейским Управлением запроса о проведении проверки личного состава, осуществляется следующая процедура. Департамент по безопасности готовит меморандум по информации, содержащейся в соответствующих реестрах, и делает устный доклад в Управлении, которое после обсуждения выносит решение о том, может ли информация быть выдана полностью или частично. При принятии решения Управление учитывает, среди прочего, характер рассматриваемой должности, степень достоверности информации, и как давно сделана запись. Если в досье содержится всего несколько записей, то это может служить поводом для отказа в разглашении. Не существует письменного предписания о разглашении, за исключением статей Постановления и Распоряжений Правительства.

31. На момент рассмотрения дела статья 13 предусматривала, что до разглашения информации Государственным Полицейским Управлением в тех случаях, когда речь шла о назначении на должности с грифом секретности первой степени, указанному лицу предоставлялась возможность высказать свои замечания устно или письменно, если не было особых причин для иного. В случаях назначения на должности, имеющие гриф секретности второй степени, вышеприведенная процедура извещения применялась только при особых обстоятельствах. Однако в случаях, когда речь не шла о

должности, имеющей гриф секретности второй степени, Управление и не пыталось выявить какие-либо особые обстоятельства, и, соответственно, не уведомляло лицо о проведении в отношении него проверки — несмотря на то, что такие авторитетные должностные лица, как Канцлер Юстиции и Уполномоченный Парламента, созданные для того, чтобы прокомментировать законопроект, ставший в последствии Постановлением, порекомендовали направлять хотя бы формальное уведомление.

Поправки в статью были введены 1 октября 1983 года (Постановление 1983:764). В настоящее время, до разглашения информации при назначении на должности любой степени секретности, упомянутому лицу предоставляют возможность изложить свои замечания устно или письменно. Это правило, однако, не применимо, если человек ознакомится с секретной информацией в соответствии со статьями, предусмотренными Законом о тайне от 1980 года, за исключением части 7 статьи 17 этого Закона (см. п. 41 ниже), или в случае назначения на негосударственные должности, если запрашивающий орган был освобожден Правительством от обязательства уведомления лица о том, что в отношении него проводится проверка (см. п. 33 ниже).

32. На момент судопроизводства по делу г-на Леандера Государственному Полицейскому Управлению, согласно статье 14, было запрещено присоединить какие-либо комментарии к информации, сообщаемой запрашивающему органу.

33. Статья 19 предусматривала, что до начала проверки власти должны были информировать об этом указанное лицо — за одним исключением, не применимым к настоящему делу.

34. В соответствии со статьей 20, запрашивающий орган должен провести независимую оценку информации, полученной из полицейского реестра, учитывая при этом характер деятельности в рамках рассматриваемой должности, собственные сведения об указанном лице и другие обстоятельства.

D. Гарантии

1. Министр Юстиции

35. На протяжении многих лет Министр Юстиции принимал активное участие в осуществлении надзора за работой службы безопасности и выполнением проверки личного состава. Он провел ряд расследований различной интенсивности. Результаты этих расследований не были оформлены в виде каких-либо отчетов. Однако Правительство заявило, что дискуссии между Министром и Государственным Полицейским Управлением привели к поправкам в государственных распоряжениях и секретных предписаниях.

2. Канцлер Юстиции

36. Должность Канцлера Юстиции имеет старую традицию, и на данный момент установлена статьей 6 Раздела 11 Конституции. Его обязанности и полномочия изложены в Акте о надзоре, осуществляемом Канцлером Юстиции от 1975 года (*lag 1975:1339 om justitiekanslerns tillsyn*) и в распоряжении Правительства, адресованном Канцлеру (*förordning 1975:1345 med instruktion för justitiekanslern*).

Обязанности Канцлера Юстиции, утвержденные Парламентом (*riksdag*), включают надзор за органами государственной власти и их служащими и выступают гарантом того, что их полномочия осуществляются в соответствии с законом и соответствующими нормами. В силу своих полномочий Канцлер часто получает и рассматривает жалобы от частных лиц. Ему также приходится действовать от лица Правительства, защищая интересы государства, и помогать Правительству в порядке консультирования и исследований по правовым вопросам.

Канцлер Юстиции назначается Правительством, он занимает свою должность до выхода на пенсию. Согласно статье 6 Раздела 11 Конституции Канцлер находится в подчинении Правительства. Однако статья 7 того же Раздела Конституции предусматривает: «Ни органы государственной власти», включая Правительство, «ни Парламент, ни муниципальные распорядительные органы не могут определять то, каким способом административные органы», включая Канцлера Юстиции, «выносят решение в каждом конкретном случае, когда государственные власти осуществляют свои полномочия по

отношению к частному лицу или к муниципалитету, а также когда речь идет о применении нормы права».

Канцлер Юстиции вправе посещать все заседания, проводимые судами и административными органами, но не высказывать свою точку зрения. Он также имеет право доступа ко всем файлам и документам, хранящимся в этих органах.

Государственные органы и их служащие обязаны предоставить Канцлеру Юстиции запрашиваемую им информацию и отчеты (см. п. 41 ниже).

В рамках своей надзорной функции, Канцлер вправе возбудить уголовное дело в отношении государственных чиновников или подать в отношении них рапорт в порядке дисциплинарного производства.

Канцлер имеет право передать Уполномоченному Парламента, с его согласия, дела, начатые по жалобам от частных лиц, и наоборот. Таким образом, аналогичные жалобы на практике будут рассматриваться либо Канцлером, либо Уполномоченным, но не обоими одновременно.

37. Так как Государственное Полицейское Управление является государственным органом, его деятельность находится под надзором Канцлера Юстиции.

Канцлер регулярно посещает Управление и Службу безопасности, как правило, не реже одного раза в год. Кроме этого, он бывает там, когда этого требуют особые обстоятельства, например, в случае жалобы от частного лица. О его визитах делается соответствующая запись, и протокол ведется таким образом, чтобы его можно было обнародовать. Если необходимо записать секретные сведения, то часть протокола, содержащая такую информацию, не разглашается. Правительство предоставило копию протокола об инспекции от 6 декабря 1983 года, откуда стало известно, что Канцлер Юстиции совместно с двумя чиновниками провели инспекцию помещений Службы безопасности и обсудили, *inter alia*, вопросы, касающиеся проверки личного состава. Ничего особенного, на что можно было бы обратить внимание, инспекция не обнаружила.

У Канцлера Юстиции нет соответствующих полномочий, чтобы менять решение Управления или Службы безопасности, или вмешаться в процесс принятия решений, как таковой, хотя он и вправе

сделать заявление по поводу действий, которые, по его мнению, противоречат закону или являются неуместными.

Поскольку мнение, выраженное Канцлером в связи с инспектированием процедуры проверки личного состава, не имеет юридической силы, может возникнуть сомнение в том, что оно подпадает под сферу, в рамках которой независимость Канцлера гарантирована статьей 7 Раздела 11 Конституции (см. п. 36 выше). Согласно правовой традиции в Швеции невообразимо, однако, представить, что Правительство попытается воспользоваться своей властью в соответствии со статьей 6 Раздела 11 Конституции, и даст указания канцлеру, например, какое мнение высказывать по вопросам, касающимся применения Постановления о проверке личного состава, или вообще запретит ему осуществлять контроль за работой Государственного Полицейского Управления. Таких указаний не существует, и никогда они не давались.

3. Парламентский Омбудсмен

38. Обязанности и полномочия Парламентского Омбудсмeна — института, созданного в 1809 году, четко изложены в статье 6 Раздела 12 Конституции и Акте о предписаниях для Парламентских Омбудсменов (*lag 1975:1057 med instruktion för justitieombudsmännen*).

Четыре человека на должности омбудсменов избираются Парламентом. Их основная функция — осуществлять надзор за исполнением законов и других нормативных актов в сфере государственного управления.

Одна из обязанностей Парламентского Омбудсмeна — обеспечить соблюдение судами и исполнительными органами положений Конституции относительно объективности и беспристрастности и чтобы в ходе государственного управления не было посягательств на основные права и свободы граждан.

Если же, находясь при исполнении своих надзорных обязанностей, Омбудсмен сочтет необходимым поднять вопрос о внесении поправок в законодательство или принятии какой-либо меры со стороны государства, он может внести соответствующее предложение в Парламент или Правительство.

Уполномоченный осуществляет контроль либо на основании жалобы от гражданина, либо путем проведения инспекций и проверок, которые он сочтет необходимыми.

По результатам каждой проверки Омбудсмен составляет отчет, в котором Омбудсмен высказывает свою точку зрения относительно того, противоречит ли данная мера закону или каким-либо иным образом является ненадлежащей. Уполномоченный вправе сделать соответствующее заявление, направленное на содействие единообразному и надлежащему применению закона.

Отчеты Омбудсмена рассматриваются как выражение его личного мнения. Будут или нет эти заявления иметь практический результат, зависит от того, насколько убедительными звучат его доводы для лиц, принимающих решения, и в целом, для данных органов. В целом, довольно часто, хотя не всегда, мнение Омбудсмена учитывают (см. Густав Петрен/Ганц Рагнемальм, *Sveriges Grundlagar*, Стокгольм, 1980г., стр. 327).

Омбудсмен может инициировать возбуждение уголовного или дисциплинарного производства в отношении чиновника, совершившего правонарушение, отступив от исполнения возложенных на него обязанностей.

Омбудсмен вправе присутствовать при вынесении решения судом или органом исполнительной власти, а также иметь доступ к протоколам заседаний и другим документам данного суда или органа власти. Суд, исполнительная власть, а также чиновники центрального правительства и местного самоуправления обязаны предоставлять Омбудсмену любую запрашиваемую им информацию или отчетность. При исполнении своих служебных обязанностей, Омбудсмен может обратиться за помощью к любому прокурору.

39. Из вышесказанного следует, что Государственное Полицейское Управление и его деятельность находятся под контролем Парламентских Омбудсменов.

Согласно сведениям, предоставленным секретарем офиса Омбудсменов, существует следующая процедура, в случае, если основанием для контроля послужила жалоба от частного лица. После подачи жалобы, ответственный за этот вопрос Омбудсмен связывается с Управлением или запрашивающим органом (см. п. 25 выше). Затем

ему в устном виде предоставляют сведения о конкретных обстоятельствах дела, и возможность изучить соответствующие документы и материалы дела. Полученная информация никак письменно не фиксируется Омбудсменом, поскольку запись сделает проблематичным обеспечение секретного характера этих сведений. Омбудсмен приходит к собственному мнению, основываясь на вышеупомянутом запросе и результатах проведенных им исследований. Его отчет всегда составляется в письменной форме, и доступен общественности, поэтому он не содержит никаких секретных сведений.

С 1969 года и до настоящего времени были поданы, по крайней мере, восемь жалоб от частных лиц на систему проверки личного состава. Четыре жалобы были общего характера от довольно известных заявителей. После изучения фактических обстоятельств остальных четырех жалоб, Омбудсмен закрыл два дела из четырех, высказав особую критику некоторых аспектов (отчеты от 20 февраля 1984 года по делу 684-1983 и от 15 февраля 1985 года по делу 2316-1984). Критика, высказанная Омбудсменом в отчете от 20 февраля 1984 года, привела, согласно недавнему решению Лейбористского Суда (№ 28 от 12 марта 1986), к тому, что Верховный Командующий Вооруженных Сил изменил предшествующую практику применения статьи 19 Постановления.

4. Парламентский Комитет по Правосудию (riksdagens justitieuskott)

40. Постоянный Комитет по Правосудию при Парламенте Швеции состоит из пятнадцати членов Парламента, назначенных на основе системы пропорционального представительства. С 1971 года Комитет рассматривает ассигнования для полицейского подразделения безопасности на его организацию и деятельность. Большой интерес, по словам Правительства, вызвали вопросы, касающиеся Постановления о проверке личного состава и его применения, а также аспекта оценки влияния внештатных членов Государственного Полицейского Управления на деятельность службы безопасности. Обычно Комитет получает информацию путем проведения слушаний с участием представителей Управления и его Департамента по безопасности, а также путем регулярных визитов в Управление. Такие визиты имели место весной 1977 года, осенью 1979 года и весной 1983 года. Весной 1980-го, были проведены специальные дискуссии между Комитетом и парламентариями Управления. Весной 1981-го Комитет

направил запрос и получил дополнительный отчет. Весной 1982-го, Комитет провел слушание с участием Комиссара Государственного Полицейского Управления и начальника Службы безопасности.

Со слов Правительства, Старший Секретарь при Комитете подтвердил, что члены Комитета, во время осуществления визитов, имеют полный доступ к реестрам, и что они также изучили реестр, хранящийся в Службе безопасности. Члены Комитета обсудили различные вопросы, касающиеся ведения реестра с должностными лицами, ответственными за запись в реестре и представление данных Управлению, во время проведения проверки личного состава.

5. Принцип свободного доступа к официальным документам

41. В соответствии со статьей 2 части 2 Акта о свободе прессы (*tryckfrihetsförordningen*), являющимся составной частью Конституции Швеции, каждый человек имеет право доступа к официальному документу, за исключением определенных областей, где этот доступ ограничен законом.

На момент рассмотрения дела, основные положения об ограничениях были изложены в Акте об ограничениях на право доступа к официальным документам (*lag om inskränkningar i rätten att utbekomma allmänna handlingar 1937:249*, «Акт 1937 года»), действовавшем до 1 января 1981 года.

Согласно статье 11 Акта 1937 года (с поправками), «подробности сведений, записанных в реестрах, перечисленных в Акте об Общем Уголовном Регистре (*lag om allmänt kriminalregister 1963:197*) или Акте о полицейском реестре (*lag om polisregister m.m. 1965:94*) не могут быть выданы в других случаях или другим способом, чем случаи и способы, предусмотренные в этих Актах». Статья 3 Акта о полицейском реестре (с поправками 1977:1032, действовавшего до 1 марта 1985 года) предусматривает:

«Фрагменты сведений или сами сведения о содержании полицейских реестров выдаются по требованию:

1. Канцлера Юстиции, Парламентского Омбудсмана, Государственного Полицейского Управления, Центральной Иммиграционной Службы, окружных административных

советов, окружных административных судов, шефов Полиции и прокуроров;

2. других ведомств при условии, если Правительство, для определенного типа дел, или в конкретном деле, выдало соответствующие санкции;

3. частному лицу, при необходимости фрагмента информации, для обеспечения соблюдения своих прав за пределами родного государства, для въезда в иностранное государство, либо для получения жилья или постоянного места жительства, либо для трудоустройства, или для решения вопросов по трудоустройству или контракту для деятельности, затрагивающей сферу здравоохранения, или представляющей важность для национальной безопасности, в случае, если для этих целей Правительство специальным приказом даст санкции на выдачу части или полной информации, либо в других случаях при условии, что частное лицо докажет, что обеспечение соблюдения его прав зависит от получения информации из реестра, и Правительство даст санкции на выдачу этой информации».

1 января 1981 года, Акт 1937 года был заменен Законом о тайне от 1980 (*sekretesslagen, 1980:100*) и аналогичные положения теперь можно найти в статье 17 Раздела 7 этого Закона.

Не было представлено никаких доказательств какого-либо особого распоряжения, позволяющего частному лицу в ситуации, аналогичной ситуации заявителя, получить выписку из сведений, содержащихся в полицейских реестрах.

42. Решение любого другого органа, кроме Парламента или Правительства, об отказе в доступе к документу может быть обжаловано в суде (статья 15 Раздела 2 Закона о свободе прессы).

В нескольких недавно рассмотренных Верховным Административным Судом делах, частным лицам было отказано в доступе к информации, содержащейся в секретном полицейском реестре, поскольку у них не было санкции Правительства, предусмотренной в статье 3 Акта о полицейском реестре, или они не пытались ее получить (Ежегодник Верховного Административного Суда — 1981:Ab 100 and Ab 282 and 1982: Ab 85).

Аналогичная ситуация наблюдается и в настоящем деле в той связи, что Правительство объявило, что решение вопроса по ходатайству г-на Леандера ознакомиться со сведениями, распространенными Государственным Полицейским Управлением, входит в его компетенцию (см. п. 16 выше).

Однако подача апелляции, либо в Правительство, либо в административные суды, на решение Управления выдать информацию запрашивающему органу, не представляется возможной для частного лица, поскольку перед Управлением он не является стороной в процедуре раскрытия информации (см. решение Верховного Административного Суда от 20 июня 1984 года по делу 1509-1984).

43. В случае, если какой-либо документ является секретным, у Правительства всегда есть определенные дискреционные³ полномочия для его разглашения. И лицу, являющемуся одной из сторон в судебном или административном производстве, к которому данный документ имеет непосредственное отношение, все же может быть предоставлен к нему доступ. Основные положения по этому вопросу были, до 30 декабря 1980 года, изложены в статье 38 Акта 1937 года (с поправками 1974:567), которая гласит:

«В случае, когда установлена необходимость для обеспечения сохранности публичных или частных прав, Правительство может, независимо от изложенных в Акте ограничений, выдать санкции на обнародование документов.»

Если документ, который не может быть открыт для всех, представляет важность как доказательство в суде или в рамках уголовного полицейского расследования, суд, рассматривающий дело, или в полномочия которого входит решение вопросов, имеющих отношение к полицейскому расследованию, может постановить раскрыть документ либо суду, либо офицеру, ведущему расследование. Вышеизложенное, однако, не касается документов, указанных в статьях 1-4, 31 и 33. Если же содержание документа таково, что представившее его лицо не имеет

³ Дискреционная власть (ст.фр. — зависящий от личного усмотрения) — предоставление органу или должностному лицу права действовать по собственному усмотрению в рамках закона [Большой Юридический словарь/ под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, М: Инфра — М, 2000, с. 158].

права, в соответствии статьями 5 (2), (3) или (4) Части 36 Кодекса Судебного Процесса, выступать в качестве свидетеля в этой связи, то данный документ не может быть представлен в суд или в ходе полицейского расследования. Документ также не может быть представлен в рамках судебного разбирательства или в ходе полицейского расследования, если он влечет за собой раскрытие профессиональной тайны, за исключением случаев, когда этого требуют особые обстоятельства».

С 1 января 1981 года, соответствующие нормы были установлены в статьях 5 и 8 Раздела 14 Закона о тайне от 1980 года.

6. Возмещение убытков

44. Гражданская ответственность Государства предусматривается Разделом Закона о гражданской ответственности от 1972 года (*skadeståndslagen 1972:207*).

Согласно статье 2, акты государственных органов власти могут служить поводом для требования компенсации, когда имеет место вина или халатность.

Однако в статье 7 говорится, что иск о возмещении убытков не может быть подан на решение, принятое Парламентом, Правительством, Верховным Судом, Верховным Административным Судом или Национальным Судом Социального Страхования. Далее в отношении решений более низких инстанций, как например Государственное Полицейское Управление, статья 4 Закона предусматривает, что иск о возмещении убытков не может быть подан в случае, если пострадавшее лицо могло избежать ущерба, прибегнув ко всем доступным средствам защиты.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

45. В своем заявлении (№ 9248/81), поданном в 2 ноября 1980 года, г-н Леандер утверждал о нарушении статей 6, 8, 10 и 13 Конвенции. Он жаловался на то, что ему препятствовали в получении постоянной работы и уволили с временного места работы на основании секретных сведений, согласно которым он, якобы, представлял собой угрозу безопасности. Заявитель считал это нападками на его репутацию,

заявляя, что ему должны были предоставить возможность защищать себя в суде.

46. 10 октября 1983 года Комиссия объявила жалобу неприемлемой по статье 6, но сочла приемлемыми жалобы по статьям 8, 10 и 13.

В отчете от 17 мая 1985 года (статья 31) Комиссия выразила свое мнение о том, что не было нарушения статьи 8 (единогласно), что в рамках статьи 10 не возникло особых вопросов, касающихся свободы выражения мнения и свободы получать информацию (единогласно), а также, что дело не выявило нарушения статьи 13 (семь голосов против пяти).

Полный вариант отчета Комиссии и особого мнения, содержащегося в отчете, помещены в приложение к данному судебному постановлению.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

47. Заявитель утверждал, что процедура проверки личного состава, примененная в его деле, противоречила статье 8, предусматривающей:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Заявитель настаивал на том, что ничто в его личной или в политической жизни (см. п. 17 выше) не носило такой характер, который вызвал бы необходимость в демократическом обществе вносить его имя в реестр Службы безопасности с пометкой «представляющий угрозу», и, соответственно, препятствовать в

рассматриваемом трудоустройстве. Он также оспаривал, что Постановление о проверке личного состава не может считаться «законом» в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции.

Тем не менее, заявитель не оспаривал необходимость самой проверки личного состава. Он также не ставил под сомнение полномочия Правительства, в рамках ограничений, предусмотренных в статьях 8 и 10 Конвенции, об отстранении сторонников определенных крайних политических идеологий от должностей, связанных с безопасностью и засекречиванием информации, а также записи информации о таких лицах в регистре, хранящемся в департаменте по безопасности Государственного Полицейского Управления.

А. Было ли вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции

48. Бесспорно, что информация, содержащаяся в секретном полицейском реестре, затрагивала частную жизнь г-на Леандера. Хранение и разглашение этой информации, а также отказ дать г-ну Леандеру возможность опровергнуть ее, нарушали его право на уважение частной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

В. Было ли вмешательство обоснованным

1. Законная цель

49. Цель системы проверки личного состава в Швеции, несомненно, является законной, в рамках статьи 8, а именно — защита национальной безопасности.

Основные вопросы спора сводились к тому, было ли вмешательство «предусмотрено законом» и «необходимым в демократическом обществе».

2. «Предусмотрено законом»

(а) Общие принципы

50. Выражение «предусмотрено законом» в пункте 2 статьи 8 требует, для начала, чтобы вмешательство имело под собой основу, закрепленную во внутригосударственном праве. Соответствия

внутригосударственным законам, однако, не достаточно: данный закон должен быть доступным для рассматриваемого частного лица, а его последствия должны быть для него предсказуемы (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу «Малоун против Соединенного Королевства» (*Malone v. The United Kingdom*) от 2 августа 1984 года, Серия А № 82, стр. 31-32, п. 66).

51. Тем не менее, требование предсказуемости в особом контексте тайных проверок личного состава в секторах, влияющих на национальную безопасность, не может быть одинаковым с другими областями. Таким образом, это не означает, что частное лицо должно четко предвидеть, какую проверку его личности проведет специальное полицейское подразделение Швеции для обеспечения национальной безопасности. Однако в системе, применимой в целом ко всем гражданам, как, например, в соответствии с Постановлением о проверке личного состава, закон должен быть предельно ясным в формулировке, чтобы предоставить гражданам адекватное указание обстоятельств и условий, при которых государственные органы вправе прибегнуть к данному виду секретного и потенциально опасного вмешательства в частную жизнь (там же, стр. 32, п. 67).

При оценке соответствия критерию предсказуемости, могут также учитываться постановления или административная практика, не имеющие статус материального права, учитываться настолько, насколько заинтересованные лица хорошо знакомы с их содержанием (см. постановление по делу «Сильвер и другие против Соединенного Королевства» (*Silver and others v. The United Kingdom*) от 25 марта 1983 года, Серия А № 61, стр. 33-34, пп. 88-89).

В дополнение, если исполнение закона включает в себя секретные меры, досконально не раскрытые для рассматриваемых частных лиц или общественности в целом, сам закон, в противовес сопутствующей его административной практике, должен указывать рамки свободы действий компетентного органа с достаточной ясностью, принимая во внимание законную цель рассматриваемой меры, чтобы предоставить частному лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства (см. вышеприведенное постановление по делу «Малоун против Соединенного Королевства», Серия А № 82, стр. 32-33, п. 68).

(b) Применение вышеприведенных принципов в настоящем деле

52. Вмешательство имело под собой достаточную основу в рамках внутригосударственного права, а именно на основании Постановлении о проверке личного состава. Тем не менее, заявитель утверждал, что положения закона о ведении секретного полицейского реестра, главным образом, статья 2 Постановления, не соответствовали требуемым принципам доступности и предсказуемости.

И Правительство и Комиссия выразили несогласие с этим утверждением.

53. Само Постановление, опубликованное в Шведском официальном бюллетене, несомненно, отвечает требованию доступности. Основной вопрос, таким образом, сводится к тому, насколько четко внутригосударственный закон излагает условия, при которых Государственное Полицейское Управление вправе хранить и разглашать информацию о системе проверки личного состава.

54. Первый пункт статьи 2 Постановления действительно дает широкую свободу усмотрения Государственному Полицейскому Управлению относительно того, какую информацию вносить в реестр (см. п. 19 выше). Границы этой свободы, однако, очерчены в основных моментах вторым пунктом, который корреспондирует с уже установленным Конституцией запретом (см. п. 18 выше) о том, что «никакая запись не может быть внесена в государственный реестр относительно гражданина исключительно на основе его политических убеждений, иначе, как с его согласия». К тому же, свобода усмотрения Управления в этой связи прописана в правительственных указах (см. пп. 20-21 выше). Но только один из них является открытым, и, соответственно, может приниматься во внимание, поскольку является вполне доступным. Речь идет о распоряжении от 22 сентября 1972 года (см. п. 20 выше).

Внесение сведений в секретный полицейский реестр должно также отвечать требованиям, что данная информация необходима для осуществления особой полицейской деятельности и служит целям предотвращения или обнаружения «преступлений против национальной безопасности, и т.д.» (первый пункт статьи 2 Постановления — см. п. 19 выше).

55. Далее, Постановление содержит четкие и подробные положения о том, какая информация может быть выдана, каким органам данная информация может быть передана, обстоятельства, при которых может быть осуществлена такая передача, а также процедура, которую Государственное Полицейское Управление должно соблюдать при принятии решений о разглашении информации (см. пп. 25-29 выше).

56. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что Шведское законодательство дает гражданам адекватное указание границ и способа осуществления свободы усмотрения, предоставленной ответственным органам для сбора, записи и разглашения информации в рамках системы проверки личного состава.

57. Вмешательство в настоящем деле в частную жизнь г-на Леандера, следовательно, было «предусмотрено законом» в рамках значения статьи 8.

3. «Необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности»

58. Понятие необходимости подразумевает, что вмешательство отражает насущную потребность и, в частности, пропорционально преследуемой законной цели (см., *inter alia*, постановление по делу «Гиллоу против Соединенного Королевства» (*Gillow v. The United Kingdom*) от 24 ноября 1986 года, Серия А № 109, стр. 22, п. 55).

59. Тем не менее, Суд признает, что национальным властям представлена сфера усмотрения, границы которой зависят не только от характера преследуемой законной цели, но и самого характера осуществленного вмешательства. В настоящем деле интересы государства-ответчика по защите национальной безопасности должны уравновешиваться серьезностью вмешательства в право заявителя на уважение его частной жизни.

Конечно, не ставится под сомнение необходимость закона, наделяющего в целях защиты национальной безопасности компетентные внутригосударственные органы договаривающихся государств полномочиями, во-первых, собирать и хранить в реестрах недоступную для общественности информацию о частных лицах, и, во-вторых, использовать эти сведения при оценке пригодности кандидата для получения должности, имеющей значение для национальной безопасности.

Справедливо, что оспариваемое вмешательство имело неблагоприятные последствия для законных интересов г-на Леандера, в частности, возможности доступа к определенным постам на государственной службе. С другой стороны, право доступа на государственную службу, как таковое, не закреплено в Конвенции (см., *inter alia*, постановление по делу «Козика против Германии» (*Kosiek v. Germany*) от 28 августа 1986 года, Серия А № 105, стр. 20, пп. 34-35), и, несмотря на эти последствия, вмешательство не препятствовало заявителю вести свою частную жизнь по собственному усмотрению.

При данных обстоятельствах Суд согласен с тем, что пределы усмотрения, использованные государством-ответчиком при оценке насущной социальной потребности в настоящем деле, и в частности, при выборе мер для достижения законной цели обеспечить национальную безопасность, были достаточно широки.

60. Тем не менее, в свете угрозы того, что система секретного наблюдения для обеспечения национальной безопасности, может подорвать или даже уничтожить демократию на почве защиты этой безопасности, Суд удовлетворен тем, что существуют адекватные и действенные гарантии, препятствующие ее злоупотреблению (см. постановление по делу «Класс и другие против Германии» (*Klass and others v. Germany*) от 6 сентября 1978 года, Серия А № 28, стр. 23-24, пп. 49-50).

61. Заявитель настаивал на том, что подобные гарантии в рамках шведской системы проведения проверки личного состава ему не были предоставлены, а именно потому, что он был лишен любой возможности оспорить достоверность собранных на него сведений.

62. Правительство привело двенадцать различных доводов, которые в совокупности, по его мнению, гарантировали адекватную защиту:

(i) как таковое, существование системы проверки личного состава, обнародовано через Постановление о проверке личного состава;

(ii) существующие должности, связанные с важной правительственной информацией или государственной тайной, имеют различные грифы секретности (см. п. 26 выше);

(iii) может быть собрана и разглашена только определенная информация (см. пп. 18-20, 28 и 30 выше);

(iv) запрос на информацию может быть осуществлен только на лицо, чья кандидатура рассматривается на назначение на должность (см. п. 27 выше);

(v) члены Государственного Полицейского Управления являются членами Парламента (см. п. 29 выше);

(vi) информация может быть сообщена рассматриваемому лицу; однако Правительство признало, что это никогда не делалось, по крайней мере, в соответствии с положениями закона, действующими до 1 октября 1983 года (см. п. 31 выше);

(vii) решение о назначении рассматриваемого лица на должность принимается запрашивающим органом, а не Государственным Полицейским Управлением (см. п. 34 выше);

(viii) апелляция на данное решение может быть подана в Правительство (см. п. 16 выше);

(ix) инспекция, осуществляемая Министром Юстиции (см. п. 35 выше);

(x) инспекция, осуществляемая Канцлером Юстиции (см. п. 36-37 выше);

(xi) инспекция, осуществляемая Парламентским Омбудсменом (см. пп. 38-39 выше);

(xii) инспекция, осуществляемая Парламентским Комитетом по Правосудию (см. п. 40 выше).

63. Во-первых, Суд указывает, что некоторые из этих принципов не имеют отношения к настоящему делу, поскольку, к примеру, не было ни одного решения о назначении, подлежащего обжалованию (см. пп. 11 и 16 выше).

64. Постановление о проверке личного состава содержит ряд положений, разработанных для сведения уровня воздействия процедуры проверки личного состава до неизбежного минимума (см.

пп. 54-55 и принципы (ii)-(iv) в п. 62 выше). Далее, использование сведений о секретном полицейском реестре за пределами проверки ограничено, на практике, делами публичного обвинения или делами о получении шведского гражданства (см. п. 22 выше).

Контроль над должным исполнением системы проверки, не считая инспекций, проводимых самим Правительством, возложен и на Парламент, и на независимые институты (см. пп. 35-40 выше).

65. Суд придает большое значение участию членов Парламента в совете Государственного Полицейского Управления, а также инспекциям, проводимым Канцлером Юстиции и Парламентским Омбудсменом, а также Парламентским Комитетом по Правосудию (см. п. 62 выше, принципы (v), (x), (xi) и (xii)).

Парламентарии в составе Правления включают членов Оппозиции (см. п. 29 выше) и принимают участие в принятии всех решений о разглашении или неразглашении сведений запрашивающей стороне. В частности, каждый из них наделен правом вето, использование которого автоматически препятствует разглашению информации. В этом случае решение о разглашении информации может приниматься только самим Правительством, и только тогда, когда Комиссар Полиции передает дело Правительству по просьбе одного из членов Парламента (см. п. 29 выше). Этот прямой и регулярный контроль за самым важным аспектом реестра, а именно разглашением информации, является основной гарантией против злоупотребления.

К тому же, тщательную проверку проводит Парламентский Комитет по Правосудию (см. п. 40 выше).

Инспекция, осуществляемая Парламентским Омбудсменом, представляет собой дополнительную существенную гарантию против злоупотребления, особенно в тех случаях, когда у частных лиц складывается впечатление, что было посягательство на их права и свободы (см. пп. 38-39 выше).

Что касается Канцлера Юстиции, то в некоторых случаях он может выступать в качестве правового советника высшего ранга для Правительства. Однако именно Парламент Швеции дал ему полномочия осуществлять надзор, среди всего прочего, за функционированием системы проверки личного состава. При этом действия Канцлера аналогичны функциям Омбудсмана, но, по крайней

мере на практике, они независимы от Правительства (см. пп. 36-37 выше).

66. На основании факта, что сведения, переданные военным, не были сообщены г-ну Леандеру, невозможно прийти к выводу о том, что вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе в интересах национальной безопасности», поскольку именно отсутствие передачи информации, по крайней мере частично, обеспечивает действенность процедуры проверки личного состава (см., *mutatis mutandis*, вышеприведенное постановление по делу «Класс и другие против Германии», Серия А № 28, стр. 27, п. 58).

Суд, однако, отмечает, что различные институты власти, включая Канцлера Юстиции и Парламентского Омбудсмана, до издания Постановления в 1969 году, выразили пожелание о том, что правило уведомления заинтересованного лица, изложенное в статье 13 Постановления, должно эффективно использоваться, поскольку оно не подрывает цель проверки (см. п. 31 выше).

67. Аналогично Комиссии Суд приходит к заключению, что защитные механизмы в системе проверки личного состава отвечают требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции. Учитывая широкие пределы усмотрения, предоставленные государству-ответчику, оно вправе было считать, что в настоящем деле интересы национальной безопасности перевесили частные интересы заявителя (см. п. 59 выше). Следовательно, нельзя считать, что вмешательство, которому подвергся г-н Леандер, не было пропорционально преследуемой законной цели.

4. Заключение

68. Соответственно, нет нарушения статьи 8 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

69. Далее заявитель утверждал, что те же самые факты, противоречащие статье 8, поднимали вопрос о нарушении статьи 10, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без

какого-либо вмешательства со стороны публичных органов и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

70. Комиссия сочла, что жалобы заявителя не поднимали отдельные вопросы по статье 10 в том, что касается свободы выражения мнения либо свободы получать информацию. Правительство выразило согласие с этим выводом.

А. Свобода выражать свое мнение

71. Само по себе, право найма на государственную службу не признается Конвенцией, отсюда, однако, не следует, что в других аспектах государственные чиновники, включая чиновников, проходящих испытательный срок, выпадают за рамки действия Конвенции и защиты, предусмотренной статьей 10 (см. постановление по делу «Гласенаппа и Козиека против Германии» (Glassenapp and Kosiek v. Germany) от 28 августа 1986 года, Серия А № 104, стр. 26, пп. 49-50, и Серия А № 105, стр. 20, пп. 35-36).

72. Сначала следует установить, сводилась или нет процедура проверки, которой подвергся заявитель, к вмешательству в свободу выражения мнений — в виде, например, «формальности, условия, ограничения или санкции», или может оспариваемые меры находиться в рамках права доступа к государственной службе? Чтобы ответить на этот вопрос и определить сферу действия данных мер, необходимо рассмотреть их в контексте фактических обстоятельств дела и соответствующих законов (см. там же).

Из положений Постановления становится ясным, что его цель — обеспечить, чтобы лица, занимающие важные для национальной

безопасности должности, имели необходимые личные качества и квалификацию (см. п. 24 выше). Если так, то доступ к государственной службе лежит в глубине вопроса, переданного для рассмотрения Суду: объявив, что заявитель не может быть назначен на указанную должность в интересах национальной безопасности, Верховный Командующий Вооруженных Сил и Командующий флотом изучили соответствующую информацию лишь с целью убедиться, обладал ли г-н Леандер всеми необходимыми личностными качествами для этой должности.

73. Соответственно, Суд не считает, что имело место нарушение свободы г-на Леандера выразить свое мнение, защищаемое статьей 10 Конвенции.

В. Свобода получать информацию

74. Суд отмечает, что право на свободу получать информацию, главным образом, запрещает Правительству препятствовать какому-либо лицу в получении информации, которую другие лица желают или могут желать сообщить ему. Учитывая обстоятельства настоящего дела, статья 10 не дает частному лицу право доступа к реестру, содержащему сведения о его личном положении, и не возлагает на Правительство обязательство сообщить эти сведения частному лицу.

75. Следовательно, Суд не считает, что имело место вмешательство в свободу г-на Леандера получать информацию, предусмотренную статьей 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

76. В заключении заявитель утверждал о нарушении статьи 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Во-первых, заявитель выражал несогласие с тем, что ни ему, ни его адвокату не дали воспользоваться правом получить и прокомментировать полную информацию, на основании которой

руководство вынесло свое решение (см. п. 62, принцип (vi) выше). Он также возражал против того, что ему не предоставили право подать апелляцию в независимые органы, обладающие полномочиями пересмотра принудительного решения относительно правильности собранной информации и возможности ее разглашения (см. п. 42 выше).

И Правительство, и Комиссия выразили несогласие с этой точкой зрения.

77. При толковании статьи 13 необходимо придерживаться следующих принципов:

(a) в случае, когда частное лицо выдвигает жалобу о том, что является жертвой нарушения прав, изложенных в Конвенции, ему должно быть предоставлено средство судебной защиты перед национальными органами власти, как для рассмотрения данной жалобы и, если необходимо, выплаты компенсации ущерба (см., *inter alia*, вышеприведенное постановление по делу «Сильвер и другие против Соединенного Королевства», Серия А № 61, стр. 42, п. 113);

(b) государственный орган, упомянутый в статье 13, не обязательно должен быть судебным, но если он не является таковым, его полномочия и предоставляемые гарантии должны быть достаточными для определения эффективности средства судебной защиты (там же);

(c) поскольку ни одно средство защиты в отдельности не может полностью удовлетворять требованиям статьи 13, их совокупность, предусмотренная внутригосударственным правом, вполне может соответствовать этим требованиям (там же);

(d) статья 13 не предусматривает средство защиты, позволяющее оспаривать существующие законы договаривающегося Государства в национальных органах власти на основании того, что они противоречат Конвенции или равнозначным внутригосударственным нормам (см. постановление по делу «Джеймс и другие против Германии» (*James and Others v. Germany*) от 21 февраля 1986 года, Серия А № 98, стр. 47, п. 85).

78. Суд уже установил, что статья 8, в условиях настоящего дела, не требовала сообщение сведений г-ну Леандеру, распространенных Национальным Полицейским Управлением (см. п. 66 выше).

Конвенция должна толковаться целиком и, следовательно, как отмечает Комиссия в своем отчете, любое истолкование статьи 13 должно осуществляться в согласии с логикой Конвенции. В связи с этим, Суд, в соответствии с выводом по статье 8, придерживается мнения, что несообщение этих сведений, само по себе и при обстоятельствах дела, не влечет нарушение статьи 13 (см., *mutatis mutandis*, вышеприведенное постановление по делу «Класс и другие против Германии», Серия А № 28, стр. 30-31, п. 68).

В рамках настоящего судебного разбирательства, «эффективное средство судебной защиты» по статье 13 должно означать максимально эффективное средство защиты, учитывая ограниченную возможность помощи, предусмотренную в любой системе секретных проверок кандидатов для назначения на должности, значимые с точки зрения национальной безопасности. Таким образом, остается изучить различные средства судебной защиты в законодательстве Швеции, доступные заявителю, и установить, насколько они являются «эффективными» в этом узком значении (там же, стр. 31, п. 69).

79. Несомненно, что жалобы, поданные заявителем, представляют собой разумные претензии в рамках действия Конвенции, по крайней мере статьи 8, и, следовательно, он имеет право на эффективное средство судебной защиты для закрепления своих прав по данной статье так, как это предусмотрено законодательством Швеции (см. вышеприведенное постановление по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства», Серия А № 98, стр. 47, п. 84, а также постановление по делу «Литгау и другие против Соединенного Королевства» (*Lithgow v. The United Kingdom*) от 8 июля 1986 года, Серия А № 102, стр. 74, п. 205).

Суд установил, что статья 8 применима к шведской системе проверки личного состава, как таковой. В этом случае требования, предусмотренные статьей 13, будут соблюдены в случае, если существует внутренний механизм, по которому, в соответствии с присущими в данном контексте ограничениями, частное лицо может добиваться соблюдения соответствующих законов (см. вышеприведенное постановление по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства», Серия А № 98, стр. 48, п. 86).

80. Правительство настаивало, что Шведское право предлагало достаточные средства защиты в рамках целей, предусмотренных статьей 13, в частности:

- (i) официальное заявление на должность и, в случае отказа, подача апелляции в Правительство;
- (ii) прошение в Государственное Полицейское Управление о доступе к секретному полицейскому реестру на основании Закона о свободе прессы, и в случае отказа подача апелляции в административные суды;
- (iii) жалоба, поданная Канцлеру Юстиции;
- (iv) жалоба, поданная Парламентскому Омбудсмену.

Большинство членов Комиссии сочли, что эти четыре средства защиты, взятые в совокупности, отвечают требованиям статьи 13, хотя каждое из них, взятое по отдельности, этой функции не выполняет.

81. Суд отмечает, во-первых, что в полномочия Канцлера Юстиции и Парламентского Омбудсмана входит рассмотрение жалоб от частных лиц, и на них возложена обязанность изучать подобные жалобы для обеспечения правильного и надлежащего применения соответствующих законов со стороны Государственного Полицейского Управления (см. пп. 36 и 38 выше). При исполнении этих обязательств, оба должностных лица имеют доступ ко всей информации, содержащейся в секретном полицейском реестре (см. п. 41 выше). Некоторые решения Парламентского Омбудсмана наглядно показывают, что к данным полномочиям прибегают также при рассмотрении жалоб, касающихся функционирования системы проверки личного состава (см. п. 39 выше). К тому же, оба должностных лица, в рамках данного контекста, должны считаться инстанциями, независимыми от Правительства. В отношении Парламентского Омбудсмана это понятно. Что же касается Канцлера Юстиции, он аналогично может считаться, по крайней мере на практике, независимой от Правительства инстанцией, когда осуществляет свою надзорную функцию за работой системы личной проверки (см. п. 37 выше).

82. Основным недочетом в контроле, осуществляемом Омбудсменом и Канцлером Юстиции, сводится к тому, что эти два должностных лица, за исключением правомочности возбуждать уголовные и дисциплинарные дела (см. пп. 36-38 выше), не обладают полномочиями вносить изменения в юридически обязывающие решения. В этой связи Суд, тем не менее, напоминает о вынужденном

ограниченном характере средств защиты, доступных частному лицу в системе секретных проверок правоохранительных органов. Мнения Парламентского Омбудсмана и Канцлера Юстиции традиционно вызывают уважение в шведском обществе и к ним, на практике, обычно прислушиваются (см. пп. 37-38 выше). Также существенно то, что особая черта шведской системы проверки личного состава, хотя это и не является средством судебной защиты, к которому частное лицо может прибегнуть по своему усмотрению, заключается в значительном контроле этой системы со стороны Парламента, а именно через парламентариев в составе Государственного Полицейского Управления, изучающих каждое дело, где речь идет о запросе на разглашение информации (см. п. 29 выше).

83. К перечисленным средствам защиты, которыми г-н Леандер не воспользовался, следует добавить то, к которому он фактически прибегнул, подав жалобу в письме, адресованном Правительству 5 февраля 1980 года, на то, что Государственное Полицейское Управление, вразрез со статьей 13 Постановления о проверке личного состава, не предложило ему прокомментировать, устно или в письменном виде, сведения, содержащиеся в реестре (см. п. 15 выше). В этой связи Правительство запросило мнение Управления, после чего г-ну Леандеру была предоставлена возможность ответа, что он и сделал в письме от 11 марта 1980 года. В своем решении от 14 марта 1980 года, учитывающем также жалобы г-на Леандера от 22 октября и 4 декабря 1979 года, Правительство, а именно Кабинет, отклонил разносторонние жалобы г-на Леандера (см. пп. 14 и 16 выше).

Суд напоминает, что государственный орган, упомянутый в статье 13, не обязательно должен быть судебным в строгом смысле, но его полномочия и предоставляемые гарантии должны быть достаточными для определения эффективности средства защиты. В этой связи полномочия Правительства вынести принудительное для Управления решение не вызывают вопросов (см. п. 77 выше).

84. Следует также помнить, что в рамках целей настоящего разбирательства, эффективное средство защиты по статье 13 должно означать максимально эффективное средство защиты, учитывая ограниченную возможность помощи, предусмотренную в любой системе секретных проверок, направленных на обеспечение национальной безопасности (см. пп. 78-79 выше).

Даже если взять жалобу, поданную в Правительство, отдельно и расценить ее как недостаточное средство защиты по статье 13, Суд считает, что совокупность вышеприведенных средств защиты (см. пп. 81-83) удовлетворяет требованиям статьи 13 в конкретных обстоятельствах настоящего дела (см., *mutatis mutandis*, вышеприведенное постановление по делу «Класс и другие против Германии», Серия А № 28, стр. 32, п. 72).

Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что не было нарушения статьи 13.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет единогласно*, что не было нарушения статьи 8 или статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет, четырьмя голосами против трех*, что не было нарушения статьи 13 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 26 марта 1987 года.

Ролф Риссдал
Марк-Андре Эйссен

Председатель Суда
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 51 Конвенции и пунктом 2 Правила 52 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- частично несогласное мнение г-на Риссдала;
- частично несогласное мнение г-на Петтити и г-на Руссо.

Частично несогласное мнение судьи Рисдала

1. Я подписываюсь под решением о том, что не было нарушения статей 8 и 10 Конвенции.

2. Поскольку Суд установил, что статья 8 в конкретных обстоятельствах не требовала сообщения заявителю соответствующих сведений о нем, переданных военным властям, я также согласен, что несообщение подобных сведений не приводит к нарушению статьи 13. В этой связи статья 13 должна быть истолкована и применена таким образом, чтобы не аннулировать уже достигнутое решение по статье 8.

3. Тем не менее, в соответствии со статьей 13, заявитель имеет право на «эффективное средство правовой защиты в государственном органе», и я не могу согласиться с мнением большинства, что «совокупность средств защиты», перечисленных в пп. 81-83 настоящего постановления «удовлетворяют требованиям статьи 13 в конкретных обстоятельствах настоящего дела».

4. Сначала необходимо установить заявленное нарушение Конвенции, в связи с чем г-ну Леандеру должно было предоставлено эффективное внутригосударственное средство защиты по статье 13. Его основная жалоба в соответствии со статьей 8 изложена в постановлении (в п. 47) следующим образом: «ничто в его личной или политической жизни... не носило такой характер, которое вызвало бы необходимость в демократическом обществе внести его имя в реестр Службы безопасности с пометкой «представляющий угрозу» и, соответственно, препятствовать в указанном трудоустройстве».

5. Я разделяю мнение Суда в том, что «в рамках настоящего судебного разбирательства эффективное средство защиты по статье 13 должно означать максимально эффективное средство защиты, учитывая ограниченную возможность помощи, предусмотренную в любой системе секретных проверок кандидатов для назначения на должности, значимые с точки зрения национальной безопасности» (см. п. 84 постановления).

С другой стороны, а именно потому, что присущая системе проверки секретность делает право граждан на уважение частной жизни особенно уязвимым, очень важно, чтобы любая жалоба о нарушении этого права рассматривалась «государственным органом», полностью независимым от исполнительной власти и обладающим действующим

правомочием проводить расследование. Таким образом, «государственный орган» должен быть одновременно уполномочен законом и способен на практике детально исследовать функционирование системы проверки личного состава и удостовериться, что не было допущено ошибок в масштабе и способе осуществления дискреционных полномочий, возложенных на полицию и Государственное Полицейское Управление для сбора, хранения и распространения информации. Такое независимое правомочие проводить расследование тем более важно, поскольку некоторые предписания Правительства о хранении информации в полицейском реестре засекречены. Сам факт такого засекречивания, на мой взгляд, дает серьезную почву для беспокойства.

Коль скоро «государственный орган» установил, что была допущена ошибка, пострадавший гражданин также должен, в соответствии со статьей 13, иметь возможность (в случае необходимости путем отдельного судебного разбирательства) либо оспаривать обоснованность результатов секретной проверки, а именно решение об отказе в его/ее трудоустройстве, либо получить компенсацию нанесенного вреда или восстановление его права в другой форме.

6. Большинство членов Суда (см. в п. 83 постановления) включают в совокупность соответствующих средств защиты жалобу г-на Леандера, направленную в Правительство, на то, что Государственное Полицейское Управление, действуя вразрез с положениями Постановления о проверке личного состава, не предложило ему прокомментировать сведения, содержащиеся в реестре. Жалоба была отклонена решением Правительства от 14 мая 1980 года. На мой взгляд, данное средство обращения за помощью не может быть убедительным в рамках целей статьи 13, взятое по отдельности или в совокупности с другими средствами защиты, на которые возлагает надежды большинство членов, а именно жалобу, поданную Парламентскому Омбудсмену и Канцлеру Юстиции. И это потому, что, оставив вопрос о независимости, оно не решало основную жалобу г-на Леандера согласно Конвенции. Даже если требование секретности не позволяло предоставить г-ну Леандеру возможность прокомментировать неблагоприятные для него сведения, хранящиеся в реестре, статья 13 оставляла за ним право доступа к «государственному органу», обладающим правомочием исследовать обоснованность его жалобы по Конвенции.

Следовательно, из совокупности соответствующих средств судебной защиты, остается еще возможность подать жалобу или Парламентскому Омбудсмену или Канцлеру Юстиции.

7. Парламентский Омбудсмен и Канцлер Юстиции осуществляют общий контроль за деятельностью исполнительной ветви правительства, на них не возложена конкретная ответственность вникать в функционирование системы личной проверки. Я признаю, что по традиции в Швеции, мнения Парламентского Омбудсмeна и Канцлера Юстиции вызывают глубокое уважение. Тем не менее, Парламентский Омбудсмен и Канцлер Юстиции не обладают полномочиями вносить изменения в юридически обязывающие решения. Отсюда остается неясным, будут ли доступны пострадавшему лицу эффективные способы, чтобы оспаривать обоснованность решения о трудоустройстве или восстановить свое право иным способом в случае, если Омбудсмен или Канцлер установят допущение ошибки.

8. Таким образом, я склоняюсь к выводу, что имеет место нарушение статьи 13 Конвенции.

Частично несогласное мнение судей Петтити и Руссо

Вместе с большинством членов Суда мы проголосовали о ненарушении статей 8 и 10, но мы придерживаемся мнения, что имело место нарушение статьи 13.

Мы полагаем, что жалоба, поданная Канцлеру Юстиции, повлечет лишь высказывание мнения и не будет эффективным средством судебной защиты. То же самое касается жалобы, поданной Парламентскому Уполномоченному. Таким образом, эти два средства защиты не удовлетворяют требованиям статьи 13.

Частные лица не являются перед Управлением сторонами в процедуре разглашения информации (см. решение Верховного Административного Суда от 20 июня 1984 года). На как таковое решение Управления о предоставлении информации запрашивающему органу не были поданы апелляции ни в Правительство, ни в административные суды. Г-н Леандер также не был вовлечен в

уголовное судопроизводство, которое давало бы ему право требовать разглашения документа.

Что же касается в особенности секретных реестров, которые делают невозможным для гражданина воспользоваться законами или директивами, дающими ему право доступа к административным документам, тем более необходимо наличие эффективного средства судебной защиты в независимом государственном органе, даже если этот орган не является судебным.

Доктрина государственного акта может быть осуществлена неверно. Правоохранительные органы могут совершить вопиюще неправомерные действия (*voie de fait*).

Следует также отметить, что решения шведского Уполномоченного имеют силу лишь в отношении государственных служащих, к которым заявитель не относится.

К тому же даже в совокупности, неэффективные средства судебной защиты не могут составить эффективное средство там, где как в данном случае, их соответствующие недостатки не уравнивают друг друга, а лишь увеличивают их совокупность.

Шесть членов Комиссии, изложивших в своем несогласном мнении, что имеет место нарушение статьи 13, справедливо сослались на отсутствие какого-либо эффективного средства судебной защиты. На наш взгляд, важно не то, чтобы сделать обязательным требование от государственного органа, рассматривающего апелляции, полномочий назначать выплату нанесенного вреда, а чрезвычайно важно то, чтобы независимый орган мог определить суть записи в реестре, и в случае обнаружения прямой описки и ошибки в личности, в каком из этих случаев можно считать необоснованными доводы об обеспечении национальной безопасности.

Важно также помнить об опасности электронной связи между полицейскими реестрами и регистрами других государств или Интерпола. Частное лицо должно быть вправе подать апелляцию на внесение в реестр в результате серьезной ошибки, даже если источник информации засекречен и известен только независимому государственному органу, обладающему юрисдикцией изучить апелляцию, поданную частным лицом.

Система контроля, как таковая, обеспечиваемая Верховными Административными Судами (в Бельгии, Франции и Италии), должна предлагать эффективное средство судебной защиты, которое, на наш взгляд, отсутствует на данный момент.

Государство не может выступать единоличным судьей в собственном деле в такой деликатной сфере, как защита прав человека.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005

© Перевод с англ. М. Н. Залата

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ПЭК ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА» (Peck v. the United Kingdom)

(жалоба № 44647/98)

Постановление Суда

Страсбург, 28 января 2003 года

Тема: неприкосновенность частной жизни

Подтема: распространение информации о частной жизни человека в СМИ

Критерий: необходимость в демократическом обществе

Решение: Имело место нарушение права на неприкосновенность частной жизни (статья 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Соединенное Королевство Великобритании

Краткое изложение обстоятельств дела:

20 августа 1995 года заявитель, находясь в состоянии депрессии, как следствие обстоятельств личной и семейной жизни, попытался совершить самоубийство, перерезав сосуды на запястьях. Он остановился на перекрестке и склонился над ограждением лицом в сторону уличного движения, держа в руке нож. Он не знал, что его движения снимала камера видеонаблюдения, установленная с целью профилактики и предупреждения преступлений на островке безопасности перед перекрестком. Служащие полиции были уведомлены оператором системы наблюдения и прибыли на место происшествия. Они отобрали у заявителя нож, оказали ему медицинскую помощь и доставили его в полицейский участок. Впоследствии указанная видеозапись была распространена в печати и в эфире ряда британских СМИ с целью демонстрации преимуществ системы видеонаблюдения. Распространенный в СМИ видеоматериал, однако, не показывал момента, как заявитель режет себе вены.

Заявитель обратился в Комиссию по стандартам радио и телевидения, которая удовлетворила его жалобу. Комиссия по жалобам на прессу, напротив, признала жалобу заявителя необоснованной. Тогда заявитель обратился в Высокий суд правосудия, который пришел к выводу, что Совет имел полномочия предоставлять видеоматериал системы видеонаблюдения средствам массовой информации.

Заявитель обратился с жалобой в Европейский Суд по правам человека, в которой жаловался на предоставление средствам массовой информации доступа к видеоматериалу, отснятому скрытой системой видеонаблюдения, результатом чего стало широкое распространение его изображений в печатных и электронных СМИ, а также на отсутствие применимого к ситуации эффективного средства правовой защиты на национальном уровне. Он утверждал, что открытие доступа к видеозаписи составило серьезное вмешательство в его частную жизнь.

Оценка Европейского Суда:

Факт вмешательства в частную жизнь

Сам факт наблюдения за заявителем и осуществления видеозаписи не может признаваться нарушением статьи 8 Конвенции. Однако, тот факт, что видеозапись действий заявителя была передана огласке путем распространения в эфире и в печати, составило серьезное вмешательство в право заявителя на неприкосновенность его частной жизни. Таким образом, факт вмешательства в право заявителя имел место и, решая вопрос о наличии нарушения ст. 8 Конвенции, Европейский Суд должен был ответить на вопрос — было ли данное вмешательство оправданным и «необходимым в демократическом обществе».

Необходимость в демократическом обществе

Суд напомнил, что:

«... в делах, касающихся раскрытия личной информации, ... следует оставлять компетентным национальным властям некие пределы усмотрения в поиске справедливого баланса между конфликтующими интересами — общественными и частными. Однако пределы этой сферы зависят от таких

факторов, как характер и серьезность поставленных на карту интересов и серьезность вмешательства». (п. 77)

Суд отметил, что защита персональной информации имеет фундаментальное значение для осуществления человеком своего права на неприкосновенность частной жизни и что, следовательно, национальное законодательство должно предусматривать соответствующие гарантии для предотвращения любого раскрытия [персональной информации], которое может противоречить гарантиям, предоставляемым в соответствии со статьей 8 Конвенции.

В настоящем деле Суд пришел к выводу, что государство-ответчик не приняло надлежащих мер для сохранения персональной информации о заявителе:

«... в распоряжении Совета имелись и иные варианты возможных действий для достижения тех же целей. Во-первых, он мог бы установить личность заявителя, запросив об этом полицию, и таким образом мог бы заручиться его согласием прежде, чем открывать доступ к материалу. В качестве альтернативы, Совет мог бы сам замаскировать лицо заявителя в кадрах. Еще одним вариантом было бы сделать все возможное для обеспечения маскировки этих изображений средствами массовой информации, которым был предоставлен материал. Суд отмечает, что Совет не сделал попытки использовать первый и второй варианты действий и считает, что шаги, предпринятые Советом в отношении третьего варианта, были недостаточными». (п. 80)

В итоге Суд не считает, что в данном деле имелись применимые к нему и достаточные причины, которые оправдывали бы прямое представление вниманию публики кадров из видеозаписи без получения согласия заявителя на это и без маскировки его изображения на материалах съемки. В настоящем деле, преследуемая цель профилактики правонарушений и контекст, в котором был открыт доступ к материалу, требовали особого внимания и осмотрительности в этом отношении.

В заключение Суд резюмировал:

«... придание гласности Советом отснятого в ЗТСН видеоматериала в публикации «Новости ЗТСН» и передача его газете «Yellow Advertiser», телекомпаниям «Anglia Television» и «Би-Би-Си» не сопровождалась достаточными защитными мерами, направленными на предотвращение раскрытия информации, противоречащей гарантиям, обеспечивающим уважение частной жизни заявителя, содержащимися в статье 8. Как таковое, открытие доступа к материалу представляло собой несоразмерное [цели] и, следовательно, неоправданное вмешательство в его личную жизнь и нарушение статьи 8 Конвенции». (п. 87)

В настоящем деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2006

ДЕЛО «ПЭК ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»

(Peck v. the United Kingdom)

(жалоба № 44647/98)

Постановление Суда
Страсбург, 28 января 2003 года

По делу «Пэк против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н М. Пеллонпе, *Председатель*,
сэр Николас Братца,
г-н А. Пасто Ридройхо,
г-н М. Фишбах,
г-н Р. Марусте,
г-н С. Павловски,
г-н Л. Гарлицки, *судьи*,

и г-н М. О'Бойл, *Секретарь Палаты Суда*,

Проведя 7 января 2003 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после принятия Европейской Комиссией по правам человека (далее — «Комиссия») жалобы (№ 44647/98) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, которая была подана в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Соединенного Королевства, г-ном Джеффри Деннисом Пэком (далее — «заявитель») 22 апреля 1996 года.

2. Заявителя, который был освобожден от оплаты юридической помощи, представлял г-н П. Лич, адвокат-солиситор (поверенный), практикующий в Лондоне. Правительство Великобритании (далее — «Правительство») представляла г-жа Р. Мэндэл, его уполномоченный представитель, сотрудница Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

3. Заявитель жаловался на предоставление средствам массовой информации доступа к видеоматериалу, снятому в замкнутой телевизионной системе наблюдения, результатом чего стало широкое распространение его изображений в печатном и электронном виде, а также на отсутствие применимого к ситуации эффективного средства правовой защиты на национальном уровне. Он основывался на положениях статей 8 и 13 Конвенции.

4. Заявление было передано Суду 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11). Оно было направлено на рассмотрение в Третью Секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В пределах этой Секции Палата, которой предстояло рассмотреть данное дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с требованиями пункта 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Решением от 15 мая 2001 года Палата признала заявление приемлемым.

6. Правительство, но не заявитель, представило свои объяснения по существу дела (пункт 1 Правила 59). Палата после консультаций со сторонами решила, что слушания по существу дела не требуется (пункт 2 Правила 59 *in fine*).

7. 1 ноября 2001 года Суд произвел структурную реорганизацию своих палат (пункт 1 Правила 25 Регламента Суда). Настоящее дело было передано вновь сформированной Четвертой Секции Суда.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель родился в 1955 году и проживает в графстве Эссекс.

А. Замкнутая телевизионная система наблюдения (ЗТСН) и фигурирующий в деле отснятый материал

9. В феврале 1994 года Муниципальный совет г. Brentwood (далее — «Совет») утвердил положение об эксплуатации и управлению ЗТСН. Отснятые камерами наблюдения записи подлежат хранению изначально в течение девяноста дней с эпизодическим пересмотром этого срока в сторону сокращения до минимально возможного, а по истечении срока хранения отснятый материал подлежит удалению. В разделе, озаглавленном «неприкосновенность частной жизни на соседних объектах», отмечалось, что система ЗТСН должна предусматривать адекватные способы предотвращения несанкционированного вторжения в пространство, окружающее то, что находится под наблюдением. В случаях, когда становится очевидным, что произошло нарушение права на неприкосновенность частной жизни, предусматривалось, что Совет примет меры по обеспечению «либо электронной (цифровой), либо физической фильтрации (экранирования)». В апреле 1994 года Совет установил систему наблюдения (ЗТСН) в Brentwood. Она была полностью введена в эксплуатацию к июлю 1994 года. Муниципальный оператор-наблюдатель имел прямую видео и аудио связь с полицией, таким образом, чтобы в случае, если он сочтет, что имеет место инцидент, требующий вмешательства полиции, получаемое на его мониторе изображение могло бы быть переведено на полицейский монитор.

10. В августе 1995 года заявитель находился в состоянии депрессии, как следствие обстоятельств личной и семейной жизни. 20 августа 1995 года в 23 часа 30 минут он шел один по главной улице города по направлению к центральному перекрестку в центре Brentwood с кухонным ножом в руке и попытался совершить самоубийство, перерезав сосуды на запястьях. Он остановился на перекрестке и склонился над ограждением лицом в сторону уличного движения, держа в руке нож. Он не знал, что его движения снимала камера видеонаблюдения, установленная на островке безопасности перед перекрестком. Представленный позднее в СМИ отснятый видеоматериал не показал, как заявитель режет себе вены — оператора насторожило лишь присутствие на перекрестке некоего человека с ножом.

11. Служащие полиции были уведомлены оператором системы наблюдения и прибыли на место. Они отобрали у заявителя нож, оказали ему медицинскую помощь и доставили его в полицейский

участок. Заявитель был задержан в соответствии с Законом о психическом здоровье 1983 года. В протоколе задержания отмечено, что при прибытии он имел порезы на запястьях и был осмотрен врачом, оказавшим ему медицинскую помощь, после чего был освобожден без предъявления обвинения и доставлен домой служащими полиции.

В. Выпуск в эфир и публичный показ отснятого видеоматериала

12. 14 сентября 1995 года группа по эксплуатации системы видеонаблюдения (ЗТСН) Совета согласилась разрешить регулярные новостные выпуски в прессе о работе системы видеонаблюдения. Совет также решил сотрудничать с третьими сторонами в подготовке документальных программ о работе этой системы.

13. Первый из опубликованных под рубрикой «Новости ЗТСН» собственных материалов Совета появился 9 октября 1995 года и включал в себя две взятые из отснятого видеоматериала фотографии заявителя, сопровождавшие статью, озаглавленную: «Кризис миновал — сотрудничество ЗТСН и полиции предотвращает потенциально опасную ситуацию». На снимках лицо заявителя не было специально замаскировано. В статье говорилось, что заявитель был замечен с ножом в руке, что вид он имел явно несчастный, но не агрессивный, что полиция была оповещена, что человека разоружили и доставили в участок, где его допросили и помогли ему в его проблемах. В статье также назывался сотрудник муниципалитета, к которому могли бы обратиться желающие получить копии фотографий.

14. 12 октября 1995 года газета «Brentwood Weekly News» поместила фотографию этого происшествия с заявителем на своей первой странице в качестве сопровождения статьи об использовании и преимуществах системы видеонаблюдения. Лицо заявителя не было специально замаскировано.

15. 13 октября 1995 года статья под заголовком «Снято!» («Gotcha») появилась в «Yellow Advertiser», местной газете с тиражом около 24 тыс. экземпляров. Статья сопровождалась фотографией заявителя, взятой из видеоматериала ЗТСН. В статье рассказывалось о том, что заявитель был задержан с ножом в руке, а потенциально опасную ситуацию разрядили благодаря работе системы видеонаблюдения.

Отмечалось, что заявитель был освобожден без предъявления ему обвинения.

16. В результате этого [региональный] телеканал «Anglia Television» запросил, а Совет предоставил видеозапись происшествия с заявителем. 17 октября 1995 года фрагменты этой видеозаписи были включены в телепередачу о системе видеонаблюдения, транслировавшуюся на аудиторию, в среднем оцениваемую в 350 000 человек. Лицо заявителя на экране было замаскировано по устной просьбе представителя Совета. Однако позднее эта маскировка была признана недостаточной Комиссией по независимому телевидению (см. ниже), так как характерная прическа и усы заявителя делали его легко узнаваемым для любого знакомого с ним человека.

17. 18 октября 1995 года председатель Совета сообщил Муниципальному комитету по техническим службам, что муниципалитет сотрудничал и будет продолжать сотрудничать [со сторонними организациями] в подготовке основанных на фактах документальных программ, касающихся системы видеонаблюдения. Он сослался на сюжет о работе системы, показанный за день до того каналом «Anglia Television».

18. В конце октября или в ноябре 1995 года заявитель узнал о том, что его сняла камера видеонаблюдения и что видеозапись была публично показана, через соседа, сообщившего его сожительнице о том, что видел заявителя по телевидению. В то время он не предпринял никаких действий, поскольку все еще переживал глубокую депрессию.

19. 16 февраля 1996 года в газете «Yellow Advertiser» была опубликована вторая статья под заголовком «Небесный глаз все видит» («Eyes in the sky triumph»), описывавшая полезность системы ЗТСН в борьбе против преступности и сопровождавшаяся фотографией, уже использованной ранее этой газетой. По-видимому, целый ряд людей узнал на фотографии заявителя. В письме от 25 апреля 1996 года [редакция] «Yellow Advertiser» высказала мнение, что заявителя опознать невозможно. Комиссия по жалобам на прессу не пришла к решению о том, узнаваем ли заявитель на данной фотографии или нет (см. ниже).

20. Тогда же или примерно тогда же Совет согласился предоставить отснятый в системе видеоматериал, в том числе и кадры с заявителем, продюсерам программы «Crime Beat» («Полицейский дозор»), серии

передач на национальном канале «Би-Би-Си» с аудиторией в среднем в 9,2 млн. телезрителей. Совет в устной форме поставил продюсерам ряд условий, в том числе и о том, чтобы ни один человек в предоставленном видеоматериале не был узнаваем и чтобы все лица были замаскированы. «Би-Би-Си» должна была проконсультироваться также и с полицией, чтобы убедиться, что у нее «нет возражений против показа записей по соображениям, связанным с делами sub judice («в производстве»))».

21. Примерно между 9 и 11 марта 1996 года друзья сообщили заявителю, что видели его 9 марта 1996 года в анонсе очередного эпизода программы «Crime Beat», который вскоре должны были показать по телевидению. 11 марта 1996 года он пожаловался в Совет по поводу готовившейся к показу передачи, в результате чего Совет и установил его личность. Совет связался с продюсерами, подтвердившими, что в кадре лицо заявителя замаскировано. В тот же вечер, отснятый в ЗТСН материал был показан в программе «Crime Beat». Лицо заявителя было замаскировано в основной передаче, однако позднее Комиссия по стандартам радио- и телевидения (см. ниже) сочла эту маскировку недостаточной. Многие из видевших программу друзей и родственников заявителя узнали его.

22. В ответ на высказанную в письме от 21 февраля 1997 года просьбу заявителя предоставить ему копию лицензионного соглашения Совета с продюсерами программы «Crime Beat» Совет предоставил ему текст некоего соглашения без подписи и даты, не имевший явного отношения к заявителю, но содержащий требование замаскировать все лица во всех экземплярах соответствующей видеозаписи. В письме от 31 октября 1997 года Совет признал, что не может найти подписанный экземпляр соглашения с продюсерами, но к письму был приложен более ранний черновой вариант соглашения, подписанного продюсерами, в котором говорилось о видеоматериале, где фигурировал заявитель, но не содержалось никаких требований о маскировке.

23. Впоследствии, заявитель несколько раз выступил в средствах массовой информации, протестуя против публикации данного видеоматериала и фотографий. 28 марта 1996 года он принял участие в национальной радиопрограмме («Би-Би-Си Радио-4»). 31 марта 1996 года он беседовал с журналистом, который [затем] опубликовал статью в одной из национальных газет — так имя заявителя впервые появилось в СМИ. Другие газетные статьи включали фотографии

заявителя или цитировали его высказывания. Его также показали по национальным телеканалам: 13 апреля 1996 года на «Канале 4» в программе «Право на ответ» («Right to reply»), 25 июля 1996 года на «Канале 5» в программе «Эспрессо» («Espresso») и 5 августа 1997 года — на «Би-Би-Си-1» в программе «Вам решать» («You decide»). Кроме того, его фотография была опубликована в газете «Yellow Advertiser» 25 октября 1996 года.

С. Комиссия по стандартам радио- и телевидения (КСРТ)

24. 25 апреля 1996 года заявитель направил жалобу в КСРТ, в том числе и по поводу программы «Crime Beat», утверждая, что имело место незаконное вторжение в его частную жизнь, и что с ним поступили нечестно и несправедливо. 13 июня 1997 года КСРТ удовлетворила обе его жалобы.

25. КСРТ отметила, что «Би-Би-Си» уже признала, что собиралась замаскировать лицо заявителя, и что в анонсе передачи этого не сделали по недосмотру. КСРТ также сочла сокрытие лица в самой передаче недостаточным, поскольку заявителя узнали и телезрители, не видевшие ее анонса. Было признано, что «Би-Би-Си» допустила то, что заявителя узнали, ненамеренно. Однако КСРТ сочла, что результатом стала демонстрация родным, друзьям и соседям заявителя эпизода, который он не желал выставлять на показ, и что это причинило ему моральные страдания и, в сущности, составило незаконное вторжение в его частную жизнь. КСРТ также заявила, что тот факт, что заявитель решил публично заговорить об этом инциденте, не отменяет установленного факта вторжения. «Би-Би-Си» было предписано передать в эфир 12 июня 1997 года краткое изложение резолюции КСРТ по поводу эпизода программы «Crime Beat», которое было также опубликовано в тот же день газетой «Дейли Телеграф».

Д. Комиссия по независимому телевидению (КНТВ)

26. 1 мая 1996 года заявитель подал жалобу в КНТВ по поводу передачи телекомпании «Anglia Television». К тому времени последняя уже принесла заявителю свои извинения и признала, что нарушила требования статей 2(2) и (5) Кодекса КНТВ (статей, касающихся освещения публично происходящих событий и сцен физического и эмоционального страдания). КНТВ отметила, что [при виде] человека

с ножом подразумевается, что он, вероятно, имеет умысел совершить преступное деяние. Комиссия сочла, что личность заявителя в кадре была замаскирована недостаточно, что он вполне поддавался опознанию и легко узнавался знакомыми. Комиссия констатировала нарушение статей 2(2) и (5) Кодекса, и решение КНТВ было опубликовано в «Отчете о жалобах и вмешательствах по поводу программ» в июне 1996 года. Учитывая признание компании «Anglia Television» и принесенные ею извинения, никаких дальнейших мер Комиссией принято не было.

Е. Комиссия по жалобам на прессу (КЖП)

27. 17 мая 1996 года заявитель подал жалобу в КЖП по поводу статей, опубликованных в газете «Yellow Advertiser». КЖП отклонила жалобу заявителя без проведения слушаний, и это решение было сообщено заявителю в письме от 2 августа 1996 года. КЖП сочла, что, независимо от того, узнаваем или нет заявитель на фотографиях, описанные события произошли на главной улице города, в открытом для всеобщего обозрения месте. По мнению комиссии, близкое соседство на страницах определенных фотографий и статей отнюдь не наводило на мысль, что заявитель совершил преступление, к тому же [в статье] было ясно сообщено, что его отпустили без предъявления обвинения, а во второй статье указывалось, что в то время, о котором идет речь, заявитель был нездоров.

Г. Процедура судебного контроля

28. 23 мая 1996 года заявитель обратился в Высокий суд правосудия [входящий в состав Верховного Суда] за разрешением подать заявление о судебном контроле действий Совета, выразившихся в предоставлении доступа к отснятому камерой видеонаблюдения материалу, утверждая в том числе, что это разглашение не было основано на законе. 26 июня 1996 года судья Высокого суда в таком разрешении отказал. 18 октября 1996 года Высокий суд дал разрешение в ответ на повторный запрос, а также разрешение на дополнение заявления требованием признать предоставление доступа к материалу нерациональным, даже в случае если оно будет признано законным.

29. Постановлением от 25 ноября 1997 года Высокий суд отказал в удовлетворении заявления о судебном контроле. Суд установил, что целью статьи 163 Закона об уголовном судопроизводстве и

общественном порядке 1994 года («Закон 1994 года») является предоставление местным органам власти полномочия на установку систем видеонаблюдения для содействия профилактике правонарушений или благополучию потерпевших:

«Предавая широкой огласке информацию об успешной эксплуатации системы видеонаблюдения, Совет сообщал о ее эффективности и таким образом усиливал профилактический эффект от ее работы. Предоставление средствам массовой информации части отснятого камерами наблюдения материала для демонстрации эффективности системы по сути дела ... вытекало из функций Совета, указанных в статье 163 [Закона 1994 года], и облегчало выполнение, поскольку тем самым усиливало или имело тенденцию усилить профилактический эффект технической системы, [которую Совет] установил и использовал в целях профилактики правонарушений».

30. Суд пришел к выводу, что на основании статьи 111 Закона о местном самоуправлении 1972 года Совет имел полномочия предоставлять видеоматериал системы видеонаблюдения средствам массовой информации при выполнении своих функций, указанных в статье 163 Закона 1994 года.

31. Что касается «рациональности» решения Совета о предании материалов огласке, заявитель утверждал, что Совет действовал нерационально, предавая огласке отснятый материал с целью профилактики преступности, в то время как он фактически не совершал никакого преступного деяния. Он утверждал, что, не проконсультировавшись с полицией по поводу того, было ли ему предъявлено обвинение в совершении преступного деяния или нет, и не наложив достаточных ограничений на раскрытие его личности, Совет тем самым способствовал незаконному вторжению в его частную жизнь, что противоречило духу, если не букве, принятого Советом положения.

32. Судья Высокого суда правосудия отчасти принял данные доводы, однако не счел их корректными с правовой точки зрения. Он далее заявил:

«Я в известной степени сочувствую заявителю, пострадавшему от вторжения в его частную жизнь, как

следует из заключений Комиссии по независимому телевидению и Комиссии по стандартам радио- и телевидения. Однако, если я прав в своем решении, утверждающем право Совета на распространение отснятого материала из своей системы видеонаблюдения, случаи нежелательного вторжения в частную жизнь время от времени могут иметь место. До тех пор, пока общее право на неприкосновенность частной жизни не будет признано английским законом (а есть основания полагать, что это может скоро произойти через инкорпорацию Европейской Конвенции по правам человека в наше внутреннее законодательство), нам придется полагаться на эффективность директив, даваемых в сводах [рекомендуемой профессиональной] практики или иных источниках, чтобы по возможности избегать такого нежелательного вторжения в частную жизнь.

Практика свидетельствует о том, что установленные в общественных местах видеокамеры систем наблюдения играют важную роль как в профилактике, так и в раскрытии преступлений. В данном случае видеопленка показала мужчину, идущего по главной улице с большим ножом в руке. Она не показала самой попытки совершения самоубийства. Это была очевидная потенциально опасная ситуация, о которой оператор муниципальной системы совершенно правильно оповестил полицию, в результате чего мужчина был задержан. ... Со стороны Совета не было нерациональным заключить, что этот отснятый материал являет собой полезный пример того, как можно избежать потенциальной опасности. ... В таких обстоятельствах мне представляется, что решение Совета распространить видеоматериал в средствах массовой информации нельзя назвать нерациональным или неразумным, принимая во внимание, что в кадрах не показано попытки к самоубийству и что, в тот момент, личность заявителя не была им [работникам Совета] известна. Они не продали фрагменты отснятого материала ради коммерческой выгоды и, что еще более важно, выдвинули телекомпаниям требование о том, что лицо человека должно быть замаскировано. Правда, требование это было высказано в устной, а не в письменной форме, однако я не убежден в том, что все произошло бы иначе, если бы имело место письменное требование. В данном

случае, вина лежит на телевизионных компаниях. Компания «Anglia TV» не замаскировала лицо заявителя надлежащим образом. «Би-Би-Си» вообще не замаскировала заявителя в анонсах своей передачи. Как только Совет был поставлен об этом в известность заявителем за два дня до выхода программы в эфир (в этот момент им впервые и стала известна личность заявителя), работники Совета немедленно связались с «Би-Би-Си» и получили заверения в том, что в самой программе лицо заявителя было замаскировано. Фактически же, причем Совет об этом не знал, в программе оно не была замаскировано надлежащим образом.

Я убежден, что из этого достойного сожаления инцидента можно извлечь уроки, и, может статься, в ретроспективе происшедшего Совет еще пожелает ужесточить свои правила во избежание подобных инцидентов в будущем. Я, однако, столь же убежден и в том, что, в описанных мной обстоятельствах, действия Совета нельзя назвать нерациональными в том смысле, что его работники лишились рассудка или действовали так, как не стала бы действовать в здравом уме никакая благоразумная местная власть».

33. Ходатайство перед Высоким судом правосудия о подаче апелляционной жалобы в Апелляционный суд было отклонено. Последующее ходатайство о принятии дела на единоличное рассмотрение одного из судей Апелляционного суда было отклонено 21 января 1998 года на том основании, что:

«... Судья [Высокого суда правосудия] был несомненно прав в своей трактовке применимых положений закона, а Совет как не выходил за пределы своих определенных законом полномочий, так и не действовал нерационально, предоставляя средства массовой информации доступ к видеозаписи и фотографиям. Моральный вред, являющийся предметом жалобы, проистекает из того факта, что средства массовой информации не замаскировали заявителя в достаточной степени, представляя видеозапись и фотографии вниманию публики. Это было и является предметом жалобы на действия вовлеченных в дело средств массовой информации, но не может служить основой для

требования частного определения в отношении Брентвудского муниципального совета».

34. После устного слушания перед полным составом Апелляционного суда, ходатайство заявителя о принятии дела к рассмотрению было отклонено 19 февраля 1998 года.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Применимые полномочия Совета

35. Закон об уголовном судопроизводстве и общественном порядке 1994 года («Закон 1994 года») вступил в силу 3 февраля 1995 года. Применимые к данному делу пункты статьи 163 гласят:

«1. Без ущерба для полномочий, которые он вправе осуществлять в тех же целях в соответствии с другими нормативными актами, муниципалитет вправе предпринять те из нижеследующих шагов, которые, по его мнению, будут способствовать профилактике правонарушений или благополучию потерпевших на подведомственной ему территории:

(a) обеспечивать аппаратуру для видеозаписи событий, происходящих на любом участке земли в пределах своей территории;

(b) обеспечивать в пределах своей территории телекоммуникационную систему, которая, согласно части II Закона о телекоммуникациях 1984 года, может эксплуатироваться без лицензии;

(c) организовывать предоставление телекоммуникационной системы любого иного типа в пределах своей территории либо между любым участком на своей территории и любым зданием, занятым органом государственной власти.

2. Полномочие обеспечивать или организовать обеспечение любой аппаратуры включает право на техническое обслуживание или эксплуатацию, либо, в зависимости от обстоятельств, на организацию технического обслуживания или эксплуатации этой аппаратуры».

36. Применимое к данному делу положение статьи 111(1) Закона о местном самоуправлении 1972 года гласит:

«Без ущерба для полномочий, предусмотренных другими положениями настоящего Закона либо иного акта, принятого до или после настоящего Закона, муниципалитет вправе осуществлять любые действия, ... рассчитанные на облегчение выполнения, либо способствующие выполнению, либо вытекающие из обязанности выполнения любой из его функций».

37. Инструкции полицейского управления графства Эссекс, датированные июнем 1995 года, касаются участия полиции в установке и эксплуатации систем видеонаблюдения (ЗТСН) на подведомственной ей территории. В разделе о предоставлении СМИ отснятого видеоматериала указывается, что следует предпринять соответствующие меры, чтобы не подвергать риску уже осуществляющееся либо будущее рассмотрение дела, что следует оформлять лицензионные соглашения, регламентирующие все надлежащие условия предоставления доступа к материалу, и что следует всегда предпринимать меры для того, чтобы потерпевшие либо иные невиновные лица, фигурирующие [в видеоматериале] отдавали себе отчет в возможном его использовании и, по возможности, заручаться их согласием на это. В случаях, когда это возможно, потерпевшие, сотрудники полиции и подозреваемые (там, где их опознание может подвергнуть риску следствие) должны быть замаскированы.

38. В порядке продолжения «Программы по сокращению преступности» («Crime Reduction Programme») объявленной в июле 1998 года, в марте 1999 года было начато государственное финансирование систем видеонаблюдения и выделена рассчитанная на три года сумма в 153 миллиона фунтов стерлингов, из которых более 40 миллионов уже было направлено на финансирование более чем 200 систем ЗТСН. Одним из условий предоставления такого финансирования является регулирование каждого такого проекта надлежащими сводами правил использования для обеспечения надлежащего функционирования системы с учетом соблюдения неприкосновенности частной жизни. В течение первого года эксплуатации системы видеонаблюдения в Brentвуде преступность сократилась на 34%.

В. Судебный контроль

39. В случаях превышения органом местной власти своих полномочий, либо его нерациональных действий, либо принятия им решения в нарушение требований установленной процедуры, лицо, которому нанесен ущерб, может оспорить это решение в порядке судебного контроля. Если решение настолько несоразмерно преследуемой им цели, что квалифицируется как нерациональное, суд отменяет его. Английские суды не признают соразмерность как самостоятельный критерий судебного контроля. Однако в деле «R. (фирма Alconbury Developments Ltd) против Министра по делам окружающей среды, транспорта и регионов» (R. (Alconbury Developments Ltd) v. Secretary of State for the Environment, Transport & the Regions) ([2001] 2 Weekly Law Reports 1389), член палаты лордов лорд Слинн заявил в порядке obiter dictum («неофициального мнения»):

«Я считаю, что даже без ссылки на Закон о правах человека 1998 года, настало время признать, что этот принцип [соразмерности] является частью английского административного законодательства не только когда судьи имеют дело с актами [Европейского] Сообщества, но и тогда, когда они имеют дело с актами национального законодательства».

С. Средства правовой защиты в частном праве

40. Правовая защита от нарушения оказанного доверия (breach of confidence) основывается на составе из трех существенных элементов: сама информация должна обладать «необходимым качеством конфиденциальности»; информация «должна быть предварительно передана в обстоятельствах, подразумевающих обязательство конфиденциальности»; должно иметь место «несанкционированное использование информации во вред сообщившей ее стороне» (прецедент «Коко против фирмы A.N. Clark Engineers Ltd» (Coco v. A.N. Clark Engineers Ltd) [1969] Reports of Patent Cases 41, at p. 47)). Более полное описание данного основания для иска, вместе с более недавними судебными прецедентами, изложены в материалах дела «Граф и графиня Спенсер против Соединенного Королевства» (Earl and Countess Spencer v. the United Kingdom) (заявления №№. 28851/95

и 28852/95, решение Комиссии от 16 января 1998 года, Decisions and Reports (DR) 92-A, p. 56).

41. Если должностное лицо злоупотребляет своим положением путем совершения административного акта со злым умыслом, либо акта, который, как ему известно, он не имеет права совершать, и наносит этим предвидимый вред, пострадавшее лицо может требовать возмещения ущерба по основанию злоупотребления служебным положением.

42. Судебная защита от диффамации прочно закреплена в английском праве. Каждый человек имеет право на заслуженное доброе имя и на уважение, которым он пользуется в глазах других, и имеет право требовать, чтобы его репутация не подрывалась порочащими утверждениями о нем со стороны третьего лица либо третьих лиц без законного на то обоснования или оправдания.

43. Существенными элементами состава злонамеренной клеветы (malicious falsehood) являются публикация обвиняемым таких утверждений о потерпевшем, которые не соответствуют действительности, их публикация со злым умыслом, а также нанесение фактического ущерба, являющегося прямым и естественным следствием их публикации (дело «Кэй против Робертсона» (Kaye v. Robertson) [1991] Fleet Street Reports 62).

44. Деликт причинения беспокойства (nuisance) состоит в несанкционированном вмешательстве в пользование или обладание землей (см., например дело «Томас против Национального профсоюза шахтеров» (Thomas v. National Union of Mineworkers) [1986] Law Reports: Chancery Division 20). Противоправное нарушение владения (trespass) состоит в неоправданном вторжении одного лица во владение другого. Национальные суды в последнее время разрабатывают понятие деликта «назойливое беспокойство, причиняющее персональный вред» (harassment causing personal injury) (см., например, дела «Бернетт против Джорджа», (Burnett v. George) [1992] 1 Family Law Reports 525) и «Хорасанджин против Буша» (Khorasandjin v. Bush) [1993] 3 All England Law Reports 669).

45. В зависимости от обстоятельств, в которых была сделана или опубликована любая фотография или видеозапись, несанкционированная фото/видео съемка или публикация фото/видеоматериала могут быть предотвращены (либо ущерб от

таковых возмещен) по основаниям [нарушения] авторского права, нарушения контракта либо принуждения к нарушению контракта.

D. Защита неприкосновенности личной жизни в статутном праве

46. Статутное право обеспечивает некоторую защиту в виде Закона о защите от назойливого беспокойства (Protection from Harassment Act) 1997 года. Законодательное регулирование «наблюдения» (surveillance) обеспечивается Законом о перехвате сообщений 1985 года, Законом о разведывательных службах 1994 года и Законом о полиции 1997 года. Закон о регулировании полномочий следственных органов 2000 года ставит целью обеспечение соблюдения прав человека при использовании властями своих следственных полномочий. Многие пользователи замкнутыми телевизионными системами видеонаблюдения обязаны соблюдать положения Закона о защите данных 1998 года. Специфическая защита неприкосновенности частной жизни предоставляется в статутном праве и в некоторых иных контекстах, таких как анонимность жертв сексуального насилия (Закон о преступлениях на сексуальной почве (поправка) 1976 года) и запрет на опубликование имен и фотографий детей, вовлеченных в судебные разбирательства (Закон о детях и молодежи 1933 года).

47. Закон о правах человека 1998 года вступил в силу в октябре 2000 года. Он требует, чтобы законы и подзаконные нормативные акты по возможности толковались и приводились в исполнение способом, совместимым с Европейской Конвенцией о правах человека, и далее постановляет, что действия органа государственной власти, не совместимые с [каким-либо] гарантированным Конвенцией правом, являются незаконными.

В деле «Дуглас против «Hello! Ltd» (Douglas v. Hello! Ltd) ([2001], Weekly Law Reports 992) лорд-судья Седли указал, что готов признать существование в настоящее время в английском законодательстве квалифицированного (ограниченного определенными условиями) права на неприкосновенность личной жизни, хотя прочие члены Апелляционного суда (лорд-судья Брук и лорд-судья Кин) не сочли необходимым высказать официальное суждение по данному вопросу.

E. Комиссии по делам СМИ

48. Комиссия по стандартам радио- и телевидения (КСРТ — BSC) была учреждена во исполнение статьи 106 Закона о радио- и

телевещании 1996 года, вступившего в силу в апреле 1997 года. Обязанностью КСРТ является разработка и публикация свода норм, дающего руководящие указания о принципах, которыми следует руководствоваться, и о практике, которой следует придерживаться, во избежание несправедливого или некорректного освещения либо неправомерного нарушения неприкосновенности частной жизни в программах [радио и телевидения] (статья 107 Закона 1996 года). В этой связи параграф 16 Кодекса указывает, что при использовании материала, отснятого камерами наблюдения (ЗТСН), радио- и телекомпаниям следует обеспечивать корректное обращение с узнаваемыми частными лицами и что «любые отступления от правила, требующего личного согласия [такого лица на показ], должны оправдываться более значимым общественным интересом». КСРТ также обязала производить разбирательство по жалобам, касающимся несправедливого или некорректного освещения либо неправомерного нарушения неприкосновенности частной жизни в программах радио и телевидения (статьи 110 и 111 Закона 1996 года).

49. КСРТ уполномочена, помимо прочего, предписывать организациям радио- и телевидения публиковать заключения КСРТ либо их краткое изложение (статья 119), но не уполномочена предписывать такой организации отказываться от выпуска программы в эфир.

50. Комиссия по независимому телевидению (КНТВ — ИТС) является государственным органом, учрежденным во исполнение Закона о радио- и телевидении 1990 года для лицензирования и регулирования деятельности коммерческого телевидения (за исключением услуг телевидения, предоставляемых, в том числе и компанией «Би-Би-Си»). Закон требует от КНТВ разработки и обеспечения соблюдения свода норм, регламентирующего стандарты и практику подготовки программ, включая и вопросы неприкосновенности частной жизни. КНТВ выносит решения по жалобам, основанным на положениях этого свода норм, и, при подтверждении фактов его нарушения, может налагать санкции, например, требовать принесения извинений в эфире, налагать штрафы и аннулировать лицензии.

51. Комиссия по жалобам на прессу (КЖП) является специально не предусмотренной законом общественной организацией, учрежденной прессой в целях саморегулирования. КЖП следует добровольно установленному своду практики, включающему и положения, касающиеся неприкосновенности личной жизни. Если [Комиссия] сочтет, что какая-либо газета нарушает соответствующий свод норм,

эта газета должна опубликовать данное заключение КЖП. Комиссия не имеет законных полномочий на предотвращение публикации материала, требование исполнения своих решений или на предоставление подавшему жалобу лицу какой-либо правовой защиты.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

52. Заявитель обжаловал предоставление Муниципальным Советом г. Brentwood доступа к отснятому камерой наблюдения видеоматериалу, результатом чего стала публикация в печатном и электронном виде его (заявителя) узнаваемых изображений, что составляет несоразмерное [законной цели] вмешательство в его право на неприкосновенность частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. Применимые части статьи 8 гласят:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах ... общественного порядка, ... в целях предотвращения беспорядков или преступлений ... ».

A. Факт вмешательства в личную жизнь

1. Аргументы сторон

53. Правительство оспаривало утверждение, что право заявителя на [уважение] частной жизни было затронуто. Оно в основном доказывало, что происшествие, о котором идет речь, не являлось элементом частной жизни заявителя, учитывая характер снятого на пленку события, а также место и обстоятельства съемки. Сами действия заявителя уже носили публичный характер. Придание этих действий огласке просто распространило информацию о публичном событии на более широкую аудиторию и не могло изменить публичного характера первоначального поведения заявителя и придать ему более частный характер. Правительство также утверждало, что

заявитель, по сути, отказался от своих прав, решив совершить свой поступок и выбрав для него данное место, и что тот факт, что заявитель не жаловался на сам факт съемки камерой наблюдения, равносителен признанию им того, что съемка не затронула его права на защиту его частной жизни. Правительство далее высказало мнение, что вопрос о том, имело ли место вмешательство в частную жизнь, остается открытым и что при ответе на него следует учесть ряд факторов, в том числе характер оспариваемого действия и поведение сторон.

54. Заявитель утверждал, что открытие доступа к видеозаписи составляет серьезное вмешательство в его частную жизнь. Данная видеозапись относится к попытке самоубийства, он не знал, что его снимает камера, и во фрагменте показан момент, непосредственно следующий за этим эпизодом, когда заявитель все еще держал в руке нож. Видеозапись была предоставлена печатным и аудиовизуальным СМИ, имеющим большую аудиторию, без его ведома и согласия и либо вообще без маскировки, либо при недостаточной маскировке его личности. И в этих обстоятельствах кадры, в которых он фигурирует, транслировались миллионам зрителей, и его узнали многие знакомые, в том числе члены его семьи, друзья и коллеги. И хотя он не жалуется на факт видеосъемки камерой наблюдения (поскольку это спасло ему жизнь), он обратился в суд по поводу раскрытия Советом отснятого видеоматериала, результатом чего и стали являющиеся предметом разбирательства публикации и передачи.

55. Хотя в раскрытом видеоматериале ЗТСН и не видно как заявитель режет себе вены, последний утверждал, что данный фрагмент относится ко времени, непосредственно следующему за попыткой самоубийства, и таким образом связан с этим сугубо личным и частным моментом. Несмотря на то, что он находился на улице, событие происходило поздно вечером, он не принимал участия в публичной демонстрации (главной целью которой является быть увиденным) и, принимая во внимание его психологическое состояние, отнюдь нельзя утверждать, что он находился там добровольно. Он не знал, что его снимает камера наблюдения, а открытие доступа к отснятому материалу произошло без его ведома и согласия, и видеоматериал был впоследствии дан в эфир, а фотокадры — в печать без его разрешения и способом, не исключавшим его опознания членами семьи, друзьями, соседями и коллегами. КСРТ, КНТВ и Высокий суд признали факт вторжения в его частную жизнь, и в свете

этих решений противоположное мнение КЖП представляется несостоятельным.

56. Кроме того, по утверждению заявителя, [прецедентное] право органов Конвенции признает, что тот факт, что событие произошло в общественном месте, является лишь одним из элементов в общем суждении о том, имело ли место вмешательство в частную жизнь; прочие же значимые факторы включают способ использования полученного материала и степень его публичного разглашения. Вопреки практике органов Конвенции, Совет не только специально предусмотрел предоставление доступа к отснятому камерой наблюдения материалу, но предоставил такой доступ именно средствам массовой информации. Более того, заявитель настаивал, что нельзя утверждать, что 20 августа 1995 года он «однозначно» отказался от своих прав, гарантированных Конвенцией.

2. Оценка Суда

57. Частная жизнь — широкий термин, не поддающийся исчерпывающему определению. Суд ранее уже постановлял, что такие элементы как половая принадлежность, имя, сексуальная ориентация и половая жизнь являются важными элементами личной сферы, защищаемой статьей 8. Данная статья также защищает право на индивидуальность и личное развитие, равно как и право на установление и развитие отношений с другими людьми и с внешним миром, и может включать в себя деятельность профессионального или делового характера. Таким образом, существует некая зона взаимодействия человека с другими людьми, в том числе и в публичной сфере, которая может включаться в пределы понятия «частная жизнь» (см. постановление по делу «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства» (P.G. and J.H. v. the United Kingdom), no. 44787/98, § 56, ECHR 2001-IX, с дальнейшими ссылками).

58. По делу «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства» (§ 57) Суд в частности отметил следующее:

«Существует ряд элементов, существенных для решения вопроса о том, затронута ли частная жизнь человека действиями, совершенными за пределами его жилища либо частного помещения. Поскольку существуют случаи, когда люди сознательно или умышленно вовлекаются в действия, которые могут фиксироваться, либо действительно

фиксируются в записи или освещаются публичным образом, разумные ожидания лица в отношении неприкосновенности его частной жизни могут быть существенным, хотя и не обязательно решающим фактором. Человек, идущий по улице, неизбежно попадает в поле зрения любого другого человека, также присутствующего поблизости. Наблюдение с помощью технических средств за происходящим в определенном и неизменном общественном месте (например, когда работник охраны следит за монитором замкнутой телевизионной системы наблюдения) носит такой же характер. Вопрос о [вторжении в] частную жизнь может, однако, возникнуть при систематической либо постоянной фиксации такого доступного стороннему наблюдению материала в любого рода записи».

59. Наблюдение за действиями какого-либо лица в общественном месте с помощью фотографического оборудования, не производящего записи визуального изображения, как таковое не составляет вмешательства в личную жизнь этого лица (см., например, постановление по делу «Эрбек и ассоциация «Лига прав человека» против Бельгии» (*Herbecq and the association «Ligue des droits de l'homme» v. Belgium*), заявления №№. 32200/96 и 32201/96, постановление Комиссии от 14 января 1998 года, DR 92-B, р. 92). С другой стороны, запись материала и систематический либо постоянный характер такой записи могут дать повод для рассмотрения вопроса об этом. Соответственно, в делах «Ротару против Румынии» (*Rotaru v. Romania*) и «Аманн против Швейцарии» (*Amann v. Switzerland*) (на которые ссылались в деле «Р.Г. и Ж.Н. против Соединенного Королевства») компиляция службами безопасности данных о неких отдельных лицах, даже без использования методов скрытого наблюдения, составила вмешательство в частную жизнь заявителей («Ротару против Румынии» [GC], no. 28341/95, §§ 43-44, ECHR 2000-V, и «Аманн против Швейцарии» [GC], no. 27798/95, §§ 65-67, ECHR 2000-II). Притом, что постоянная запись голосов Р.Г. и Ж.Н. производилась когда они отвечали на вопросы в полицейском участке, а служащие полиции их выслушивали, запись их голосов для дальнейшего анализа была квалифицирована как обработка персональных данных о заявителях, равносильная вмешательству в осуществление ими права на уважение их частной жизни (см. вышеупомянутое дело «Р.Г. и Ж.Н. против Соединенного Королевства», §§ 59-60).

60. Однако Суд отмечает, что заявитель в настоящем деле не жаловался на то, что сбор данных путем наблюдения за его действиями с помощью камеры ЗТСН и создание постоянной видеозаписи, в которой он фигурирует, представляли собой вмешательство в его частную жизнь. Собственно говоря, он признал, что такое использование системы наблюдения вместе с явившимся его следствием вмешательством полиции, возможно, и спасло ему жизнь. Вместо этого, он утверждал, что вмешательство [в его частную жизнь] было вызвано открытием доступа к этой видеозаписи его действий широкой публике — способом, который он никак не мог предвидеть.

61. В этой связи Суд обращается к прецедентным решениям Комиссии по делам Люпкера (Lupker) и Фридля (Friedl), касавшихся непредвиденного использования властями добровольно предоставленных им прежде фотографий («Люпкер и другие против Нидерландов» (Lupker and Others v. the Netherlands), no. 18395/91, решение Комиссии от 7 декабря 1992 года, не опубликовано), а также использование фотоснимков, сделанных властями во время публичной демонстрации («Фридля против Австрии» (Friedl v. Austria), постановление Суда от 31 января 1995 года, Series A no. 305-B, мнение Комиссии, p. 21, §§ 49-52). В этих делах Комиссия придавала значение тому, составляли ли фотоснимки вторжение в частную жизнь заявителя (как, например, при проникновении в жилище частного лица и производстве там фотосъемки), относилась ли фотография к частной или к общественной жизни и предусматривалось ли ограниченное использование полученного таким образом материала или же его вероятное представление вниманию широкой публики. В деле Фридля Комиссия отметила, что такое вторжение во «внутренний круг» частной жизни заявителя не имело места, что фотоснимки публичной демонстрации относились к публичному событию и что использовались они исключительно в помощь охране общественного порядка в данный день. В этом контексте, Комиссия придала особое значение тому факту, что фотоснимки остались анонимными в смысле отсутствия каких-либо имен в подписях, что зафиксированные личные данные и фотографии не были введены в [компьютерную] систему обработки данных и что не было принято никаких мер к установлению личности сфотографированных с помощью системы обработки данных (см. там же). Аналогично и в деле Люпкера Комиссия особо отметила, что полиция использовала фотографии лишь для установления личностей лиц, обвиненных в уголовных правонарушениях, и что в деле нет никаких указаний ни на то, что доступ к снимкам был открыт

широкой публике, ни на то, что они будут использованы в какой-либо иной цели.

62. В настоящем деле заявитель находился в общественном месте, однако находился там не для участия в каком-либо публичном событии и не являлся «публичной фигурой». Событие произошло поздно вечером, он находился в смятенном и угнетенном состоянии. Хотя он и шел в общественном месте с ножом в руке, позднее ему не было предъявлено никаких обвинений в правонарушении. Сама попытка самоубийства не была ни зафиксирована в видеозаписи, ни, соответственно, представлена СМИ. Однако запись того, что произошло непосредственно вслед за тем была сделана и прямо предъявлена Советом публике в его собственной публикации «Новости ЗТСН». Кроме того, видеозапись была сделана доступной средствами массовой информации в целях дальнейшего распространения в эфире и в печати. Среди этих СМИ были и аудиовизуальные: компания «Anglia Television» ведет местные передачи на аудиторию приблизительно в 350 000 зрителей, а передачи ««Би-Би-Си»» транслируются на всю страну, причем «общепризнанно, что аудиовизуальные средства массовой информации часто оказывают более прямое и сильное воздействие, чем печатные» (дело «Йерсилд против Дании» (Jersild v. Denmark), постановление Суда от 23 сентября 1994 года, Series A no. 298, pp. 23-24, § 31). Газета «Yellow Advertiser» была распространена в месте проживания заявителя аудитории примерно в 24 000 читателей. На фотоснимках и в видеозаписи, направленных таким образом в печать и в эфир, личность заявителя не была замаскирована надлежащим образом, а в некоторых случаях не была замаскирована вовсе. Его узнали некоторые члены его семьи, а также друзья, соседи и коллеги.

В результате момент, о котором идет речь, был представлен на всеобщее обозрение в степени, намного превышавшей факт наблюдения случайным прохожим или оператором за монитором (как и в вышеупомянутом деле «Эрбек и ассоциация «Лига прав человека» против Бельгии»), и в большей степени, чем мог ожидать заявитель, когда он шел по улице Brentвуда 20 августа 1995 года.

63. В соответствии с этим Суд считает, что открытие Советом доступа к фигурирующему в деле видеоматериалу составило серьезное вмешательство в право заявителя на неприкосновенность его частной жизни.

В. Было ли вмешательство предусмотрено законом и преследовало ли оно законную цель

64. Правительство утверждало, что [осуществленное в данном деле] вмешательство было «предусмотрено законом» и подпадало под действие статьи 163 Закона об уголовном судопроизводстве и общественном порядке 1994 года («Закон 1994 года») и статьи 111 Закона о местном самоуправлении 1972 года («Закон 1972 года»), положения которых отвечают требованиям Конвенции о «качестве законодательного регулирования». Оно также утверждало, что вмешательство преследовало законную цель: как было признано в ходе процедуры судебного контроля, намерением Совета при установке и эксплуатации системы наблюдения, как и при открытии доступа к отснятому материалу средствами массовой информации, было раскрытие и профилактика правонарушений и, тем самым, защита общественного порядка и частной собственности.

65. Заявитель же считал, что данное вмешательство не является «предусмотренным законом», поскольку оно не поддавалось предвидению. Он утверждал, что пределы и условия осуществления дискреционных полномочий (права усмотрения) в вопросе об открытии доступа [к информации] в Законах 1972 и 1994 годов не обозначены с достаточной ясностью и, в силу этого, не защищают его от произвольного ущемления его прав. Он также считал, что придание видеоматериала гласности не преследовало законной цели, потому что какая бы то ни было связь между задачей раскрытия и предупреждения преступлений и его поведением является слишком отдаленной.

66. Суд обратил внимание на положения статьи 163 Закона 1994 года и статьи 111(1) закона 1972 года, а также, в особенности, на решение Высокого суда. Суд отметил, что целью статьи 163 Закона 1994 года является предоставление местным органам власти полномочий на обеспечение оборудования ЗТСН для того, чтобы способствовать профилактике правонарушений и благополучию потерпевших. Суд далее отметил, что широкое распространение информации об успешной работе системы наблюдения усилило ее превентивный эффект. Совет имел право на передачу отснятого материала для его

распространения средствами массовой информации на основании статьи 111(1) закона 1972 года при осуществлении своих функций, указанных в статье 163 Закона 1994 года.

67. Соответственно, Суд считает, что открытие доступа к записи все же основывалось на законе и, при соответствующей консультации с юристом, поддавалось предвидению (см. дело «Санди Таймс» против Соединенного Королевства» (*The Sunday Times v. the United Kingdom* (no. 1)), постановление Суда от 26 апреля 1979 года, Series A no. 30, p. 31, § 49).

Он также считает, что открытие доступа к записи преследовало законную цель [охраны] общественного порядка, предотвращения беспорядков и преступлений и защиты прав других лиц.

С. Было ли вмешательство оправданным

1. Аргументы сторон

68. Правительство считало, что вмешательство [в данном деле] было соразмерным. Оно указало на то, что национальные суды уже оценили разумность придания материалов гласности, и что настоящий Суд не должен подменять собственной оценкой оценку, данную национальными институтами.

69. Поясняя причины, по которым оно считает вмешательство соразмерным, Правительство особо выделило обязанность защищать жизнь и собственность граждан. Учитывая сферу усмотрения, признаваемую за государствами при реализации наиболее подходящих мер борьбы с преступностью, следует принять точку зрения Правительства на систему ЗТСН как на мощное орудие этой борьбы. Открытие доступа к видеозаписи способствовало достижению этой цели: политика предоставления системе как можно более видной роли позволяло не прибегать к скрытому наблюдению, добиться доверия к системе и ее поддержки со стороны населения и сдерживать преступность. Эта задача сдерживания была прямо признана Высоким судом в качестве одного из главных мотивов поведения Совета, а преступность после установки системы видеонаблюдения действительно сократилась. Важной частью широкого освещения работы системы стало предоставление отснятого материала СМИ, и видеоматериал, в котором фигурировал заявитель, был вполне

подходящей иллюстрацией типа ситуации, с положительной стороны представляющей систему публичке. Это не было личной трагедией, из которой предание видеозаписи гласности сделало сенсацию, поскольку запись не показала сделанной заявителем попытки к самоубийству, и из нее не явствовало, что он совершил такую попытку или пытался каким-то образом нанести себе телесное повреждение. Это не было очевидным для муниципального оператора системы, который в тот вечер не знал, что заявитель пытался покончить с собой. Вместо этого видеоматериал свидетельствовал о том, как полиция разрядила потенциально опасную ситуацию.

70. Кроме того, Правительство выдвинуло тот аргумент, что сотрудничество со СМИ в деле популяризации ЗТСН было бы подорвано необходимостью заручаться согласием всякого фигурирующего в видеоматериале лица; при этом оно приводило в пример сцены на заполненных толпой улицах и видеозаписи, в которых могут фигурировать люди, пропавшие без вести, чье согласие получить невозможно.

71. Более того, Правительство утверждало, что характер деяния, являющегося предметом разбирательства, и поведение сторон также были значимыми факторами и в этом контексте. По поводу рассматриваемого деяния оно указало на то, что обнародованный видеоматериал не был получен ни скрытно, ни путем [незаконного] вторжения, ни путем отбора, а степень «вторжения в частную жизнь» была ограниченной. Заявитель, по предположению Правительства, сам привлек к себе внимание, направившись на оживленный перекресток в центре Брентвуда, выставив на показ нож, а впоследствии многократно усилил огласку своими добровольными выступлениями в СМИ. Собственно, именно во время этих выступлений его личность и стала впервые известна публичке и впервые же была публично упомянута его попытка совершить самоубийство. Совет, по утверждению Правительства, добросовестно действовал в интересах общества, не имея коммерческого мотива. Поскольку он не располагал техническими средствами для маскировки лиц в видеозаписи ЗТСН, он предоставил видеоматериал СМИ на том условии, что получившие ее телевизионные компании закроют лицо заявителя в кадре. За то, что компании этого не сделали, либо сделали не надлежащим образом, Совет ответственности не несет.

72. Заявитель утверждал, что вмешательство не было соразмерно [цели], учитывая серьезный характер этого вмешательства. Совет был

обязан и способен принять разумные меры к установлению личности заявителя и выяснению положения, в котором тот находился. Он был обязан это сделать, поскольку целью открытия доступа к видеозаписи была широкая пропаганда полезности системы наблюдения, а не выяснение личности какого-либо преступника. Он был способен это сделать, потому что в кадре присутствовал только один человек, чью личность можно было бы установить через полицию, вызванную на место происшествия оператором системы.

73. Более того, он считал, что сделанная Советом попытка добиться маскировки изображения заявителя в кадре была неадекватной. Если Совет сам не располагал нужными техническими средствами, он обязан был добиться надлежащего выполнения маскировки средствами массовой информации. Письменные соглашения были бы здесь шагом в нужном направлении, однако в его случае ни одно такое соглашение не было заключено до открытия доступа к материалу.

74. Далее заявитель утверждал, что в деле не существует достаточно важного противопоставленного общественного интереса. Он не является публичной фигурой и не играет публичной роли. Открытие доступа к материалу преследовало целью не поимку преступника и не обнаружение пропавшего без вести, но решение общей задачи пропаганды эффективности системы ЗТСН, а этой задаче не противоречили бы ни надлежащим образом замаскированные изображения, ни кадры, в меньшей степени вторгающиеся [в его частную жизнь].

75. Заявитель оспаривал утверждение Правительства о том, что Высокий суд уже дал оценку соразмерности вмешательства. Он также отверг мнение Правительства о том, что он сам привлек к себе внимание 20 августа 1995 года. Далее он возражал и против оспаривания мотивов его действий Правительством через указание на его добровольные выступления в СМИ в 1996 году — к тому времени его изображения были уже опубликованы и переданы в эфир без его согласия, и его уже узнали знакомые. После этого он надлежащим образом пытался использовать все доступные средства защиты, причем процедуры были публичными, и его нельзя осуждать за то, что он рассказал о своем трудном положении ответственным средствам массовой информации. Он столкнулся с классической дилеммой человека, в чью частную жизнь неправомерно вторглись — обращение за правовой защитой и отстаивание своей позиции через публичные выступления неизбежно привело к еще большей огласке.

2. Оценка Суда

76. При определении того, было ли открытие доступа к материалу «необходимо в демократическом обществе», Суд рассмотрит вопрос о том, являлись ли, в свете данного дела в целом приведенные в оправдание этого причины «относимыми [к делу] и достаточными», и были ли принятые меры соразмерны преследовавшимся законным целям.

77. В делах, касающихся раскрытия личной информации, Суд ранее признавал, что следует оставлять компетентным национальным властям некие пределы усмотрения в поиске справедливого баланса между данными конфликтующими интересами — общественными и частными. Однако, это усмотрение предполагает контроль со стороны соответствующих европейских органов (см. постановление по делу «Фюнке против Франции» (*Funke v. France*) от 25 февраля 1993 года, Series A no. 256-A, p. 24, § 55), и пределы этой сферы зависят от таких факторов, как характер и серьезность поставленных на карту интересов и серьезность вмешательства (см. постановление по делу «Z против Финляндии» (*Z v. Finland*) от 25 февраля 1997 года, Reports of judgments and Decisions 1997-I, p. 348, § 99).

78. Дело «Z против Финляндии» касалось раскрытия в ходе судебного разбирательства и без согласия заявительницы содержания ее медицинской карты, включая ее ВИЧ-статус. Суд отметил, что защита персональной информации имеет фундаментальное значение для осуществления человеком своего права на неприкосновенность частной жизни, и что, следовательно, национальное законодательство должно предусматривать соответствующие гарантии для предотвращения любого раскрытия [персональной информации], которое может противоречить гарантиям, предоставляемым в соответствии со статьей 8 Конвенции. Постановив таким образом Суд сослался, *mutatis mutandis*, на пункт 2 (с) статьи 3, и статьи 5, 6 и 9 Конвенции о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных (Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data, European Treaty Series no. 108, Strasbourg, 1981). Далее Суд постановил, что вышесказанное «особенно справедливо» в случаях, когда речь идет о защите конфиденциальности данных о статусе человека в отношении ВИЧ инфекции, отметив, что заинтересованность в защите конфиденциальности такой информации имеет большую

относительную важность при решении вопроса о соразмерности вмешательства преследуемой законной цели. Такое вмешательство не может быть совместимым со статьей 8 Конвенции, если оно не оправдывается более приоритетным требованием общественного интереса. Любые предпринимаемые государством меры, вынуждающие раскрывать такую информацию без согласия пациента, и любые [процедурно-правовые] гарантии, направленные на обеспечение действенной защиты, требуют самого тщательного рассмотрения Судом.

79. В отношении настоящего дела Суд хочет с самого начала отметить, что заявитель не был обвинен, а тем более, признан судом виновным в совершении противоправного деяния. В настоящем деле, следовательно, речь не идет о раскрытии видеозаписи акта преступления.

Суд также отметил, с одной стороны, характер и серьезность вмешательства в частную жизнь заявителя (см. пункт 63 выше). С другой стороны, Суд признает сильную заинтересованность государства в выявлении и профилактике правонарушений. Не оспаривается и тот факт, что система видеонаблюдения (ЗТСН) играет в этом смысле важную роль, и что эта роль выполняется более эффективно и успешно при широкой пропаганде системы и ее пользы для общества.

80. Однако Суд отмечает, что в распоряжении Совета имелись и иные варианты возможных действий для достижения тех же целей. Во-первых, он мог бы установить личность заявителя, запросив об этом полицию, и таким образом мог бы заручиться его согласием прежде, чем открывать доступ к материалу. В качестве альтернативы Совет мог бы сам замаскировать лицо заявителя в кадрах. Еще одним вариантом было бы сделать все возможное для обеспечения маскировки этих изображений средствами массовой информации, которым был предоставлен материал. Суд отмечает, что Совет не сделал попытки использовать первый и второй варианты действий и считает, что шаги, предпринятые Советом в отношении третьего варианта, были недостаточными.

81. В отношении первого варианта справедливо то, что частные лица могут и не дать своего согласия, и что такой вариант может быть практически неосуществимым в случаях, когда в кадре присутствует множество людей. В таких обстоятельствах можно было бы

утверждать, что порядок открытия доступа к материалу на условиях согласия на практике мог бы препятствовать осуществлению любого действия, направленного на пропаганду эффективности системы наблюдения. Однако в настоящем случае такие ограничения не имели существенного значения. Данный видеоматериал несомненно показывал в кадре и затрагивал лишь одного человека. Не оспаривается, что Совет, чей оператор-наблюдатель сообщил о происходящем полиции и наблюдал за ее вмешательством, мог бы запросить в полиции сведения о личности заявителя и, следовательно, испросить у последнего согласие на открытие доступа к материалу. Более того, из содержания собственной публикации Совета «Новости ЗТСН» от 9 октября 1995 года ясно, что некоторые справки в полиции все же были наведены — для выяснения того, что человек в кадре был допрошен и ему была оказана помощь, однако не для установления его личности.

82. В качестве альтернативы, Совет мог бы сам закрыть изображения в кадрах. Хотя Правительство подтвердило, что Совет не имел нужных для этого технических средств, Суд отмечает, что собственный директивный документ Совета указывает на намерение такие средства иметь. Более того, Суд отмечает, что именно Совет опубликовал в собственной публикации «Новости ЗТСН» кадры из данной видеозаписи, и при этом попытки замаскировать изображения сделано не было.

83. По поводу третьего варианта — добиться надлежащей и достаточной маскировки изображений со стороны СМИ, которым была предоставлена запись, Суд отмечает, что, как выяснил Высокий суд, компанию «Anglia Television» и продюсеров программы «Би-Би-Си» устно попросили замаскировать лицо заявителя. Вопреки мнению Высокого суда, Суд считает, что со стороны Совета было бы разумным потребовать от СМИ письменного обязательства замаскировать изображения, и что такое требование подчеркнуло бы необходимость соблюдения конфиденциальности. Да и сам Высокий суд предположил, что из данного «достойного сожаления инцидента» можно извлечь уроки, и что в ретроспективе происшедшего Совет, возможно, пожелает ужесточить свои правила во избежание подобных инцидентов в будущем. Сам Совет несомненно имел намерение заключить письменное лицензионное соглашение с продюсерами программы «Crime Beat» («Полицейский дозор»), но, по-видимому, намерение не было осуществлено, поскольку окончательное и подписанное соглашение не было ни предъявлено заявителю, ни

представлено Правительством настоящему Суду. Инструкции полиции графства Эссекс рекомендуют письменные соглашения с включением пунктов о маскировке [фото/видеоизображений]. Более того, нет доказательств тому, что газету «Yellow Advertiser» вообще просили замаскировать лицо заявителя на фотографии.

84. Более того, данный видеоматериал был предоставлен СМИ в целях пропаганды эффективности системы ЗТСН в профилактике и выявлении преступлений, и, следовательно, существовала вероятность использования видеозаписи именно в таком контексте. Так и произошло, особенно в программе «Би-Би-Си» «Crime Beat» (букв.- «Дозор [по борьбе с] преступностью»). В таких обстоятельствах и даже, несмотря на то, что заявитель прямо не жаловался на нанесение ущерба своей репутации, Суд считает, что от Совета требовалось особо осмотрительное поведение, что разумно должно бы было включать и проверку факта предъявления заявителю каких-либо обвинений. Трудно принять объяснение Правительства, утверждающее, что его личность не была известна Совету. Как уже отмечалось выше, собственная публикация Совета «Новости ЗТСН» от 9 октября 1995 года подразумевает, что Совет предварительно установил, что данное лицо допросили и оказали ему помощь в связи с его проблемами, а, следовательно, Совет мог проверить и то, были ли ему предъявлены обвинения. Известно, что газета «Yellow Advertiser» действительно установила к 13 октября 1995 года, что полиция заявителю никакого обвинения не предъявила.

85. В итоге Суд не считает, что, учитывая все обстоятельства, в данном деле имелись применимые к нему и достаточные причины, которые оправдывали бы прямое представление Советом вниманию публики кадров из видеозаписи в собственной публикации «Новости ЗТСН» без получения согласия заявителя на это и без маскировки его изображения на фотоснимках, либо причины, которые оправдывали бы передачу информации средствами массовой информации без принятия Советом мер, которые обеспечили бы, насколько возможно, выполнение такой маскировки самими СМИ. В настоящем деле преследуемая цель профилактики правонарушений и контекст, в котором был открыт доступ к материалу, требовали особого внимания и осмотрительности в этом отношении.

86. Наконец, Суд не считает, что последующие добровольные выступления заявителя в средствах массовой информации снижают степень серьезности вмешательства или важность сопутствующего ей

требования осмотрительности при открытии доступа. Заявитель стал жертвой серьезного вмешательства в его право на неприкосновенность частной жизни через освещение [ее] в национальных и местных средствах массовой информации: таким образом, нельзя упрекать его в том, что он впоследствии сам воспользовался СМИ для того, чтобы сделать известным это нарушение его прав и обжаловать его.

87. Соответственно, Суд считает, что придание гласности Советом отснятого в ЗТСН видеоматериала в публикации «Новости ЗТСН» и передача его газете «Yellow Advertiser», телекомпаниям «Anglia Television» и «Би-Би-Си» не сопровождалась достаточными защитными мерами, направленными на предотвращение раскрытия информации, противоречащей гарантиям, обеспечивающим уважение частной жизни заявителя, содержащимися в статье 8. Как таковое, открытие доступа к материалу представляло собой несоразмерное [цели] и, следовательно, неоправданное вмешательство в его личную жизнь и нарушение статьи 8 Конвенции.

D. Прочие жалобы по статье 8 Конвенции

88. Заявитель также по всей видимости утверждал, что и «Би-Би-Си», действующая на основании Королевской хартии (государственного патента), является органом государства, равно как и компания «Anglia Television», действующая под руководством Комиссии по независимому телевидению, учрежденной на основании Закона о радио- и телевидении 1990 года. Даже допуская, что эти средства массовой информации могут рассчитывать на защиту своих прав по статье 10 Конвенции, транслировавшиеся ими программы, по его утверждению, также представляли собой неоправданное вмешательство в его частную жизнь. Правительство же не считало, что заявитель действительно сделал такое утверждение и, в любом случае, отрицало, что «Би-Би-Си» или «Anglia Television» могут рассматриваться как государственные органы или органы государственной власти по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. При этом Правительство опиралось, помимо прочего, на применимые положения национального права и выводы, следующие из включения в статью 10 Конвенции фразы, касающейся лицензирования радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

Заявитель также настаивал на том, что, учитывая существенное воздействие на членов его семьи, открытие доступа к видеозаписи

составило серьезное вмешательство в осуществление его права на уважение его семейной жизни.

89. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли «Би-Би-Си» «эманацией (продолжением) государства» был оставлен открытым Комиссией при рассмотрении дела «Хаггетт против Соединенного Королевства» (Huggett v. the United Kingdom) (no. 24744/94, решение Комиссии от 28 июня 1995 года, DR 82-A, p. 98). Однако в свете уже констатированного Судом факта нарушения в отношении предоставления Советом доступа к материалу (см. пункт 87 выше), он не считает отдельное рассмотрение данных жалоб необходимым.

90. Заявитель далее утверждал, что государство не выполнило своего положительного обязательства защитить его права по статье 8, поскольку на национальном уровне он не имел эффективного средства правовой защиты от разглашения материалов. Правительство же утверждало, что нарушения какого-либо положительного обязательства не было и, в частности, что заявитель мог воспользоваться имеющимися средствами защиты. Суд считает, что вопрос о наличии в национальном праве меры защиты от рассматриваемого разглашения информации надлежит оценивать в свете статьи 13 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции, при рассмотрении ее в сочетании со статьей 8 Конвенции

91. В соответствии со статьей 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 8, заявитель жаловался на отсутствие в его распоряжении эффективного средства правовой защиты на национальном уровне в отношении соответствующего разглашения Советом указанных материалов.

92. Применимая часть статьи 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе ...».

A. Аргументы сторон

93. Правительство пояснило, что потребность в особом законе о неприкосновенности частной жизни являлась предметом многих

дебатов в течение многих лет, темой многих законопроектов отдельных членов парламента и ряда официальных докладов. Вопрос об этом обсуждается и сейчас. Однако отсутствие общего права на неприкосновенность частной жизни в национальном законодательстве само по себе не является показателем отсутствия уважения частной жизни заявителя. Вопрос, скорее, состоит в том, достаточно ли существующий режим правовой защиты защищает права заявителя, и Правительство считает, что ответ на него утвердительный. Оно обращает внимание Суда на то, что и общее право, и средства защиты, зафиксированные в статутном праве, вместе обеспечивают всесторонний режим правовой защиты неприкосновенности частной жизни и, следовательно, выполняют в сущности ту же функцию, что и [специальный] закон о неприкосновенности частной жизни.

94. В частности, Правительство указало на то, что заявитель смог предъявить претензии и доказать их справедливость в КСРТ, КНТВ и КЖП. Правительство признало, что в обязанности комиссий по делам СМИ не входит обеспечение «правовой защиты, в смысле возможности предоставления денежной компенсации потерпевшему лицу, которому мог быть нанесен ущерб нарушением соответствующих сводов законов». Однако, по мнению Правительства, статья 13 и не требует в каждом случае участия «суда» или возможности денежной компенсации. Кроме того, Правительство утверждало, что такое средство, как судебный контроль, в принципе также способно предоставить достаточную правовую защиту, и отказ в удовлетворении жалобы заявителя не означает, что это средство правовой защиты неэффективно.

95. Правительство также настаивало на том, что заявитель мог бы воспользоваться и рядом других средств правовой защиты. Наиболее применимой к обстоятельствам оно считает правовую защиту от нарушения оказанного доверия, полагая, что заявитель имел бы право возбудить иск на этом основании, если бы был снят на видеопленку «в обстоятельствах, дающих ему основания рассчитывать на уединение или сохранение тайны». Правительство подчеркнуло, что эта область права находится в сильной зависимости от соображений политической практики и, следовательно, разрабатывалась и будет в дальнейшем разрабатываться в судебной практике. Практика органов Конвенции оказывает значительное влияние на развитие этой области, и это влияние еще усилится с вступлением в силу Закона о правах человека 1998 года. Правительство также утверждало, что заявитель имел возможность возбудить иск о диффамации или злонамеренной

клевете, если бы в СМИ сообщались какие-либо неверные сведения, создававшие впечатление о его причастности к преступному акту насилия в отношении иного лица.

96. Заявитель утверждал, что на национальном уровне в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты. Он пытался воспользоваться наиболее применимыми средствами защиты (комиссии по делам СМИ и судебный контроль), однако они оказались неэффективными: критерии «нерациональности» при проведении судебного контроля не могут быть приравнены к оценке соразмерности в контексте статьи 8, а комиссии по делам СМИ не имеют полномочий присуждать компенсацию причиненных убытков.

97. Кроме того, он утверждал, что иск на основании нарушения оказанного доверия не имел бы реальных шансов на успех. Он заметил, что Правительство не привело в пример ни одного дела, в котором частному лицу в относительно схожей ситуации удалось бы получить хотя бы частичное удовлетворение с помощью этого средства судебной защиты. Он считал, что утверждение Правительства о том, что расчет на уединение или сохранение тайны был бы достаточным основанием для удовлетворения подобного иска, является неточным применительно к национальному праву, и находит заслуживающим внимания тот факт, что Правительство не пыталось утверждать, что, не возбудив такого иска, он (заявитель) не исчерпал возможностей правовой защиты на национальном уровне. Более того, он считал, что прочие средства правовой защиты, на которые ссылается Правительство, неприменимы к его делу. Отдельные законы вступили в силу уже после того промежутка времени, о котором идет речь, другие законы (касающиеся, к примеру, тайного наблюдения) не могли иметь сколь-либо значимого влияния в данном деле. Средства же судебной защиты по общему праву, которые упоминает Правительство (иски по диффамации, злонамеренной клевете, назойливому беспокойству и нарушению оказанного доверия), просто неприменимы к конкретным обстоятельствам дела заявителя.

В. Оценка Суда

98. Суд отмечает, что заявитель обжаловал на основании статьи 8 Конвенции, взятой как отдельно, так и в совокупности со статьей 13, в том числе и отсутствие в его распоряжении средств правовой защиты на национальном уровне. Правительство не утверждало, что заявитель не исчерпал все внутренние средства правовой защиты по смыслу

пункта 1 статьи 35 Конвенции. В своем решении о приемлемости данного дела Суд посчитал, что существует тесная связь между любым вопросом, поднятым на основании пункта 1 статьи 35, и существом требований заявителя в отношении отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты, и объединил рассмотрение вопроса об исчерпании внутренних средств с рассмотрением жалобы по существу.

1. Применимые правовые принципы

99. Суд подчеркивает в очередной раз, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты, способного обеспечить соблюдение по существу защищаемых Конвенцией прав и свобод в любой форме, в которой они гарантируются в национальной правовой системе. Таким образом, смыслом данной статьи является требование наличия такого внутреннего средства правовой защиты, которое позволяло бы «компетентному национальному государственному органу» как разобрать соответствующую жалобу о нарушении Конвенции по существу, так и назначить соответствующую компенсацию (см. постановления «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (*Smith and Grady v. the United Kingdom*), nos. 33985/96 and 33986/96, § 135, ECHR 1999-VI, и «Мэррей против Соединенного Королевства» (*Murray v. the United Kingdom*), постановление Суда от 28 октября 1994 года, Series A no. 300-A, pp. 37-38, § 100). Данная статья, однако, не требует ни гарантии благоприятного исхода (см. вышеупомянутое дело «Аман против Швейцарии» § 88, с последующими ссылками), ни инкорпорации Конвенции или определенной формы правовой защиты, поскольку государствам-участникам оставлена некая сфера усмотрения в соблюдении своих обязательств по данной статье (см. постановление по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), постановление Суда от 30 октября 1991 года, Series A no. 215, p. 39, § 122).

100. Суд далее отмечает, что в вышеупомянутом деле «Смит и Грейди» он охарактеризовал оценку на «нерациональность», употребляющийся в процедуре судебного контроля, следующим образом: суд не имеет права вмешиваться в осуществление полномочий административных органов действовать по своему усмотрению, за исключением случаев, когда суд убежден в том, что решение нерационально в том смысле, что оно не входит в число

возможных ответов, доступных любому разумному лицу, принимающему решение. При оценке того, вышло ли принимающее решения лицо за пределы этой сферы усмотрения, важен сам правозащитный контекст. То есть, чем серьезнее нарушение прав человека, тем более требователен должен быть суд в отношении обоснования разумности оцениваемого им решения.

По тому же делу Суд, однако, далее подчеркнул, что, несмотря на относящийся к правам человека контекст, «порог нерациональности», который требуется [в таких случаях] преодолеть [любому] заявителю, весьма высок, что подтверждается постановлениями национальных судов по данному делу. В то время как эти суды благосклонно высказывались в отношении аргументов данных заявителей, оспаривавших обоснование определенной политики (против лиц гомосексуальной ориентации в вооруженных силах), они же пришли к выводу, что эту политику нельзя охарактеризовать как выходящую за рамки того ряда возможных ответов, которые доступны любому разумному лицу, принимающему решения, и, соответственно, ее нельзя считать «нерациональной». В таких обстоятельствах, Суд счел, что, даже принимая во внимание тот факт, что жалобы г-жи Смит и г-на Грейди в Суд уже рассматривались национальным судом, порог, за пределами которого эти суды могли бы счесть явившуюся предметом обжалования политику нерациональной, был установлен столь высоко, что фактически исключал всякое рассмотрение национальными судами вопросов о том, отвечает ли вмешательство в осуществление заявителями своих прав насущной общественной потребности и является ли оно соразмерным преследуемым целям [защиты] национальной безопасности и общественного порядка — принципиальных вопросов, лежащих в основе анализа Судом жалоб по статье 8 Конвенции. Вследствие этого Суд пришел к выводу, что в распоряжении г-жи Смит и г-на Грейди не было эффективного средства правовой защиты от нарушения их права на уважение их частной жизни, что является нарушением статьи 13 Конвенции.

2. Применение этих принципов к настоящему делу

101. Суд, прежде всего, отмечает, что настоящее дело отличается от прецедентов «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (James and Others v. the United Kingdom) (постановление Суда от 21 февраля 1986 года, Series A no. 98, pp. 47-48, §§ 85-86), «Леандер против Швеции» (постановление Суда от 26 марта 1987 года, Series A no. 116, pp. 29-30, § 77) и «Санди Таймс против Соединенного

Королевства» (№ 2) (*The Sunday Times v. the United Kingdom*) (no. 2) (постановление Суда от 26 ноября 1991 года, Series A no. 217, p. 32, § 61), которые устанавливают, что статья 13 не может рассматриваться как гарантирующая правовую защиту от первичного законодательства или эквивалентных национальных правовых норм. Применимое к настоящему делу законодательство не требовало открытия доступа к материалу ЗТСН, а предметом жалобы является осуществление Советом своих полномочий на раскрытие информации.

(а) Режим правовой защиты неприкосновенности частной жизни

102. Как и в деле «Уайнер против Соединенного Королевства» (*Winer v. the United Kingdom*) (no. 10871/84, решение Комиссии от 10 июля 1986 года, DR 48, p. 154), Правительство утверждало, что Суду следует проанализировать защиту неприкосновенности частной жизни, оценивая «режим правовой защиты неприкосновенности частной жизни» в целом, поскольку этот режим фактически выполняет роль закона о неприкосновенности частной жизни.

Однако задача Суда заключается не в абстрактной оценке соответствующего законодательства или практики, но, не теряя из виду и общего контекста, ограничивается рассмотрением вопросов, поднятых настоящим делом (см. вышеупомянутое дело «Аманн против Швейцарии», пункт 88) и, в частности, рассмотрением только тех средств правовой защиты, которые могут быть применимы в деле заявителя (см. дела «N. Против Швеции» (*N. v. Sweden*), no. 11366/85, решение Комиссии от 16 октября 1986 года, DR 50, p. 173; «Уайнер» (*Winer*), упомянутое выше; и «Стьюарт-Брейди против Соединенного Королевства» (*Stewart-Brady v. the United Kingdom*), №№. 27436/95 и 28406/95, решение Комиссии от 2 июля 1997 года, DR 90-A, p. 45). Суд, таким образом, считает не относимым к данному делу рассмотрение средств правовой защиты, которые не имели юридической силы в соответствующее время или не относимы к фактическим обстоятельствам дела заявителя.

103. Суд в этой связи отмечает, что заявитель не жаловался ни на злонамеренные действия со стороны Совета, ни на информацию, несоответствующую действительности, ни (во всяком случае, напрямую) на намеренное нанесение ущерба его репутации. В деле не оспаривается то, что вопросы нарушения владения, назойливому беспокойству, причинения беспокойства, нарушения авторского права, нарушение контракта и секретного наблюдения со стороны служб

безопасности не имеют отношения к жалобам заявителя. Также и Правительство не предлагало считать, что Закон о защите данных 1998 года, Закон о преступлениях на сексуальной почве (поправка) 1976 года и Закон о детях и молодежи 1933 года каким-либо образом относимы к фактам настоящего дела. Закон о правах человека 1998 года вступил в силу лишь в октябре 2000 года, то есть уже после рассматриваемых фактических событий в деле заявителя.

104. Суд, таким образом, ограничился оценкой средств правовой защиты, которые могут рассматриваться как в той или иной степени, относимые к жалобам заявителя.

(b) Судебный контроль

105. Суд счел, что право заявителя на неприкосновенность его частной жизни (см. пункт 87 выше) было нарушено предоставлением Советом доступа к соответствующему видеоматериалу. Он отмечает, что в рассматриваемое время Конвенция не являлась частью национального законодательства, и вопросы о том, нарушало ли данное раскрытие информации права заявителя, предусмотренные статьей 8, и, в частности, продемонстрировали ли органы власти, что это разглашение отвечало насущной общественной потребности и было соразмерно какой-либо преследуемой законной цели, не являлись вопросами, на которые можно было бы получить ответ [в суде].

Как и в вышеупомянутом деле «Смит и Грейди», единственным значимым вопросом, стоявшим перед национальными судами, был вопрос о том, можно ли назвать рассматриваемую политику «нерациональной»? Как и в деле «Смит и Грейди», рассмотревший настоящее дело Высокий суд отметил, что вторжение в частную жизнь заявителя имело место, однако, до тех пор пока общее право на неприкосновенность частной жизни не включено в английское законодательство, приходится полагаться на указания, даваемые сводами [рекомендуемой профессиональной] практики или иными источниками, либо иными способами избегать подобного нежелательного вторжения в частную жизнь. Высокий суд далее рассмотрел ряд факторов, включая важную роль камер видеонаблюдения в общественных местах, зафиксированные этими камерами видеоизображения, попытку (хотя и безуспешную) Совета добиться, чтобы личность заявителя была замаскирована в кадрах, и тот факт, что видеозапись не была продана с целью извлечения коммерческой выгоды. Высокий суд заключил, что, хотя из данного

достойного сожаления инцидента могут быть извлечены уроки, включая необходимость ужесточить правила Совета во избежание подобного инцидента в будущем, он (суд) убедился в том, что действия Совета нельзя назвать «нерациональными в том смысле, что его работники лишились рассудка или действовали так, как не стала бы действовать в здравом уме никакая благоразумная местная власть».

106. При таких обстоятельствах Суд считает, что порог, за которым Высокий суд мог бы счесть оспариваемое раскрытие информации нерациональным, установлен столь высоко, что фактически исключает всякое рассмотрение им вопросов о том, отвечает ли вмешательство в осуществление заявителем своих прав насущной общественной потребности и является ли оно соразмерным преследуемым целям [защиты] национальной безопасности и общественного порядка — принципиальных вопросов, как отмечено выше, лежащих в основе анализа Судом жалоб по статье 8 Конвенции

По поводу ссылки Правительства на упомянутый выше прецедент «Alconbury Developments Ltd», Суд отмечает, что это дело датируется моментом после вступления в силу Закона о правах человека 1998 года. Более того, комментарий [лорда-судьи] по поводу места принципа соразмерности в национальном праве является, по признанию Правительства, *obiter dictum* («неофициальным мнением»). Во всяком случае, Правительство не считает этот комментарий показательным в отношении полного применения национальными судами принципа соразмерности при рассмотрении в порядке судебного контроля дел, подобных настоящему.

107. Суд, таким образом, считает, что судебный контроль не обеспечил заявителя эффективным средством правовой защиты от нарушения его права на уважение его частной жизни.

(с) Комиссии по делам СМИ

108. Суд отмечает, что Правительство утверждало, что разбирательство в этих комиссиях предоставило заявителю возможность заявить о своем нарушенном праве и восстановить его. Однако оно признало, что в обязанности комиссий не входит «обеспечение правовой защиты в смысле возможности предоставления денежной компенсации лицу, которое могло пострадать в результате нарушения соответствующих сводов норм».

109. Суд считает, что отсутствие у комиссий правовых полномочий назначить заявителю [денежную] компенсацию означает, что эти органы были неспособны предоставить ему эффективную правовую защиту. Он отмечает, что право КНТВ налагать штраф на соответствующую телекомпанию не равноценно назначению заявителю [денежной] компенсации. Несмотря на то, что заявитель знал об открытии Советом доступа к материалу еще до февральской (1996 года) публикации в газете «Yellow Advertiser» и выхода в эфир передачи «Би-Би-Си», ни КСРТ, ни КЖП не имели полномочий на предотвращение таких публикаций и трансляций.

(d) Иск о нарушении оказанного доверия

110. Суд считает заслуживающим особого внимания тот факт, что Правительство не утверждало, что заявитель не исчерпал возможности использовать данное средство правовой защиты, учитывая решение Комиссии о неприемлемости именно на этом основании заявления по вышеупомянутому делу графа и графини Спенсер.

111. Суд считает, что факты настоящего дела, во всяком случае, настолько отличаются от фактов дела «Граф и графиня Спенсер» (Earl and Countess Spencer), что позволяют Суду заключить, что настоящий заявитель не имел возможности воспользоваться иском о нарушении оказанного доверия как средством правовой защиты в соответствующий промежуток времени, даже принимая во внимание данное Правительством описание этого средства защиты.

Во-первых, в деле графа и графини Спенсер в пользу заявителей говорили веские факты: их бывшие друзья тайно предали огласке информацию неоспоримо личного характера, ранее конфиденциально сообщенную им заявителями. Настоящему заявителю было бы намного труднее доказать, что преданный огласке видеоматериал обладал «необходимым качеством конфиденциальности» или то, что информация была «передана в обстоятельствах, подразумевающих обязательство конфиденциальности». При рассмотрении дела Судом в контексте статьи 8 Правительство утверждало, что право заявителя на уважение его частной жизни даже не было затронуто. Оно не привело в пример ни одного прецедента из внутренней судебной практики, который мог бы считаться подобным или аналогичным настоящему делу и который указывал бы на то, что эти два требования, необходимые для иска о нарушении оказанного доверия, были соблюдены. [Фактические события] в вышеупомянутом деле «Дуглас

против «Hello! Ltd» произошли позднее, чем факты настоящего дела и, что не менее важно, после вступления в силу Закона о правах человека 1998 года. В любом случае, лишь один из трех судей, рассматривавших первое дело, указал, что он готов признать существование в то время в национальном праве квалифицированного права на неприкосновенность частной жизни. Более того, Суд не убедил аргумент Правительства о том, что заключение настоящего Суда о наличии у заявителя «расчета на уединение или сохранение тайны» означало бы присутствие элементов, необходимых для иска о нарушении оказанного доверия. Суд считает маловероятным, что национальные суды признали бы в соответствующий промежуток времени, что видеоматериал обладал «необходимым качеством конфиденциальности», или что информация была «передана в обстоятельствах, подразумевающих обязательство конфиденциальности».

Во-вторых, после того как данный материал стал всеобщим достоянием, его повторная публикация уже не могла стать основанием для иска о нарушении оказанного доверия. Подача такого иска стала бы возможной лишь после того, как заявителю стало известно о предоставлении Советом доступа к материалу, а именно лишь с октября или ноября 1995 года. Соответственно, иск о нарушении оказанного доверия был бы невозможен в отношении статей в газетах «Brentwood Weekly News» и «Yellow Advertiser» или в отношении передачи «Би-Би-Си».

112. В отсутствии этих условий отпадает необходимость рассмотрения вопроса о том, можно ли было подачей иска о нарушении оказанного доверия добиться [денежной] компенсации вреда. Суд ограничится замечанием о том, что, несмотря на то, что данный вопрос фигурировал вторым и в споре сторон в вышеупомянутом деле «Граф и графиня Спенсер», Правительство в настоящем деле не сделало попытки пояснить, каким образом можно было бы добиться компенсации убытков при отсутствии предшествующего судебного запрета на публикацию. Заявитель мог бы просить суд о таком запрете лишь после того, как ему в конце октября или начале ноября 1995 года стало известно о разглашении материала, следовательно, лишь в отношении «Yellow Advertiser» и «Би-Би-Си». Хотя назначение компенсации в счет прибыли (award of an account of profits) не зависит от принятия предшествующего судебного запрета, Правительство не привело в пример ни одного дела, где она была бы назначена в отношении радио- или телепередачи. Хотя компенсация в счет

прибыли в отношении национальной прессы и была возможна для графа и графини Спенсер, газета «Yellow Advertiser» имела не национальный, а лишь местный тираж.

3. Заключение Суда

113. В таких обстоятельствах, Суд считает, что заявитель не имел в своем распоряжении эффективного средства правовой защиты от нарушения своего права на уважение его частной жизни, гарантируемого статьей 8 Конвенции. Суд не считает уместным аргумент Правительства о том, что любое признание необходимости иметь [такое] средство правовой защиты будет ущемлением конфликтующих с ним прав прессы, гарантируемых статьей 10 Конвенции. Как отмечалось выше, Совет, а, следовательно, и средства массовой информации, могли бы достичь своих целей, надлежащим образом замаскировав личность заявителя, либо добившись такой маскировки.

114. Соответственно, нарушение статьи 13 Конвенции, при ее рассмотрении в совокупности со статьей 8, имело место.

III. Применение статьи 41 Конвенции

115. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

116. Заявитель потребовал компенсации за нанесенный ему моральный вред и компенсации его денежных убытков, а также издержек и расходов на юридическую помощь. Правительство оспаривало эти требования.

A. Компенсация за моральный вред

117. Заявитель потребовал компенсации в размере 7 500 фунтов стерлингов за моральный вред. Он подчеркнул, что в результате оспариваемого разглашения материалов претерпел моральные

страдания, беспокойство, смущение и фрустрацию: он стал объектом насмешек, шуток и оскорблений со стороны соседей, при этом предполагалась его причастность к проблеме преступности, и ему пришлось объяснять свои личные проблемы членам своей семьи после соответствующих передач и статей в СМИ. Он особо выделил то, что видеозапись относилась к морально тяжелому периоду в его жизни, что материал был распространен без его ведома и согласия, что последующие публикации и передачи были на местном и национальном уровне, и что в его распоряжении не было средств правовой защиты в рамках национального права.

Правительство утверждало, что признание факта нарушения уже составило бы достаточную справедливую компенсацию или, в качестве варианта, что справедливой компенсацией была бы сумма приблизительно в 4 000 фунтов стерлингов.

118. Суд отмечает, что некоторые формы морального вреда, включая эмоциональные страдания, в силу самой своей природы не всегда могут быть подтверждены конкретными доказательствами. Однако это не препятствует Суду назначить компенсацию, если он сочтет разумным предположение, что заявителю был нанесен вред, требующий финансовой компенсации (см. постановление по делу «Дейвис против Соединенного Королевства» (Davies v. the United Kingdom), no. 42007/98, § 38, 16 июля 2002 года).

119. Суд уже отметил выше причины, по которым он считает данное вмешательство в частную жизнь заявителя серьезным, а также персональные последствия для заявителя широкого распространения видеозаписи, равно как и отсутствие какого-либо эффективного средства правовой защиты в этом отношении (по поводу последнего пункта, см. постановление по делу «D.P. и J.C против Соединенного Королевства» (D.P. and J.C. v. the United Kingdom), no. 38719/97, § 142, 10 октября 2002 года). Он считает, что заявитель должен был вследствие этого перенести значительные эмоциональные страдания, смущение и фрустрацию, которые в достаточной мере не компенсируются признанием факта нарушения.

120. Суд вследствие этого назначает заявителю компенсацию на справедливой основе в размере 11 800 евро за причиненный ему моральный вред.

В. Денежный ущерб

121. Заявитель также потребовал компенсации его денежных убытков, явившихся прямым следствием событий, составивших нарушение в его деле. В частности, он требовал компенсации суммы в 2 500 фунтов стерлингов, израсходованной в процедурах разбирательства в КСРТ, КНТВ, КЖП, Высоком суде и в настоящем Суде. Эта сумма включила в себя транспортные расходы (необходимые для встреч с его представителями и присутствия на слушаниях), потерю заработной платы (вследствие характера своей работы, по утверждению заявителя, он потерял заработную плату за периоды, когда ему пришлось посещать встречи и слушания), а также расходы на почтовые отправления и телефонные переговоры. Правительство указало на то, что заявитель требует возмещения этих сумм, не представив никаких подтверждающих расходы доказательств. Оно добавило, что, в части, касающейся разбирательства в национальных инстанциях, что производство этих расходов не было необходимым и обоснованным в ходе разбирательства в соответствии с Конвенцией и, следовательно, они не подлежат компенсации.

122. Суд отмечает, что данные требования заявителя не были им достаточно детально обоснованы, поскольку он заявил лишь общую сумму всех таких расходов, и что особенно важно, он не представил никаких документальных подтверждений понесенных таким образом денежных убытков. Ввиду этого, суд не назначает заявителю компенсации материального ущерба.

С. Издержки и расходы на юридическую помощь

123. Заявитель далее требовал возмещения своих расходов на юридическую помощь при разбирательстве как в национальных инстанциях, так и в органах Конвенции.

124. По поводу разбирательства в национальных инстанциях, заявитель требовал возмещения суммы в 5 047,40 фунтов стерлингов (включая налог на добавленную стоимость (НДС)), израсходованной в процедурах разбирательства в КСРТ, КНТВ и КЖП. Эта цифра основана на почасовых ставках гонорара в 140 фунтов стерлингов для старшего поверенного (солиситора) и в 100 фунтов стерлингов для юридического сотрудника. Помимо расходов на почту и телефон, 3 часа 45 минут были показаны [как время затраченное] при разбирательстве в КЖП и 1 час 55 минут — при разбирательстве в

КНТВ, при этом заявитель не указал, представляют ли эти цифры рабочее время поверенного или юридического сотрудника. Кроме того, по утверждению заявителя, 13 рабочих часов 25 минут поверенного и 5 рабочих часов юридического сотрудника были затрачены при разбирательстве в КСРТ. По-видимому, в процедуре судебного контроля у заявителя была возможность воспользоваться бесплатной юридической помощью, но никаких ходатайств об этом заявлено не было.

Правительство отвергло эту претензию, утверждая, что производство данных расходов не было необходимым и обоснованным в ходе разбирательства в соответствии с Конвенцией.

125. Заявитель также потребовал [возмещения суммы] в 11 563,54 фунтов стерлингов — издержек, понесенных по настоящее время в связи с этапами разбирательства в соответствии с Конвенцией вплоть до подготовки заявлений сторон по статье 41 Конвенции включительно. Сумма сложилась из оплаты услуг поверенного и юридического сотрудника (по указанным выше почасовым ставкам), а также королевского адвоката. Был представлен подробный счет издержек, где были отмечены время, затраченное на каждом этапе, и выплаты, включая выплаты гонорара королевскому адвокату. Представлен был также и счет за услуги адвоката (на сумму в 1 727,25 фунтов стерлингов). Правительство же заявило, что требуемую сумму издержек следует уменьшить, если Суд удовлетворит требования заявителя лишь в части, а также вычесть из нее выплаченную заявителю сумму пособия на юридическую помощь.

126. Наконец, заявитель потребовал еще приблизительно 19 000 фунтов стерлингов (с включением НДС) в счет возмещения «ожидаемых расходов» на разбирательство по Конвенции в период после принятия решения о приемлемости, но до вынесения настоящего постановления Суда. Правительство прокомментировало, что данная часть требований является слишком умозрительной, а любые будущие издержки следует обсуждать после того, как и при условии, что они будут понесены.

127. Суд в очередной раз подчеркивает, что возмещению, согласно статье 41 Конвенции, подлежат лишь те издержки и расходы на юридическую помощь, которые признаются понесенными действительно, в силу необходимости и в обоснованной размере (см. постановление по делу «Ластиг-Прин и Бекетт против Соединенного

Королевства» (Lustig-Prean and Beckett v. the United Kingdom) (справедливое удовлетворение), nos. 31417/96 and 32377/96, § 32, 25 июля 2000 года). Суд далее отмечает, что расходы по разбирательству в национальных инстанциях могут быть возмещены, если они были понесены заявителями в попытке предотвратить признанное Судом нарушение, либо для получения возмещения за нанесенный им вред (см., помимо прочих источников, постановление по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии» (Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium) (статья 50), постановление Суда от 18 октября 1982 года, Series A no. 54, p. 8, § 17). Возмещение судебных расходов в связи с разбирательством в национальных инстанциях было действительно назначено Судом в пунктах 30-33 постановления по вышеупомянутому делу «Ластиг-Прин и Бекетт против Соединенного Королевства» (справедливая компенсация).

128. Соответственно, Суд считает, что со стороны заявителя было разумным, принимая во внимание отсутствие иных средств правовой защиты, добиваться некоего публичного признания нарушения неприкосновенности его частной жизни и признания своей правоты в комиссиях по делам СМИ. Действительно, само Правительство в контексте статьи 13 утверждало, что данные комиссии составляют часть правового режима защиты неприкосновенности частной жизни в Соединенном Королевстве и позволяли заявителю «заявить о своем нарушенном праве и добиваться его восстановления». Фактически обращение заявителя в КСРТ и КНТВ было успешным, так как оба эти органа признали факт нарушения неприкосновенности его частной жизни, а их решения были позднее опубликованы. Хотя его обращение в КЖП и не принесло успеха, из этого не следует, что понесенные в связи с ним расходы были понесены без необходимости на это (см., например, «Финдли против Соединенного Королевства» (Findlay v. the United Kingdom), постановление Суда от 25 февраля 1997 года, Reports 1997-I, p. 284, § 91). Тем не менее, Суд не считает, что все названные суммы гонораров являются обоснованными в своих размерах, учитывая характер разбирательства в данных инстанциях и, в частности, считает завышенными количество часов, заявленное в связи с жалобой в КСРТ, и степень вовлечения в процедуру как юридического сотрудника, так и старшего поверенного.

129. Соответственно, Суд на основе справедливости назначает компенсацию в размере 3 тыс. евро в возмещение издержек на разбирательство в национальных инстанциях.

130. Что касается производства в соответствии с Конвенцией, Суд принял во внимание подробный счет расходов заявителя на оплату услуг представителей и то, что обе его жалобы (по статье 8 как таковой и в совокупности со статьей 13) выявили нарушения Конвенции. Что касается возражений Правительства против его требования возместить ожидаемые издержки, Суд не станет назначать возмещения издержек на подготовку объяснений после принятия решения о приемлемости дела, поскольку таковых не требовалось представлять да и не представлялось от имени заявителя. С другой стороны, Суд считает, что издержки на подготовку, составление и подачу заявления в соответствии со статьей 41 были необходимы, а заявленная сумма таких издержек обоснована.

131. Суд, соответственно, назначает к уплате заявителю сумму в 15 800 евро в возмещение издержек, связанных с разбирательством по Конвенции, за вычетом суммы в 725 евро, выплаченной заявителю Советом Европы в качестве пособия на юридическую помощь, что составит чистую сумму в 15 075 евро.

132. Общая сумма компенсации издержек и расходов на юридическую помощь в связи с разбирательством в национальных инстанциях и органах Конвенции составит, таким образом, 18 075 евро.

D. Ставка пени

133. Суд считает, что ставка пени должна быть установлена в размере годовой предельной процентной ставки по ссудам Европейского Центрального Банка, плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет*, что в данном деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
2. *Постановляет*, что в данном деле имело место нарушение статьи 8 при рассмотрении ее в совокупности со статьей 13;
3. *Постановляет*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня, когда решение Суда станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в фунты стерлингов по курсу на день выплаты:

- (i) 11 800 (одиннадцать тысяч восемьсот) евро в возмещение морального вреда;
 - (ii) 18 075 (восемнадцать тысяч семьдесят пять) евро в возмещение издержек и расходов, включая любой начисляемый налог на добавленную стоимость;
 - (b) что за период с истечения вышеназванных трех месяцев до момента окончательной компенсации с данных сумм должен быть уплачен простой процент в размере годовой ставки, равной предельной процентной ставке по ссудам Европейского Центрального Банка в вышеназванный период, плюс три процента,
4. *Отклоняет единогласно* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме 28 января 2003 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Матти Пеллонпе
Майкл О'Бойл

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Суда

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005
© Перевод с англ. Д. Д. Егоров

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ХАТЗИАНАСТАССИУ ПРОТИВ ГРЕЦИИ» (Hadjianastassiou v. Greece)

(жалоба № 12945/87)

Постановление Суда

Страсбург, 16 декабря 1992 года

Тема: национальная безопасность

Подтема: раскрытие военной тайны военнослужащим

Критерий: необходимость в демократическом обществе

В чем выразилось ограничение права: лишение свободы, раскрытие военной тайны

Решение: Нет нарушения права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Греция

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, авиационный инженер, капитан Военно-воздушных сил Греции, представил рапорт в Центр Технических Исследований Военно-Воздушных Сил о ракете, над которой проводил исследование. Вскоре после подачи рапорта, он передал, в частном порядке, технические данные по управляемым ракетам одной частной компании. Хотя два исследования касались разных типов ракет, власти Греции сочли, что произошла некоторая утечка информации, касающейся военных технологий. Заявителю было предъявлено обвинение в раскрытии военной информации/разведывательных данных, военный суд признал его виновным в раскрытии военной тайны второстепенного значения.

Оценка Европейского Суда:

Суд подчеркнул, что право на свободу выражения мнения применимо к военному личному составу так же, как и к другим лицам, и это право распространяется на коммерческую информацию и информацию, затрагивающую технические исследования:

«Свобода выражения мнения ... применима к военнослужащим так же, как и к другим лицам ... Более того, рассматриваемая информация не выпадает за рамки статьи 10, которая не ограничивается определенными категориями информации, идей или форм выражения мнения». (п. 39, ссылка опущена)

Вынесенный приговор являлся вмешательством в право заявителя на свободу выражения мнения, предусмотренным законом и преследующим законную цель обеспечить национальную безопасность. Что касается «необходимости ...» данного вмешательства «в демократическом обществе», Суд отметил, что раскрытие указанной информации затрагивало информацию военного характера, которая по своей природе требует деликатного обращения:

«Раскрытие заинтересованности Государства в данном виде оружия и соответствующих технических данных, которые могут говорить о степени прогресса его производства, может нанести значительный урон национальной безопасности». (п. 45)

Далее Суд отметил, что жизнь военнослужащих сопряжена с определенными условиями и обязательствами, и что заявитель был связан обязательством соблюдать осторожность во всем, что касалось исполнения служебных обязанностей. В заключение Суд не считает, что возложенная санкция была непропорциональна преследуемой цели. Следовательно, Суд считает, что в данном деле нет места нарушению права на свободу выражения мнения.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2006

© Перевод с англ. М. Н. Залата

ДЕЛО «ХАТЗИАНАСТАССИУ ПРОТИВ ГРЕЦИИ»

(*Hadjianastassiou v. Greece*)

(жалоба № 12945/87)

Постановление Суда
Страсбург, 16 декабря 1992 года

По делу «Хатзианастассиу против Греции»⁴ Европейский Суд по правам человека, заседающий в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»)⁵ и соответствующими положениями Регламента Суда, Палатой в следующем составе:

г-н. Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Тор Вильямсон,
г-н Ж. Де Мейер,
г-н Н. Валтикос,
г-н З. К. Мартенс,
г-жа Е. Палм,
г-н И. Фойгель,
г-н Р. Пекканен,
Сэр Джон Фрилэнд, *судьи*,

а также г-н М.-А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *Заместитель Секретаря Суда*;

Проведя 26 июня и 23 ноября 1992 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

⁴ *Примечание Секретаря Суда:* Дело зарегистрировано под номером 69/1991/321/393. Первое число указывает на номер дела в списке дел, переданных в Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают номер дела в списке дел, переданных в Суд с момента его создания, и в списке соответствующих поданных заявлений в Комиссию.

⁵ С внесенными поправками в соответствии со статьей 11 Протокола №8 (P8-11), который вступил в силу 1 января 1990 года.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было направлено в Суд 12 июля 1991 года Европейской Комиссией по правам человека (далее — «Комиссия»), в пределах трехмесячного срока, установленного пункте 1 статьи 32, и статьей 47 Конвенции. Дело было возбуждено в связи с жалобой (№12945/87) против Республики Греция, подданной в Комиссию в соответствии со статьей 25 гражданином Греции, г-ном Константиносом Хатзианастассиу (Constantinos Hadjianastassiou), 17 декабря 1986 года.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Греция признала для себя обязательность постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствует ли обстоятельства дела о нарушении государством-ответчиком обязательств, предусмотренных статьями 6 и 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом (d) п. 3 Правила 33 Регламента, заявитель сообщил о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и назначил юриста для представления его интересов в этом разбирательстве (Правило 30).

3. В состав Палаты вошли *ex officio* (по должности) г-н. Н. Валтикос, избранный судьей от государства Греция (статья 43 Конвенции) и г-н Р. Риссдал, Председатель Суда (п. 3 (b) Правила 21). 29 августа 1991 года в присутствии Секретаря Председатель определил по жребью имена остальных семи судей, а именно г-на Дж. Кремону, г-на Тора Вильямсона, г-на Ж. Де Мейера, г-жу Е. Палм, г-на И. Фойгеля, г-на Р. Пекканена и сэра Джона Фрилэнда (статья 43 Конвенции и п. 4 Правила 21).

Г-н З. К. Мартенс, запасной судья, в последствии заменил г-на Кремону, чей срок пребывания в должности судьи истек, и чей преемник вступил в должность до проведения слушаний (п. 3 Правила 2 и п. 1 Правила 22).

4. Г-н Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (п. 5 Правила 21) и, действуя через Секретаря, провел с агентом правительства Греции (далее — «Правительство»), представителем Комиссии и юристом заявителя консультации по вопросам организации судебного разбирательства (п. 1 Правила 37 и Правило 38). Следуя соответствующим указаниям Председателя, Секретарь

получил меморандум заявителя 14 февраля 1992 года, а меморандум Правительства — 28 февраля. 2 июня Секретарь Комиссии проинформировал Секретаря Суда, что Представитель Комиссии выскажет свои замечания в устной форме.

12 марта Комиссия представила различные документы, затребованные Секретарем по ходатайству Правительства.

5. В соответствии с решением Председателя Суда судебное разбирательство проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 23 июня 1992 года. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н П. Камаринес, юрисконсульт Государственного Совета Юристов, Уполномоченный,

г-жа Ф. Дедуси, член Государственного Совета Юристов, Советник;

(b) со стороны Комиссии

г-н К.Л. Розакис, Представитель;

(c) со стороны заявителя

г-н Р. Нисанд, адвокат, Советник.

Суд выслушал выступления вышеуказанных представителей, лично г-на Хатзианастассиу, а также их ответы на вопросы Суда.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Г-н Хатзианастассиу, гражданин Греции, является авиационным инженером. На момент рассмотрения дела он имел звание капитана военно-воздушных сил.

В качестве должностного лица, ответственного за проект по разработке и производству управляемой ракеты, он представил в 1982 году доклад в Центр Технических Исследований Военно-Воздушных Сил («К.Е.Т.А.») о ракете, над которой работал. В январе 1983 года он предоставил одной частной компании («ELFON Ltd») другое техническое исследование по управляемым ракетам, которое подготовил самостоятельно.

А. Разбирательство в Постоянном Суде Военно-Воздушных Сил г. Афины

7. 4 июля 1984 года Палата Постоянного Суда Военно-Воздушных Сил г. Афины (*Diarkes Stratodikeio Athinon*) предъявила заявителю и еще одному лицу обвинение в разглашении военной тайны (статья 97 Военного уголовного кодекса, см. п. 21 ниже).

22 октября 1984 года суд признал г-на Хатзианастассиу виновным в передаче ELFON десяти единиц информации вместе со «всеми техническими и теоретическими данными», изложенными в докладе К.Е.Т.А. Суд приговорил заявителя к двум с половиной годам лишения свободы.

В. Разбирательства в Военном Апелляционном Суде

8. Заявитель и обвинитель Военного Апелляционного Суда (*Epitropos tou Anatheoritikou Dikastiriou*) обжаловали это решение.

9. Вслед за судебным заседанием, состоявшимся 28 февраля и 1 марта 1985 года, Военный Апелляционный Суд назначил двух экспертов — профессоров Афинского Политехнического Института, которые совместно с экспертами, указанными заявителем, сравнили оба исследования.

В своем заключении от 26 сентября 1985 года, профессора пришли к следующим выводам:

«... на наш взгляд, два исследования, для К.Е.Т.А. и для ELFON, опираются на разные методы, ракеты отличаются друг от друга и вторая не является копией первой ...

Тем не менее, некоторая передача технических знаний неизбежно произошла Невозможно определить масштаб

этой передачи за рамками того, что указано далее в пунктах (b), (c) и (d), так как исследование ELFON и даже в большей степени отчет К.Е.Т.А. составлены некачественно, полны неточностей и упущений. Следует отметить, что в обоих исследованиях аэродинамические данные являются ошибочными ...».

Эксперты отметили, что г-н Хатзианастассиу имел некоторые технические знания, приобретенные во время учебы в Соединенных Штатах. Однако участие в проекте К.Е.Т.А. обогатило его опыт. Детали ракеты и некоторые теоретические сведения, содержащиеся в обоих исследованиях, встречались в различных технических руководствах, приобщенных к делу и оцениваемых как «доступная литература». Эти руководства не были отнесены к «секретным», однако не было установлено, что они были доступны частным лицам.

10. На следующем судебном заседании, состоявшемся 21 и 22 ноября 1985 года, Военным Апелляционным Судом были заслушаны показания девятнадцати свидетелей относительно того, содержали ли исследования общедоступные данные, была ли информация, положенная в основу исследований, доступна в научной литературе, и было ли исследование К.Е.Т.А. отнесено к сведениям, составляющим «военную тайну».

11. После судебного заседания Военный Апелляционный Суд, совещаясь в закрытом режиме, рассмотрел следующие вопросы, сформулированные Председателем Суда:

«1. Виновен ли Константинос Хатзианастассиу в незаконной и преднамеренной передаче и разглашении третьим лицам, с октября 1982 года по март 1983 года, военных планов и информации, отнесенной к секретной, и которая должна была оставаться секретной в интересах Греческого государства? [В частности, виновен ли он в том] ..., что в октябре 1982 года, после установления контакта с компанией ELFON Ltd ... с целью подготовить и предоставить для последней исследование по управляемым ракетам, за денежную выплату, определяемую соглашением с указанной компанией, после того как работа будет начата, незаконно и преднамеренно

(а) сообщил вышеуказанной компании информацию общего характера об управляемой ракете, разрабатываемой в К.Е.Т.А. и ее технических характеристиках, хотя, являясь должностным лицом, ответственным за проект по разработке ракеты К.Е.Т.А., он знал, что эта информация являлась секретной, и что в интересах Греческого государства необходимо хранить ее в тайне;

(б) передал той же компании некоторые данные, имеющие отношение к проекту и относящиеся к той же предметной области, вытекающие из исследования К.Е.Т.А. и из всей программы производства греческих управляемых ракет («лазерный комплект»), которые существовали в центре и которые касались, главным образом, пространственной диаграммы ракеты, ее внешней геометрии, периметрического плана, аэродинамических составляющих, типа лазера на иттрий-алюминиевом гранате с неодимом, динамичной модели, вертушки ракеты, принципиальной схемы, точности самонаведения, базовых данных по электронике, и других теоретических и технических компонентов, содержащихся в исследовании ELFON Ltd ..., которое было целиком разработано на основе информации, полученной из соответствующего проекта и исследования К.Е.Т.А., переданной и раскрытой им для компании, несмотря на то, что он в качестве должностного лица, ответственного за проект, знал., что эта информация секретна, и что в интересах государства Греции необходимо хранить ее в тайне?

2. Было ли установлено... что после того, как он раскрыл указанные сведения, составляющие военную тайну, обвиняемый полагал, ошибочно, что он имел право действовать подобным образом или [с другой стороны], что он обоснованно предполагал, что, составив исследование К.Е.Т.А. и используя собственные знания, он был вправе составить новое исследование и представить его через посредничество компании ELFON Ltd, в Департамент Военной Промышленности? Было ли такое предположение обоснованным?

3. Было ли установлено ... что сведения, составляющие военную тайну, разглашенные подобным образом, а именно

общая информация об управляемой ракете ... и ее технических характеристиках, которую [обвиняемый] сообщил компании ELFON, были малозначительными?

4. Должны ли быть учтены определенные обстоятельства смягчающими, а именно то, что до совершения вышеуказанных действий, обвиняемый вел безупречную и упорядоченную частную, семейную и профессиональную жизнь?

...».

12. Согласно протоколу совещания, судьи Военного Апелляционного Суда утвердительно ответили на вопросы 1(a) (четыре голоса против одного), 3 и 4 (единогласно) и отрицательно на вопросы 1(b) (четыре голоса против одного) и 2 (три голоса против двух).

13. Вынесся приговор в присутствии г-на Хатзианастассиу 22 ноября 1985 года, Суд приговорил его за разглашение сведений, отнесенных к военной тайне второстепенной значимости (п. 2 статьи 97 Военного уголовного кодекса, см. п. 21 ниже) условно к пяти месяцам лишения свободы, с зачетом четырех месяцев и четырнадцати дней, проведенных им под стражей в ходе предварительного расследования.

14. Председатель Военного Апелляционного Суда огласил приговор, в котором не указывались вопросы членам суда.

15. Для получения формулировок этих вопросов и ответов на них, заявитель просил 23 ноября 1985 года ознакомить его с протоколом судебного заседания. По его утверждению, секретарь сказал ему, что необходимо дождаться «окончательного варианта» приговора.

С. Разбирательство в Кассационном Суде

16. 26 ноября 1985 года, в течение пяти дней — срока, установленного п. 1 статьи 425 Военного уголовного кодекса (см. п.24 ниже), г-н Хатзианастассиу обжаловал приговор в Кассационном Суде. В своей жалобе, занимающей одну страницу, он утверждал о «неправильном применении и толковании положений уголовного закона, по которым он был осужден, а именно п. 2 статьи 97 Военного уголовного кодекса».

17. 16 декабря он получил копию постановления суда апелляционной инстанции. Постановление было кратким и не содержало оснований, по которым оно было вынесено, а лишь указывало на назначение наказания.

18. 23 декабря 1985 года заявитель снова просил предоставить ему протокол. Он получил его 10 января 1986 года. Этот документ, представлявший собой детальное изложение всех шести вопросов и полученных на них ответов, заканчивался следующим образом:

«...»

Суд, четырьмя голосами к одному ..., признает обвиняемого Хатзианастассиу виновным в разглашении сведений, составляющих военную тайну, преступлении, которое было совершено в Аттике, с октября 1982 года по март 1983 года.

Тремя голосами против двух ..., Суд отклоняет ходатайство защиты о применении п. 2 статьи 31 Уголовного Кодекса (невиновность в случае ошибки).

Суд единогласно признает, что сведения, составляющие военную тайну, разглашенные обвиняемым, были второстепенной значимости.

Суд единогласно принимает смягчающие обстоятельства (п. 2 (а) статьи 84 Уголовного Кодекса).

На основании следующих статей: ...

п. 2 статьи 97, рассматриваемый в совокупности с п. 1 и статьями 98 (е) ..., 366, 368 ... Военного уголовного кодекса, ...;

... принимая во внимание тяжесть совершенных деяний, личность обвиняемого, вред, нанесенный преступлением, особый характер преступления, конкретные обстоятельства, при которых было совершено преступление, степень умысла со стороны обвиняемого, его характер, личное и социальное положение, его поведение до и после совершения преступления;

Суд приговаривает обвиняемого к пяти месяцам лишения свободы и обязывает его выплатить судебные издержки ... В вышеуказанный срок ... суд засчитывает четыре месяца и четырнадцать дней, проведенных им под стражей в ходе предварительного расследования, и устанавливает окончательный срок наказания, подлежащий отбытию — шестнадцать дней.

Учитывая, что у обвиняемого нет прошлых судимостей, и он не отбывал тюремного наказания, а также обстоятельства, при которых было совершено преступление, Суд считает целесообразным назначить оставшееся наказание в виде условного осуждения ...

На основании вышеизложенного, в соответствии со статьями 99, 100 и 104 Уголовного Кодекса, суд при назначении оставшегося наказания устанавливает испытательный срок три года

...».

19. Разбирательство в Кассационном Суде (*Areios Pagos*) состоялось 11 апреля 1986 года.

14 апреля г-н Хатзианастассиу подал письменные объяснения в добавление к своему устному выступлению в суде. По его мнению, изложение апелляционной жалобы было достаточным для того, чтобы исключить любую возможность ее отклонения по причине неточности. Он обжаловал недостаточность срока, предоставленного для подачи апелляционной жалобы на приговоры военных судов и невозможность для заинтересованных лиц заблаговременно ознакомиться по существу с содержанием оспариваемых постановлений. Заявитель также оспаривал основания, по которым был вынесен обвинительный приговор: распространение «общей информации» о ракете, разрабатываемой К.Е.Т.А., обвинение, которое Военный Апелляционный Суд считал доказанным, не подпадало под действие статьи 98 Военного уголовного кодекса, поскольку эта норма касалась раскрытия секретных сведений военного значения, обвинение, которое было снято с него Военным Апелляционным Судом, ответом на вопрос 1 (b) (см. п. 11 выше). По мнению заявителя, его дело в крайнем случае подпадало под статью 96 (см. п. 21 ниже), но не более того.

20. 18 июня 1986 года Кассационный Суд оставил жалобу без рассмотрения по следующим причинам:

«В своей жалобе в Суд ... по поводу отмены постановления № 616/1985, вынесенного Военным Апелляционным Судом, [заявитель] оспаривает вышеуказанное постановление на основании ошибочного применения и толкования статей, на основании которых он был осужден, а именно п. 2 статьи 97 Военного уголовного кодекса». Однако это единственное основание апелляции в том виде, в котором оно сформулировано выше, является неопределенным, поскольку не указывает на конкретные и определенные ошибки в оспариваемом постановлении, которые могли бы служить основанием для жалобы по поводу ошибочного применения и толкования указанной статьи. Следовательно, в соответствии с п. 1 статьи 476 и п. 1 статьи 513 Уголовно-Процессуального Кодекса, жалобу надлежит оставить без рассмотрения».

II. Применимое национальное законодательство

A. Разглашение сведений, отнесенных к военной тайне

21. Военный уголовный кодекс предусматривает:

Статья 96

«Передача информации военного характера

Военнослужащий или иной человек, работающий в вооруженных силах, который без согласия на то военных властей передаст или сделает общеизвестным каким-либо способом информацию или оценочные сведения об армии, несет наказание в виде лишения свободы на срок не более шести месяцев».

Статья 97

«Разглашение военной тайны

1. Военнослужащий или иной человек, работающий в вооруженных силах, который незаконно и преднамеренно предоставит или сообщит другим лицам документы, планы, любые другие предметы или секретные сведения военного значения, или допустит передачу или сообщение другим лицам этих документов, планов, предметов или сведений, несет наказание в виде лишения свободы (*katheirxi*), или, если вышеуказанное было передано или сообщено иностранному государству, агенту или шпиону иностранного государства, карается увольнением с лишением прав и привилегий и смертной казнью.

2. ... если сообщенная [информация] имеет второстепенное значение, обвиняемый несет наказание в виде лишения свободы (*filakisi*) на срок не менее шести месяцев ...».

Статья 98

«Секретные сведения

Под «секретными сведениями военного значения» следует понимать информацию, касающуюся государства Греции или его союзниках, и связанную с:

...

(е) объектом, официально отнесенным к секретным.

...».

В. Обязанность судов мотивировать свои решения

22. Соответствующие статьи Конституции, принятой в 1975 году, гласят:

Пункт 3 статьи 93

«Все судебные постановления должны быть четко и подробно мотивированы и оглашены на открытом заседании ...».

Статья 96

«...

4. *Специальные законы предусматривают:*

(a) *Вопросы, устанавливающие отношения с военными судами, судами военно-морских и военно-воздушных сил, не имеющими юрисдикции над гражданскими лицами.*

(b) *Вопросы, связанные с судами призывной юрисдикции.*

5. *Суды, указанные в подпункте (a) первого абзаца, должны состоять из большинства судей, входящих в судебную ветвь власти вооруженных сил и пользующихся гарантиями независимости, как личными, так и служебными, предусмотренными п. 1 статьи 87 настоящей Конституции. Пункты 2-4 статьи 93 применимы к судебным разбирательствам и постановлениям этих судов. Подробные инструкции по применению положений, изложенных в данном абзаце, а также дата вступления этих положений в силу, должны быть определены законом».*

23. Согласно существующему прецедентному праву Кассационного Суда, отсутствие обоснований в решениях военных судов не делает их недействительными. Применение к этим судам п. 3 статьи 93 Конституции требует, в соответствии с п. 5 статьи 96, принятия специальных законов, что до сих пор не случилось (постановления №№ 470/1975, 483/1979, 18/1980, 647/1983, 531-535/1984 (Nomiko Vima 1984 год, стр. 1070) и 1494/1986). Достаточно, чтобы такое решение отвечало на вопросы, поставленные Председателем Суда. Вопросы должны точно указывать на преступления, в которых обвиняют подсудимого, чтобы в дальнейшем Кассационный Суд смог убедиться, что соответствующие статьи уголовного права были должным образом применены к фактам, установленным судами первой и второй инстанций (постановления № 456/1986 и 1494/1986).

С. Апелляции на решения военных судов

1. Военный уголовный кодекс

24. К настоящему делу имеет отношение следующее:

Статья 366

«Формулировка вопросов. Главный вопрос

1. *Председатель Суда должен составить вопросы по каждому подсудимому.*

2. *Главный вопрос должен быть сформулирован на основании резолютивной части судебного решения о заключении под стражу... и должен включать в себя вопрос о том, виновен ли обвиняемый в том, ... что ему вменяется ...».*

Статья 368

«Дополнительные вопросы (Pareromena zitimata)

Чтобы дополнить главный или альтернативный вопрос, могут быть заданы дополнительные вопросы, касающиеся обвинения или обстоятельств, отягчающих, смягчающих наказание или исключающих преступность деяния (exalipsin)».

Пункт 1 статьи 425

«Сроки

Жалоба в Кассационный Суд (anairesi) должна быть подана в течение пяти дней с момента оглашения постановления, или, если решение было оглашено в отсутствие обвиняемого или его представителя, с даты уведомления о принятом решении ...».

Статья 426

«Основания для подачи жалобы в Кассационный Суд

Жалоба должна быть подана только на следующих основаниях:

...

(B) Ошибочное применение и толкование материальных норм уголовного права».

2. Уголовно-Процессуальный Кодекс

25. Уголовно-Процессуальный Кодекс предусматривает, *inter alia*, следующее:

Пункт 3 статьи 473

«Срок подачи кассационной жалобы

Срок подачи жалобы в Кассационный Суд начинается с даты поступления в секретариат рассматриваемого суда окончательного текста постановления. Он должен поступить в секретариат в течение пятнадцати дней, в противном случае, на Председателя суда могут быть наложены дисциплинарные санкции».

Пункт 2 статьи 509

«Объяснения при подаче жалобы в Кассационный Суд

Кроме оснований для обжалования, указанных в жалобе ..., дополнительные замечания могут быть изложены в дополнительных объяснениях, поданных в канцелярию главного прокурора при Кассационном Суде не позднее, чем за пятнадцать дней до проведения судебного заседания ...; по истечении указанного срока объяснения подлежат оставлению без рассмотрения ...».

3. Прецедентное право Кассационного Суда, имеющее отношение к данному делу

26. Согласно прецедентному праву Кассационного Суда (решения №№ 656/1985 (Nomiko Vima 1985 г., стр. 891), 1768/1986, 205/1988 (Nomiko Vima 1988 г., стр. 588) и 565/1988), п. 3 статьи 473 Уголовно-Процессуального Кодекса не применяется по отношению к жалобам на нарушение норм права в приговорах военных судов, поскольку срок подачи данных жалоб установлен в статье 425 Военного уголовного кодекса (см. п. 24 выше).

Основания для подачи жалобы в Кассационный Суд должны быть изложены в предварительной жалобе. Что касается «неправильного

применения и толкования соответствующих положений уголовного закона», то жалоба должна содержать четкие указания на ошибки, которые были допущены в оспариваемом решении (решения №№ 234/1968, 459/1987, 1366/1987 (Nomiko Vima 1987г., стр. 1659) и 1454/1987, а также постановление Кассационного Суда по настоящему делу).

И, наконец, дополнительные объяснения рассматриваются лишь в том случае, если в предварительной жалобе изложено, по крайней мере, одно основание, которое Суд сочтет приемлемым и достаточно обоснованным (постановления №№ 242/1951, 341/1952, 248/1958, 472/1970, 892/1974, 758/1979 (Nomiko Vima 1980г., стр. 56), 647/1983, 1438/1986 и 1453/1987).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

27. 17 декабря 1986 года г-н Хатзианастассиу подал жалобу в Комиссию. В своей жалобе он ссылаясь на статью 6, и утверждал, что недостаточная обоснованность постановления Военного Апелляционного Суда и краткость срока для подачи жалобы помешали ему дополнительно обосновать жалобу в Кассационный Суд. Он также утверждал, что осуждение за раскрытие военной тайны второстепенного значения нарушило его право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10.

28. 4 октября 1990 года Комиссия признала жалобу (заявление № 12945/87) приемлемой. В своем отчете от 6 июня 1991 года (в соответствии со статьей 31), Комиссия пришла к единогласному выводу о нарушении пунктов 1 и 3 (b) статьи 6 и об отсутствии нарушения статьи 10.

Полный текст заключения Комиссии приводится в приложении к данному постановлению.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

29. Г-н Хатзианастассиу ссылаясь на пункты 1 и 3 (b) статьи 6, гласящие:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство ... независимым и беспристрастным судом

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

...».

Заявитель обжаловал отсутствие обоснования в приговоре, оглашенном Председателем Военного Апелляционного Суда 22 ноября 1985 года и с краткостью установленного срока подачи жалобы в Кассационный Суд. Несмотря на то, что заявитель присутствовал на судебном разбирательстве, точные основания его осуждения стали известны ему лишь 10 января 1986 года, что означало, что жалоба по вопросам права будет с неизбежностью отклонена.

30. Правительство выразило несогласие с такой точкой зрения, которую Комиссия поддержала по существу. По мнению Правительства заявитель был осведомлен о содержании вопросов, сформулированных председателем Военного Апелляционного Суда. Вопросы № 2 и 4 основаны на аргументах, приведенных лично г-ном Хатзианастассиу в Постоянной Палате Суда Военно-Воздушных Сил. Ответ на вопрос № 3, впервые сформулированный в апелляционной инстанции, ясно прозвучал в постановлении, зачитанном председателем. Что касается вопроса о передаче информации «военного значения», Председатель разделил его на два пункта — 1 (а) и 1 (b) (см. п. 11 выше), чтобы учесть заключение экспертов и проявить снисходительность к обвиняемому, приговор которого был, к тому же, смягчен. Наконец, эти вопросы далеко не обозначали конец судебного разбирательства, а наоборот вызвали споры во время совещания. Иными словами, г-н Хатзианастассиу вполне мог в установленный законом срок представить в своей жалобе подробные и обоснованные доводы для отмены решения.

31. Поскольку требования, изложенные в пункте 3 статьи 6, затрагивают отдельные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пункте 1, Суд рассмотрит жалобу в соответствии с обоими положениями, взятыми в совокупности.

32. Суд отмечает с самого начала, что хотя п. 3 статьи 93 Конституции Греции (см. п. 22 выше) предписывает, чтобы все судебные постановления были четко и подробно обоснованы, в соответствии с п. 5 статьи 96 применимость этого требования к военным судам сопряжена с принятием специального законом. Такой закон еще предстоит принять. До этого момента Кассационный Суд вправе рассматривать решения судов на предмет надлежащего применения уголовного права лишь основываясь на вопросах, сформулированных председателями судов, и ответов судей, послуживших основанием для принятия решения.

33. Высоким договаривающимся сторонам предоставлена значительная свобода в выборе средств для обеспечения того, чтобы их судебные системы отвечали требованиям статьи 6. Однако национальные суды должны с достаточной ясностью излагать доводы, на основании которых они выносят решения. Именно это, *inter alia*, позволяет обвиняемому эффективно воспользоваться предоставленным ему правом обжалования приговора во второй инстанции. Задача Суда сводится к тому, чтобы установить, привел ли установленный государством механизм к результатам, которые совместимы с Конвенцией.

34. В данном случае, постановление, оглашенное Председателем Военного Апелляционного Суда, не содержало указаний на вопросы, отраженные в протоколе судебного заседания (см. п. 11 и 18). Безусловно оно ссылалось на статью 366 Военного уголовного кодекса (см. п. 24 выше) и классифицировало переданные сведения как информацию второстепенного значения, однако оно не основывалось на тех же основаниях, что и решение Постоянной Палаты Суда Военно-Воздушных Сил. Вопрос 1 (а) о передаче «общих сведений об управляемой ракете», которые необходимо было держать в тайне, впервые был поднят на разбирательстве в суде апелляционной инстанции. Когда на следующий день после оглашения решения заявитель пытался получить полный текст вопросов, секретарь якобы сообщил, что ему придется дождаться «окончательного варианта» приговора (см. п. 15 выше). В своей жалобе на нарушение норм права,

поданной в течение пяти дней — срока, установленного п. 1 статьи 425 Военного уголовного кодекса (см. п. 24 выше), г-н Хатзианастассиу мог опираться лишь на информацию, услышанную и собранную им во время судебного разбирательства. Ему ничего не оставалось, как сослаться в общих чертах на статью 426.

35. В возражении Правительства говорится, что заявитель вполне мог бы представить дополнительные замечания в своих объяснениях в соответствии с п. 2 статьи 509 Уголовно-Процессуального Кодекса (см. п. 25 выше), и что если он не воспользовался такой возможностью, то это означает, что у него не было оснований для оспаривания приговора суда.

36. Суд не согласен с этим доводом. Когда 10 января 1986 года г-н Хатзианастассиу получил протокол судебного заседания, он был уже лишен возможности приводить дополнительные доводы к своей жалобе на нарушение норм права. В соответствии с устоявшейся судебной практикой, дополнительные доводы могут быть приняты во внимание, только если в предварительной жалобе содержится, по крайней мере, одно основание, которое Суд сочтет подлежащим рассмотрению и достаточно обоснованным (см. п. 26 выше).

37. В заключение следует отметить, что реализация права на защиту было сопряжены с такими ограничениями, что заявитель был лишен возможности воспользоваться своим правом на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 (b) статьи 6 Конвенции, в совокупности с пунктом 1.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

38. По заявлению г-на Хатзианастассиу, обвинение, выдвинутое против него военными судами, также нарушало статью 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными

формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

39. Следует напомнить, что заявитель, военный офицер, был осужден и приговорен к лишению свободы за разглашение военных сведений второстепенного значения. Рассматриваемое исследование он намеревался передать за определенную плату частной компании по производству оружия.

Несомненно, свобода выражения мнения, гарантируемая статьей 10, применима к военнослужащим, как и к другим лицам, в рамках юрисдикции Договаривающихся государств (см. постановление по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and others v. The Netherlands) от 8 июня 1976 года, Серия А, № 22, стр. 41, п. 100). Тем более, что рассматриваемая информация не выходит за рамки действия статьи 10, которые не ограничены определенными категориями информации, идей или форм выражения мнения (см. «Маркт интерн Верлаг ГмбХ и Клаус Берман против Германии» (Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany) от 20 ноября 1989 года, Серия А, № 165, стр. 17, п. 26).

40. Таким образом, приговор Постоянной Палаты Суда Военно-Воздушных Сил, впоследствии смягченный Военным Апелляционным Судом (см. пп. 7 и 13 выше), представлял собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения. Подобное вмешательство противоречит статье 10, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует законные цели, изложенные в пункте 2, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения вышеуказанных целей.

А. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»?

41. По утверждению г-на Хатзианастассиу, первое условие не было соблюдено, поскольку последствия несоблюдения «закона» не были предсказуемы. Применение Военным Апелляционным Судом статей

97 и 98 Военного уголовного кодекса было ошибочным (см. п. 21 выше). Несмотря на то, что эти статьи легли в основу решения суда, в нем не указывалось на какие-либо конкретные секретные сведения, которые были переданы ELFON.

42. Тем не менее, Суд отмечает, что формулировка рассматриваемых статей закона (см. п. 21 выше) совместима с тем вариантом их истолкования и применения, который реализовал Военный Апелляционный Суд. Указывая на то, что толкование и применение внутреннего права — это прерогатива национальных судов (см. среди других решений, постановление «Крюслен против Франции» (*Kruslin v. France*) от 24 апреля 1990 года, Серия А, № 176-А, стр. 21, п. 29), Суд наряду с Правительством и Комиссией считает, что вмешательство было «предусмотрено законом».

В. Преследовало ли вмешательство законную цель?

43. Ясно, что оспариваемый приговор был направлен на наказание за разглашение сведений о секретном проекте по разработке оружия и, тем самым, на обеспечение «национальной безопасности», что является законной целью, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

С. Было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»?

44. Г-н Хатзианастассиу отрицал, что вмешательство было необходимым. Он утверждал, что рутинное техническое исследование, полностью основанное на его собственной документации, нельзя рассматривать, как представляющее угрозу национальной безопасности. В своем ответе на вопрос 1 (b) (см. пп. 11 и 12 выше) Военный Апелляционный Суд признал отсутствие какой-либо связи между исследованием, проводимым для военно-воздушных войск и исследованием для ELFON. По его мнению, должны были быть установлены правовые нормы, запрещающие военным офицерам Греции работать на частные компании или наоборот позволяющие это делать при условии неразглашения сведений, составляющих военную тайну. К тому же, Военный Апелляционный Суд не указал ни на одну разглашенную заявителем тайну.

45. В данном случае проект по производству управляемой ракеты, осуществляемый в военно-воздушных войсках, был отнесен к

«военной тайне». Однако приговор апелляционного суда был основан на разглашении «информации общего характера», которую в военных интересах необходимо было держать в секрете. Назначенные судом эксперты до вынесения приговора пришли к выводу о том, что хотя два исследования и прибегали к различным методам, тем не менее, «некоторая передача технических сведений неизбежно произошла» (см. п. 9 выше).

Как и Правительство, Суд разделяет точку зрения, что разглашение интереса государства в данном виде оружия и соответствующих технических сведений, которые могли бы указать на прогресс в его производстве, способно нанести значительный ущерб национальной безопасности.

46. Необходимо также учитывать особые условия, с которыми сопряжена военная жизнь, и конкретные «обязательства» и «ответственность», возложенные на служащих вооруженных сил (см. постановление по делу «Энгель и другие против Нидерландов», приведенное выше, стр. 41, п. 100). Заявитель, будучи должностным лицом в К.Е.Т.А., ответственным за экспериментальную программу по производству ракеты, был связан обязательством действовать по собственному усмотрению в рамках осуществления своих обязанностей.

47. В свете этих рассуждений нельзя сказать, что военные суды Греции вышли за пределы усмотрения, который предоставлен внутренним органам власти в вопросах национальной безопасности. Представленные доказательства также указывают на разумную пропорциональность между принятыми мерами и преследуемой законной целью. Следовательно, не было установлено нарушения статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 50 Конвенции

48. В соответствии со статьей 50,

«Если Суд сочтет, что решение или мера, принятые судебным или другим органом Высокой Договаривающейся стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из... Конвенции, а внутригосударственное право указанной стороны допускает

лишь частичное возмещение за последствия данного решения или меры, то по решению Суда, в случае необходимости, может быть назначена справедливая компенсация потерпевшей стороне».

Ссылаясь на данную статью, г-н Хатзианастасиу требовал компенсации судебных расходов и издержек, сначала в судах Греции (650 000 драхм), а затем в судебных органах по Конвенции (300 000 драхм и 29 260 французских франков).

Правительство сочло данные требования чрезмерными, поскольку суммы серьезно превышали установленные расценки на юридические услуги, предусмотренные законами Греции. Правительство заявило, что в случае установления нарушения согласно выплатить 100 000 драхм.

49. Суд отмечает, что в данном вопросе он не связан внутригосударственными расценками или критериями (см., *inter alia*, постановление по делу «Грэнджер против Соединенного Королевства» (*Grendger v. United Kingdom*) от 28 марта 1990 года, Серия А, № 174, стр. 20, п. 55).

Как и Комиссия, Суд придерживается мнения, что из понесенных в Греции расходов, компенсация может быть выплачена только в отношении расходов в Кассационном Суде — 220 000 драхм. Суммы, заявленные в отношении разбирательств в Страсбурге, соответствуют критериям, изложенным в прецедентном праве и, соответственно, должны быть выплачены в полном объеме.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет*, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 (b) статьи 6 Конвенции, взятых в совокупности;
2. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет* государству-ответчику выплатить заявителю в течение трех месяцев компенсацию судебных расходов и издержек в размере 29 260 (двадцать девять тысяч двести шестьдесят) французских франков и 520 000 (пятьсот двадцать тысяч) драхм;
4. *Отклоняет* остальную часть иска о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, и оглашено в открытом судебном заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 16 декабря 1992 года.

Ролф Риссдал
Марк-Андре Эйссен

Председатель Суда
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 51 Конвенции и пунктом 2 Правила 53 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается совпадающее мнение г-на Де Мейера.

Совпадающее мнение судьи Де Мейера

Наряду с остальными членами Палаты я придерживаюсь мнения о том, что в настоящем деле не было нарушения права на свободу выражения мнения, но причины для такого вывода я вижу более простые, нежели те, что изложены в пп. 39 и 47 настоящего постановления. Причины следующие:

1. Заявителю было предъявлено обвинение и вынесен приговор в соответствии с п. 2 статьи 97 Военного уголовного кодекса⁶, за раскрытие секретной информации второстепенного значения⁷.
2. Поскольку на военнослужащих возложены особые «обязательства и ответственность», при необходимости, им должно быть запрещено, если на то нет надлежащего разрешения, передавать третьей стороне информацию и идеи подобного рода, как в настоящем деле, даже если эти идеи и информация являются результатом их собственной работы.

Тем более это касается такой информации и идей, которые были отнесены к секретным компетентными органами.

⁶ См. п. 21 постановления.

⁷ См. п. 13 постановления.

3. В случае, если военные нарушают этот запрет, суд, под юрисдикцию которого они подпадают, назначает им наказание, предусмотренное законом.

4. В настоящем деле нет доказательств того, что в отношении заявителя греческие суды преступили те полномочия, которые им предоставлены в этой сфере.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2006

© Перевод с англ. М. Н. Залата

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ХАЛИС ПРОТИВ ТУРЦИИ» (Halis v. Turkey)

(жалоба № 30007/96)

Постановление Суда

Страсбург, 11 января 2005 года

Тема: диффамация; пристрастность судебного органа

Подтемы: защита чести и достоинства, государственные служащие, обязанности прессы, право на независимое и беспристрастное судебное разбирательство

Критерий: баланс интересов государства и права отдельного человека на свободное выражение мнения

В чем выразилось ограничение права: вынесенный приговор с санкцией в виде лишения свободы, выплата материального ущерба и морального вреда; судебных издержек и расходов

Решение: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также нарушение права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство (статья 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Турция

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, журналист турецкой ежедневной газеты, обратился в Европейский Суд по правам человека после того, как подвергся обвинению в распространении пропаганды посредством публикации статьи о деятельности незаконной сепаратистской террористической организации. Статья содержала рецензию на четыре книги разных авторов, каждый из которых обсуждал проблемы, существовавшие на юго-востоке Турции. В день публикации статьи в газете и до начала её распространения, весь тираж был конфискован по распоряжению Стамбульского суда государственной безопасности. Журналист подвергся обвинению в нарушении Закона «О предупреждении терроризма» и был приговорён к одному году тюремного заключения,

а также выплате штрафа. Он обратился в Суд с жалобой на то, что выдвинутое против него уголовное обвинение нарушает его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

После рассмотрения аргументов защиты и анализа содержания оспариваемой статьи во всей её целостности Европейский Суд по правам человека констатировал факт необоснованного вмешательства государства в осуществление журналистом своего права на свободу выражения мнения, а, следовательно, нарушение статьи 10 Конвенции. Суд также рассмотрел вопрос о том, было ли нарушено право заявителя на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство и пришел к выводу о наличии нарушения.

Оценка Европейского суда:

Задачей Суда было установить, было ли вмешательство со стороны государства в осуществление права журналиста на свободу выражения мнения оправданным в соответствии со статьей 10 Конвенции путём определения того, было ли вмешательство предписано законом, и преследовало ли оно одну или несколько законных целей, упомянутых в пункте 2 статьи 10, а также было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения законной цели(ей) (п. 25). Выяснив, что основанием вмешательства были соответствующие положения Закона «О предупреждении терроризма», и оно было осуществлено с целью защиты интересов национальной и общественной безопасности, Суд перешёл к рассмотрению критерия «необходимости в демократическом обществе».

Для большей основательности своей оценки Суд рассмотрел предполагаемое вмешательство, принимая во внимание все обстоятельства дела, включая содержание статьи и контекст, в котором она была распространена. Помимо этого Суд принял во внимание общую ситуацию, на фоне которой происходили события, составляющие содержание дела, в частности проблемы, связанные с предупреждением терроризма. Суд детально исследовал вопрос о том, было ли вмешательство «соразмерно преследуемым законным целям», а также были ли доводы, приведённые национальными судебными органами в его обоснование, «существенными и достаточными» (п. 33).

Суд обратил внимание на то, что спорная статья в газете, написанная заявителем представляла собой обзор четырёх книг разных авторов.

Одна из книг была написана лидером сепаратистской террористической организации РПК Абдуллой Оджаланом и в ней содержались спорные слова, в частности «tasfiye», значение которого Правительство толковало как «уничтожение путём убийства», а заявитель — «усовершенствовать, улучшать». Использование журналистом Халисом вслед за автором книги данного слова было расценено властями Турции как поддержку идеям и высказываниям Абдуллы Оджалана, пропагандой террористической организации повинной в смерти многих людей, и косвенным подстрекательством к продолжению насилия. Европейский Суд не согласился с позицией Правительства и отметил, что спор между сторонами главным образом касался действительного значения термина «tasfiye», содержащегося и в статье заявителя и в названии книги. И в этом отношении, Суд счел важным подчеркнуть, что заявитель не является автором книги, развивавшей тему «tasfiye», не являлся автором выраженных в книге идей, а был лишь журналистом, прокомментировавшим её.

Подчёркивая разницу между двумя позициями, Суд заявил:

«[С]вобода выражения мнения требует тщательности в разграничении выражения собственных идей и обсуждения или комментирования идей других людей, даже если эти идеи расцениваются как оскорбительные для многих или даже представляют собой апологию насилия». (п. 34)

Суд уделил особое внимание пропорциональности вмешательства со стороны государства «характеру и суровости наложенного наказания». Суд обратил особое внимание тому факту, что заявитель подвергся обвинению и наказанию за пропаганду, несмотря на то, что указанная статья в действительности не была распространена, так как тираж выпуска газеты «Эзгюр Гюндем», в котором содержалась статья, был изъят на основании распоряжения суда до её распространения. Несмотря на то, что исполнение приговора журналисту было отложено, и он так и не оказался был лишен свободы, журналист, тем не менее, подвергся угрозе «сурового наказания». Суд указал, в связи с этим, что характер и мера наложенного наказания также являются факторами, которые необходимо принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства (п. 37).

Мотивация национального суда при вынесении обвинения была признана недостаточной для обоснования вмешательства государства в его право на свободу выражения мнения, а само обвинение —

несоразмерным, т.е. наказание было признано чрезмерным, особенно в свете того, что данный номер газеты был конфискован и так и не был распространён среди читателей. Таким образом, вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе», и, следовательно, явилось нарушением статьи 10 Конвенции.

Суд также постановил, что факт наличия в составе Стамбульского суда государственной безопасности судьи-военнослужащего при рассмотрении уголовного дела заявителя являлся нарушением принципа беспристрастности суда и соответственно нарушило права заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Правительство оказалось не в состоянии опровергнуть утверждение заявителя о том, что ему было отказано в справедливом разбирательстве. В результате, Суд пришёл к выводу о том, что у заявителя были основания опасаться предстать перед Судом, в составе которого находился действующий армейский офицер, который одновременно являлся и членом Военной правоохранительной службы. По выражению Суда, заявитель имел «законные опасения», что на решение Суда государственной безопасности окажут чрезмерное влияние факторы, не связанные непосредственно с существом дела. По существу, сомнения заявителя в справедливости и беспристрастности Суда имели объективные причины, так как суд, вынесший ему обвинительный приговор, действительно не являлся независимым и беспристрастным с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции⁸.

В данном деле имело место нарушение статьи 6 и статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2006
© Перевод с англ. В. А. Бушин

⁸ *Прим. ред:* Впоследствии система Судов Государственной Безопасности в Турции была упразднена. Не в последнюю очередь это произошло в силу большого числа проигранных Турцией дел в Европейском Суде, в которых было признано нарушение ст. 6 Конвенции в связи с рассмотрением дел на национальном уровне судами государственной безопасности, которые были признаны не соответствующими требованиям «независимого и беспристрастного суда», способного гарантировать справедливое разбирательство, потому что один из его членов был судьёй — действующим армейским офицером.

ДЕЛО «ХАЛИС ПРОТИВ ТУРЦИИ»

(Halis v. Turkey)

(жалоба № 30007/96)

Постановление Суда
Страсбург, 11 января 2005 года

По делу «Халис против Турции» Европейский Суд по правам человека (Четвёртая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель*,
Г-н Дж. Бонелло,
Г-н Р. Тюрмен,
Г-н К. Трайа,
Г-н С. Павловски,
Г-н Л. Гарлики,
Г-жа Л. Мийович, *судьи*,

и г-н М. О'Бойл, *Секретарь Секции*,

Проведя 23 мая 2002 года и 7 декабря 2004 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после принятия Европейской Комиссией по правам человека (далее — «Комиссия») заявления (№ 30007/96) против республики Турция, которое было подано в соответствии со статьей 25 действовавшей тогда редакции Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее — «Конвенция») гражданином Турции, г-ном Атиллой Халисом (далее — «заявитель») 19 декабря 1995 года.

2. Интересы заявителя, которому были предоставлены средства для судебной защиты, представлял г-н Эджан Килик — адвокат,

практикующий в Стамбуле. Правительство Турции (далее — «Правительство») не назначило Уполномоченного, который бы представлял Правительство на слушаниях в Суде.

3. Заявление было передано в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (п. 2 статьи 5 Протокола № 11).

4. Заявление было направлено в Третью Секцию (п. 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции, состав Палаты, которая должна была рассматривать дело (часть 1 статьи 27 Конвенции) был таким, как это предусмотрено п. 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Решением от 23 мая 2002 года Суд объявил заявление частично приемлемым, оставив для рассмотрения только жалобы заявителя относительно независимости и беспристрастности Стамбульского Суда государственной безопасности и вопрос о вмешательстве в осуществление его права на свободу выражения мнения.

6. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав своих Секций (п. 1 Правила 25) и дело было направлено во вновь сформированную Четвёртую Палату.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1969 году и живёт в Стамбуле.

8. Заявитель работал корреспондентом турецкой ежедневной газеты «Езгюр Гюндем» (Ozgur Gundem).

9. 2 января 1994 года «Езгюр Гюндем» опубликовала статью под названием «Четыре новых книги издательства Загрос Пабליкейшнз», написанную заявителем. В тот же день тираж газеты был изъят властями на основании распоряжения Стамбульского Суда государственной безопасности.

10. В данной статье заявитель поместил обзор четырёх книг, написанных четырьмя разными авторами, которые обсуждали проблемы, связанные с ситуацией в юго-восточных районах Турции. Первая книга, упоминавшаяся в статье, «Tasfiyeciliğin Tasfiyesi»

(«Ликвидация ликвидаторов») была написана Абдуллой Оджаланом, лидером Рабочей партии Курдистана (РПК).

11. В тексте под этим заголовком автор выражал свои взгляды следующим образом:

«Борьба с «ликвидацией» (tasfiye) — самая важная задача для любого революционного движения. Вряд ли можно найти примеры великого движения, в котором «ликвидация» (tasfiye) не существовала бы. Абдулла Оджалан, Генеральный секретарь РПК, проанализировал характеристики ликвидаторов и разрушительный эффект их деятельности в революционной борьбе. Он продемонстрировал свою решимость в этом отношении, заявив: «Я без колебаний пожертвовал бы всей партией для ликвидации даже одного из них».

В этой связи, дальнейший успех РПК может быть достигнут только на пути неослабной жёсткой борьбы с «ликвидацией» (tasfiye). РПК продемонстрировала такие качества, которые не были присущи почти ни одному революционному движению. Суровая дисциплина и решимость РПК может дать представление о перспективах её развития и характере её основателей.

РПК сумела во время поставить диагноз проявившихся тенденций «ликвидации» (tasfiye), которые могли бы привести революцию к поражению, предприняла меры во избежание возможного ущерба, организовала борьбу за спасение истоков революции и тем самым обеспечила дальнейшее её продвижение к победе. Такие темы поднимаются и анализируются в книге. «Ликвидация ликвидаторов» (Tasfiyecilîğin Tasfiyesi) — не теоретическая работа или работа, написанная после изучения литературы по данному предмету. Напротив, это книга, в которой в хронологическом порядке излагаются выводы, сделанные в ходе практики длительной и ожесточённой борьбы. В этом отношении книга является документом, содержащим информацию и описание практических выводов не только для принимающих участие в Национально-освободительной борьбе за свободу Курдистана, но и для всех классовых или национальных движений по всему миру».

12. Названия других книг, обзор которых содержался в этой же статье: «История колонизации», «От девятнадцатого века до сегодняшнего дня, национальная проблема и Курдистан» и «Прекращение огня, объявленное РПК и его последствия». В части статьи, посвящённой последней книге, заявитель пишет:

«... прекращение огня, объявленное 20 марта 1993 года РПК, не достигло своей цели, а напротив, способствовало продолжению грязной войны в Курдистане. 25 мая 1993 года партизаны блокировали шоссе Элациг-Битлис и убили двадцать девять солдат, и прекращение огня, так и не вызвав положительного отклика, закончилось».

13. 1 июня 1994 года, прокурор Стамбульского Суда государственной безопасности обвинил заявителя в распространении пропаганды незаконной сепаратистской террористической организации. Обвинения были предъявлены на основании п. 2 статьи 7 Закона «О предупреждении терроризма» (Закон № 3713).

14. Предъявляя обвинение, прокурор основывался на следующих предложениях из статьи заявителя:

«В этой связи, дальнейший успех РПК может быть достигнут только на пути неослабной жёсткой борьбы с «ликвидацией» (tasfiye). РПК продемонстрировала такие качества, которые не были присущи почти ни одному революционному движению. Суровая дисциплина и решимость РПК может дать представление о перспективах её развития и характере её основателей.

РПК сумела во время поставить диагноз проявившихся тенденций «ликвидации» (tasfiye), которые могли бы привести революцию к поражению, предприняла меры во избежание возможного ущерба, организовала борьбу за спасение истоков революции и тем самым обеспечила дальнейшее её продвижение к победе».

15. 20 марта 1995 года Стамбульский Суд государственной безопасности признал заявителя виновным в совершении преступления в соответствии с п. 2 статьи 7 Закона «О предупреждении терроризма» и назначил ему наказание в виде

лишения свободы сроком на один год и уплаты штрафа в четыре миллиона турецких лир.

16. Объясняя свою позицию, суд указал на следующий отрывок из статьи:

«... В этой связи, дальнейший успех РПК может быть достигнут только на пути неослабной жёсткой борьбы с «ликвидацией» (tasfiye). РПК продемонстрировала такие качества, которые не были присущи почти ни одному революционному движению. Суровая дисциплина и решимость РПК может дать представление о перспективах её развития и характере её основателей».

17. Суд, принимая во внимание указанные выше замечания автора и общее содержание статьи, пришёл к заключению о том, что заявитель, составляя обзор книг, написанных лидером и ведущими членами РПК, пропагандировал РПК.

18. 10 октября 1995 года Кассационный суд подтвердил решение Стамбульского Суда государственной безопасности.

19. После оглашения решения Кассационного суда заявитель скрылся, чтобы избежать тюремного заключения. 2 марта 2002 года он был задержан и взят под стражу. 4 марта 2002 года заявитель был отпущен из-под стражи. 25 июля 2002 года Стамбульский Суд государственной безопасности отложил исполнение его наказания на основании закона № 4454.

II. Применимое национальное законодательство и практика

20. Применимое национальное законодательство и действующая практика на момент рассмотрения дела представлены в следующих постановлениях: «Ибрагим Аксой против Турции» (Ibrahim Aksoy v. Turkey), № 28635/95, 30171/96 и 34535/97, п.п. 41-42, 10 октября 2000 года, «Эзел против Турции» (Özel v. Turkey) № 42739/98, п.п. 20-21, 7 ноября 2002 года, «Генкель против Турции» (Gençel v. Turkey), № 53431/99, п.п. 11-12, 23 октября 2003 года, и «Халис против Турции» (Halis v. Turkey), № 30007/96, 23 мая 2002 года.

21. На основании постановления № 5190 от 16 июня 2004 года, опубликованного в правительственном вестнике 30 июня 2004 года, Суды государственной безопасности были упразднены.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

22. Заявитель обратился с жалобой на то, что обвинение его в совершении уголовного преступления явилось нарушением его права на свободу выражения мнения. Он сослался на статью 10 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений ...».

23. Позиция Правительства состояла в том, что вмешательство в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения было оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

A. Было ли вмешательство оправданным

24. Суд отмечает, что факт вмешательства в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения очевиден и не вызывает споров у сторон, так как заявителю было предъявлено обвинение и назначено наказание на основании п. 2 статьи 7 Закона «О предупреждении терроризма».

В. Обоснование вмешательства

25. Данное вмешательство не будет являться нарушением статьи 10 Конвенции, только если оно «предписано законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей. Суд рассмотрит все эти критерии один за другим.

1. «Предписано законом»

26. Суд считает, что поскольку обвинение против заявителя было выдвинуто на основании п. 2 статьи 7 Закона «О предупреждении терроризма», то такое вмешательство в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения можно расценивать как «предписанное законом».

2. Законная цель

27. Суд полагает, что, учитывая напряжённость ситуации в юго-восточных районах Турции во время указанных событий (см., в числе многих других источников, постановления по делам «Зана против Турции» (*Zana v. Turkey*) от 25 ноября 1997 года, Отчёты о заключениях и решениях 1997-VII, стр. 2539, п. 10, и «Сейлан против Турции» (*Ceylan v. Turkey*) [GC], № 23556/94, п. 28, ЕКПЧ 1999-IV) и необходимость со стороны властей сохранения бдительности для недопущения действий, которые могут повлечь за собой дополнительное насилие, меры, предпринятые против заявителя, можно рассматривать как отвечающие определённым целям, упомянутым Правительством, а именно обеспечению национальной безопасности и общественного порядка. Это, без сомнения, справедливо в отношении ситуации на юго-востоке Турции во время событий, отражаемых в данном деле, когда сепаратисты прибегали к насильственным методам.

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(а) Аргументы сторон

1) Заявитель

28. Заявитель утверждал, что слово «*tasfiye*» использовалось в статье не в значении «разрушить, уничтожить, устранить», как на то

указывало Правительство, а в своем значении политического термина, означающего «усовершенствовать, улучшить». Далее он указал на то, что причиной вынесения ему обвинения явился составленный им обзор книг, написанных лидером и якобы основными членами РПК, а не использование слова «tasfiye» в его статье. Он заявил, что Суд государственной безопасности вынес ему обвинение не в разжигании ненависти или подстрекательстве к насилию, а в пропаганде сепаратизма.

29. Заявитель сообщил о том, что статья не могла повлечь разжигание ненависти или насилия, так как тираж журнала, в котором она была помещена, был изъят по распоряжению Стамбульского Суда государственной безопасности 2 января 1994 года до того, как журнал мог быть распространён и распродан читателям. По мнению заявителя, это распоряжение об изъятии само по себе уничтожило всякую угрозу предотвращению беспорядков или преступлений.

2) Правительство

30. Правительство не согласилось с заявителем в том, что слово «tasfiye» было использовано им в значении «усовершенствовать, улучшить». В подтверждение этому был представлен список значений этого слова, взятых из разных словарей. Правительство указало на то, что в турецком языке значение этого слова ближе к значению «уничтожение путём убийства», чем к «ликвидации». В этой связи Правительство представило Суду цитату лидера РПК из его выступления на Третьей Национальной конференции, проведённой в марте 1994 года для обоснования того, как ими было истолковано слово «tasfiye».

31. Правительство утверждало, что в своей статье заявитель выразил поддержку идеям и высказываниям Абдуллы Оджалана. По его мнению, заявитель хвалил РПК и её, так называемую, «национально-освободительную борьбу за независимость Курдистана». Правительство заявило, что в то время, когда происходили данные события, эта борьба означала убийство невинных людей. Правительство также утверждало, что заявитель признал это в той части своей статьи, которая была посвящена книге под названием «Прекращение огня, объявленное РПК, и его последствия». Было указано на то, что РПК недавно была включена в список террористических организаций, составленный Европейским Союзом. В этой связи Правительство заявило о том, что заявитель занимался

пропагандой террористической организации повинной в смерти многих людей. Оно подчеркнуло, что террористическая активность РПК была наивысшей именно в период публикации статьи, которая, выйдя она в свет, явилась бы косвенным подстрекательством к продолжению насилия.

(b) Оценка Суда

32. Суд повторяет основные принципы, изложенные в его решениях, связанных со статьей 10 (см., в частности, следующие постановления, «Сейлан против Турции», упоминавшееся выше, п. 32, «Эзтюрк против Турции» (Öztürk v. Turkey) [GC], № 22479/93, п. 64, ЕКПЧ 1999-VI, «Ибрагим Аксой против Турции», упоминавшееся выше, п.п. 51-53, и «Фрессоз и Руар против Франции» (Fressoz and Roire v. France) [GC], № 29183/95, п. 45, ЕКПЧ 1999). Суд будет рассматривать данное дело в свете этих принципов.

33. Суд должен рассмотреть предполагаемое вмешательство, принимая во внимание все обстоятельства дела, включая содержание статьи и контекст, в котором она была распространена. В частности, необходимо определить, было ли вмешательство «соразмерно преследуемым законным целям», а также были ли доводы, приведённые национальными судебными органами в его обоснование «существенными и достаточными». Помимо этого Суд принимает во внимание общую ситуацию, на фоне которой происходят события, составляющие содержание дел, поданных в Суд, в частности проблемы, связанные с предупреждением терроризма (см. постановление по делу «Каракас против Турции» (Karakaş v. Turkey) [GC], № 23168/94, п. 54, ЕКПЧ 1999-IV).

34. Статья, фигурирующая в данном деле, содержит обзор четырёх книг четырёх разных авторов. Одна из этих книг «Tasfiyeciliğin Tasfiyesi» была написана лидером РПК. Суд отмечает, что спор между сторонами главным образом касался действительного значения термина «tasfiye», содержавшегося и в статье заявителя и в названии книги. В этом отношении Суд считает важным подчеркнуть, что заявитель не является автором книги, развивавшей тему «tasfiye», а лишь журналистом, прокомментировавшим её. Как таковая, свобода выражения мнения требует тщательности в разграничении выражения личных взглядов автора комментария от идей, которые являются предметом обсуждения или обзора, даже если эти идеи многими

расцениваются как оскорбительные или даже представляют собой апологию насилия.

35. Помимо этого, Суд отмечает, что Стамбульский Суд государственной безопасности вынес обвинение заявителю не за подстрекательство к насилию, а за пропаганду РПК. При принятии решения, Суд государственной безопасности, однако, не опирался на аргументы, которые сейчас приводит Правительство для обоснования вмешательства. В частности, Суд замечает, что судьи турецких судов не уделили внимание вопросу толкования слова «tasfiye», не придав ему тем самым особой значимости в своём обосновании вынесенного решения, повлекшего за собой обвинение заявителя (см. постановление по делу «Мюслим Гюндюз против Турции» (Müslüm Gündüz v. Turkey), № 35071/97, п. 48, 4 декабря 2003 года).

36. Более того, Суд придаёт особое значение тому факту, что заявитель был осужден и приговорен к тюремному заключению за распространение пропаганды, несмотря на то, что указанная статья в действительности не была распространена, так как тираж выпуска «Эзгюр Гюндем» от 2 января 1994 года, в котором содержалась статья, был изъят на основании распоряжения Стамбульского Суда государственной безопасности до её распространения.

37. Далее Суд замечает, что, невзирая на то, что исполнение наказания, наложенного на заявителя, было приостановлено, он, тем не менее, оказался перед угрозой сурового наказания. В этой связи Суд повторяет, что характер и мера наложенного наказания также являются факторами, которые необходимо принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства.

38. На основании изложенного выше Суд считает, что доводы, представленные Стамбульским Судом государственной безопасности в обоснование обвинения и приговора заявителя, при всей уместности, не могут расцениваться как достаточные для обоснования вмешательства в осуществление им права на свободу выражения мнения (см. постановление по делу «Сенер против Турции» (Sener v. Turkey), № 26680/95, п. 45, 18 июля 2000 года).

39. Учитывая изложенные выше обстоятельства, обвинение, вынесенное заявителю, признаётся несоразмерным преследованным целям и, соответственно, не являющимся «необходимым в

демократическом обществе». Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

40. Заявитель утверждал, что Стамбульский Суд государственной безопасности, рассматривавший его дело и осудивший его, не был «независимым и беспристрастным судом», способным гарантировать справедливое разбирательство, потому что один из его членов был военным судьёй. По мнению заявителя, это обстоятельство было достаточным для того, чтобы рассматривать его как нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, соответствующая часть которой предусматривает следующее:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом ...».

41. Суд уже рассмотрел большое количество дел, в которых затрагивались проблемы подобные тем, которые подняты в данном деле, и констатировал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановления по делу «Эзел против Турции», упоминавшийся выше, п.п. 33-34, и «Эздемир против Турции» (*Özdemir v. Turkey*), № 59659/00, п.п. 35-36, 6 февраля 2003 года).

42. Суд изучил настоящее дело и считает, что Правительство не представило никаких фактов или аргументов, способных привести к другим выводам. Суд считает понятным, что заявитель, подвергнувшись уголовному преследованию со стороны Стамбульского Суда государственной безопасности, имел основания опасаться несправедливого разбирательства в суде, в составе которого находился армейский офицер — член Военной правовой службы. По этой причине у него вполне могли быть основания опасаться того, что на решение Суда государственной безопасности по его делу сильно повлияют соображения, не имеющие никакого отношения к существу дела. Следовательно, сомнения заявителя относительно независимости и беспристрастности суда можно расценить как объективно обоснованные (см. постановление по делу «Инкаль против Турции» (*Incal v. Turkey*) от 9 июня 1998 года, Отчёты 1998-IV, стр. 1573, п. 72).

43. Суд приходит к заключению о том, что Стамбульский Суд государственной безопасности, который рассматривал дело в отношении заявителя и признал его виновным, не являлся независимым и беспристрастным в соответствии с пунктом 1 статьи 6.

III. Применение статьи 41 Конвенции

44. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

45. Заявитель потребовал компенсацию за материальный и моральный ущерб в размере 10 000 евро.

46. Правительство посчитало сумму компенсации, затребованную заявителем, завышенной.

47. Что касается материального ущерба, который якобы понёс заявитель, Суд отмечает, что заявитель не представил никаких документов в обоснование своего требования.

48. В отношении морального ущерба Суд считает, что есть основания полагать, что заявитель перенёс определённые страдания в связи с обстоятельствами дела. Проведя оценку на основании равноправия в соответствии с требованиями статьи 41 Конвенции, Суд назначил компенсацию за моральный ущерб в размере 2000 евро.

49. В случаях, когда Суд приходит к заключению о том, что заявитель подвергся наказанию, вынесенному судом, не являющимся независимым и беспристрастным в соответствии с пунктом 1 статьи 6, то он считает, что, в принципе, лучшей формой возмещения ущерба является обеспечение, если заявитель того требует, проведения быстрого повторного слушания дела независимым и беспристрастным судом (см. постановление по делу «Генкель против Турции», упоминавшийся выше, п. 27).

В. Расходы и судебные издержки

50. Заявитель, получивший 4 100 фр. франков (625 евро) в виде материальной помощи на юридическую защиту от Совета Европы в связи с представлением данного дела, требовал 2000 евро на покрытие расходов и судебных издержек. Он не представил в Суд никаких квитанций в подтверждение обоснованности своего требования.

51. Правительство оспорило сумму, затребованную заявителем.

52. Учитывая все обстоятельства дела и своё прецедентное право в данной сфере, Суд считает сумму в 2000 евро разумной в отношении возмещения судебных издержек за вычетом 625 евро, полученных в качестве материальной помощи от Совета Европы.

С. Процентная ставка

53. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет единогласно*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет единогласно*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

3. *Постановляет шестью голосами против одного*,

(а) что государство-ответчик должно в трёхмесячный срок со дня вступления в силу данного решения в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы с последующим их конвертированием в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на момент выплаты:

(i) 2000 евро (две тысячи евро) в качестве возмещения морального ущерба;

(ii) 1375 евро (одна тысяча триста семьдесят пять евро) в качестве компенсации расходов и судебных издержек;

(iii) любые налоговые отчисления в связи с указанными суммами;

(b) и что к указанным суммам прибавляются простые проценты по предельной ссудной ставке Европейского Центрального Банка плюс три процента с момента истечения вышеупомянутых трёх месяцев до совершения платежа;

4. *Отклоняет единогласно* остальные требования «справедливого возмещения» заявителя.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме 11 января 2005 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца
Майкл О'Бойл

Председатель Суда
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается особое мнение г-на Павловски.

Особое мнение судьи Павловски

К моему большому сожалению, я не могу согласиться с некоторыми заключениями, к которым пришло большинство членов состава суда в настоящем деле.

У меня нет никаких сомнений относительно существования данного дела. Я разделяю точку зрения большинства моих коллег относительно того, что имели место нарушения пункт 1 статьи 6 и статьи 10 Конвенции.

Мои трудности начинаются в том, что касается применения статьи 41 Конвенции.

А именно, я имею в виду размер присуждённой заявителю компенсации морального ущерба в 2000 евро. Я считаю такую сумму слишком незначительной и несоразмерной обстоятельствам дела. Она не соответствует степени страданий, которые испытал заявитель.

На мой взгляд, размер этой суммы нельзя обосновать ни с точки зрения формальной логики, ни с точки зрения прецедентного права

Суда, в соответствии с которыми компенсация подобного размера является несправедливой и неоправданно низкой.

По моему твёрдому убеждению, при рассмотрении нарушений права на свободу выражения мнения, чрезвычайно важно, или возможно даже обязательно, чётко разграничивать разные формы вмешательства со стороны государства, так как они наносят моральный ущерб в разной степени.

Рассуждая практически, степень страданий, переживаемых заявителями, должна определять размер компенсации. Другими словами, насколько это возможно измерить и установить, разная степень страданий должна быть по-разному компенсирована.

На мой взгляд, очевидно, что моральный ущерб людей, подвергшихся уголовному преследованию, обвинению и наказанию вследствие осуществления своего права на свободу выражения мнения, значительно больше морального ущерба тех, кто в подобных ситуациях не стал объектом уголовных санкций. Несомненно, что страдания людей, подвергшихся тюремному заключению — будь то на два часа, два дня или два месяца — тяжелее страданий тех, кто не был лишён свободы.

Или же страдания человека, который в результате осуществления своего права на свободу выражения мнения, обязан на основании судебного решения лишь возместить другим лицам моральный ущерб, нанесённый им/ей в ходе профессиональной деятельности, гораздо легче того, что испытывает человек, ставший объектом уголовного преследования и обвинения.

Я полагаю, что страдания людей, подвергающихся уголовному обвинению за выражение своего мнения, даже тяжелее в ситуациях, когда такие обвинения предъявляются на основании судебных решений, связанных с нарушением права на справедливое судебное разбирательство. Вот уже долгие годы общей практикой Суда является увеличение размера присуждаемого возмещения людям, пострадавшим в результате двух или более нарушений по сравнению с теми, кто пострадал только от одного нарушения.

По этим причинам я не могу согласиться с тем, что в более раннем деле, предполагавшем ущемление свободы выражения мнения и не связанном с судебным преследованием, уголовным обвинением и наказанием заявителя, или его/её задержанием, размер назначенной

компенсации составил 4000 евро, тогда как в данном деле, в котором заявитель подвергся судебному преследованию, уголовному обвинению и наказанию, сумма компенсации составила лишь 2000 евро. Эта разница становится ещё более заметной, если принять во внимание тот факт, что в первом деле Палата констатировала нарушение только статьи 10, в то время как в данном случае имели место нарушения и статьи 10, и пункта 1 статьи 6.

Невозможно найти логического объяснения того, почему в деле, в котором Палата выявляет нарушение одной статьи 10, присуждаемая компенсация составляет 4000 евро, а в деле, в котором та же самая Палата обнаруживает нарушения и статьи 10, и пункта 1 статьи 6, компенсация равняется лишь 2000 евро.

Равно как и невозможно объяснить причины, по которым человек, не ставший объектом судебного преследования, обвинения или наказания за уголовное преступление, получает 4000 евро в качестве моральной компенсации, а другой человек, который стал объектом преследования, уголовного обвинения и наказания, получает только 2000 евро. На мой взгляд, такой подход совершенно несправедлив, т.е. противоречит положениям статьи 41 Конвенции, созданной для воплощения принципа «справедливой компенсации».

Я считаю, что сумма, которую должен получить заявитель в качестве компенсации морального ущерба, должна быть не менее 4000 и рассматриваться как начальный минимум. Принимая во внимание уголовный характер санкций, применённых к заявителю, я бы увеличил эту сумму ещё на 2000 евро. Последнее, но не самое малозначительное соображение заключается в том, что поскольку в данном деле было выявлено нарушение пункта 1 статьи 6, я бы добавил к предыдущим двум цифрам ещё 3000 евро за нарушение пункта 1 статьи 6.

Все эти расчёты приводят меня к заключению о том, что размер действительно справедливой компенсации в данном деле должен быть 9000 евро или около того, но никак не 2000 евро. Вот в чём я не согласен с мнением большинства.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2006

© Перевод с англ. В. А. Бушин

ДЕЛО «ЧЕМОДУРОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Chemodurov v. Russian Federation)

(жалоба № 72863/01)

Решение по вопросу приемлемости Страсбург

По делу «Чемодуров против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая 30 августа 2005 года Палатой в составе:

г-н К. Розакис, *Председатель*,
г-н П. Лоренсен,
г-жа Н. Вайч,
г-жа С. Ботугарова,
г-н А. Ковлер,
г-н К. Гаджиев,
г-н Д. Шпильманн, *судьи*,

и г-н С. Нилсен, *Секретарь Секции*,

Рассмотрев вышеуказанное заявление, поданное 21 мая 2001 года,

Рассмотрев меморандум, поданный Правительством и ответные замечания заявителя,

После обсуждения пришел к следующему:

ФАКТЫ

Заявитель, г-н Виктор Владимирович Чемодуров, гражданин России, родившийся в 1951 году и проживающий в г. Курске. В Суде его интересы представляют г-жи Г. Арапова и М. Андрук (Ледовских), юристы, практикующие в г. Воронеже. Интересы правительства-ответчика представляет г-н П. Лаптев, Представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

А. Обстоятельства дела

Факты дела, поданные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

19 июля 2000 года газета Курский Вестник опубликовала статью заявителя «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета еще один миллион долларов». Статья повествовала о незаконном расходовании бюджетных средств, выделенных на покупку мебели и ремонтные работы, и невозмутимую реакцию губернатора Руцкого по поводу этих событий. Ниже приведены соответствующие фрагменты:

«Нормальный губернатор в такой ситуации наверняка [получив информацию о незаконном расходовании значительной суммы из бюджетных средств] схватится за голову и ужаснется, начнет выяснять, как и по чьей вине пропали деньги налогоплательщиков, прогонит виновных с работы, обратится в милицию, прокуратуру и в суд, чтобы ущерб бюджету возместить ...

Но это логика поведения нормального губернатора. А наш [губернатор], получив письмо руководителя КРУ, ... написал такую резолюцию...

[Автор привел цитату из распоряжения губернатора Руцкого, рекомендовавшего своим ассистентам провести переоценку выполненной работы с целью восполнить недостачу между выделенными средствами и фактическими расходами.]

«Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточняю сразу на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела».

1 августа 2000 года губернатор Руцкой подал гражданский иск в отношении заявителя и редакции газеты. Он счел, что некоторые фрагменты статьи нанесли ущерб его чести, достоинству и деловой репутации, и потребовал взыскать 250 000 российских рублей в качестве морального вреда (нематериального ущерба). В частности,

губернатор счел оскорбительными следующие слова из заключительного абзаца: «... губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным ... я говорю о поведении должностного лица ...».

19 октября 2000 года Ленинский районный суд г. Курска удовлетворил частично иск о защите чести, достоинства и деловой репутации. Суд удовлетворил доказательства заявителя, что факты, оспариваемые губернатором Руцким, соответствуют действительности. В отношении последнего предложения, суд счел следующее:

«Фрагмент статьи «... губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным» представляет собой мнение автора статьи, однако это мнение выражено в оскорбительной форме.

Суд не может согласиться с доводами [заявителя] о том, что он использовал слово «ненормальный» в отношении поведения губернатора, а не его личности. Последующее разъяснение автора «... я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого» не исключает двоякости восприятия, включая [восприятие] оскорбительного значения, поскольку цель и структура главного предложения подразумевало, что слово «ненормальный» явно относилось к слову «губернатор», а не к его поведению...

Суд считает, что нарушение права истца на доброе имя, честь, достоинство и деловую репутацию должно быть устранено, в соответствии со статьями 150, 151 Гражданского Кодекса, путем возмещения морального вреда со стороны лица, нанесшего его ...».

Суд счел, что отрывок «выражен в оскорбительной форме и наносил вред чести, достоинству и деловой репутации А. Руцкого» и постановил взыскать с заявителя 1 000 рублей (42 евро) в пользу губернатора. В остальной части иск губернатора был отклонен как безосновательный.

4 ноября 2000 года заявитель подал кассационную жалобу на решение суда. Он заявил, что истец выделил оспариваемые слова от контекста, и суд не проанализировал весь абзац как единое целое. Слово «ненормальный» явно относилось к действиям губернатора Руцкого,

как государственного чиновника и публичной фигуры. Более того, согласно авторитетному словарю русского языка, первое значение слова «ненормальный» было «отличный от нормы», а второе и разговорное значение было «сумасшедший, душевнобольной».

28 ноября 2000 года Курский областной суд поддержал решение от 19 октября 2000 года. Областной суд одобрил решение суда первой инстанции об оскорбительном значении оспариваемого предложения и отклонил доводы заявителя на следующем основании:

«Доводы апелляции относительно того, что оспариваемое предложение носило оскорбительный характер, поскольку относилось не к личности, а к поведению государственного чиновника, не могут быть приняты во внимание, так как суд [первой инстанции] правильно исходил из литературного значения предложения, а его толкование, изложенное в кассационной жалобе, не соответствует его содержанию».

В. Применимое национальное законодательство

Конституция Российской Федерации

Статья 29 гарантирует свободу мысли и выражения мнения вместе со свободой средств массовой информации.

Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года

Статья 151 предусматривает право суда возложить обязанность денежной компенсации морального вреда на нарушителя указанного вреда вследствие действий, нарушающих его личные неимущественные права. Статья 150 предусматривает среди других нематериальных благ достоинство личности, честь, доброе имя и деловую репутацию.

Статья 152 предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения «сведений», порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

СУТЬ ЖАЛОБЫ

Заявитель подал жалобу в соответствии со статьей 10 Конвенции о нарушении его права распространять идеи и информацию.

ПРАВО

Заявитель подал жалобу о нарушении его права распространять информацию в соответствии со статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации и прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Правительство признает, что имело место нарушение права заявителя на свободу выражения мнения, и что статья затрагивала распределение Курского областного бюджета, тема, которая может считаться предметом для политического спора. Однако правительство придерживается того, что оспариваемое предложение скорее относилось к личности г-на Руцкого, нежели к его политической деятельности, и что заявитель мог сформулировать критику в другой форме, не прибегая к суждениям, нанесшим вред достоинству г-на Руцкого. Правительство ссылается на постановление Суда по делу «Константинеску против Румынии» (Constantinescu v. Romania) (№ 28871/95, ЕКПЧ 2000-VIII). Внутригосударственные суды изучили и отклонили доводы заявителя, установив нарушение неимущественных

прав и двойственность высказывания заявителя о том, что губернатор был «ненормальным». Правительство считает, что вмешательство было оправданным и «без сомнения необходимым в демократическом обществе» для защиты репутации и прав других лиц, принимая во внимание, что заявитель был привлечен к ответственности в размере одной тысячи рублей.

Заявитель утверждает, во-первых, что вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку правовые нормы, примененные в его деле, «не были достаточно четко сформулированы, чтобы гражданин мог сам регулировать свое поведение» («Таммер против Эстонии» (Tammer v. Estonia), № 41205/98, п. 37, ЕКПЧ 2001-I). Изучив гражданский иск о защите чести, достоинства и деловой репутации с учетом статьи 152 Гражданского Кодекса, внутригосударственные суды признали, что информация, изложенная в статье заявителя, соответствовала действительности. Тем не менее, заявитель понес ответственность за оценочное суждение, выраженное в оскорбительной форме, основав свое решение статьями 150 и 151 Гражданского Кодекса. Однако эти статьи носят общий и неопределенный характер, и не позволяют гражданину предвидеть ответственность за публикацию оскорбительного оценочного суждения. Эти статьи также не содержат определение оскорбления. Статья 130 Уголовного Кодекса определяет преступное деяние «оскорбление» как «негативная оценка личности потерпевшего, выраженная в оскорбительной форме». Уважая этот правовой запрет, заявитель использовал нейтральное и корректное слово «ненормальный», которое не являлось непристойным и не могло повлечь уголовную ответственность. Тем не менее, внутригосударственные суды пошли дальше, нежели заявитель мог разумно предвидеть, и признали его виновным в соответствии со статьей 150 ГК РФ в нанесении оскорбления, не предоставив разъяснения, что понимается под оскорблением в гражданском праве. Таким образом, формулировка закона, на основании которого было вынесено решение суда об оскорблении, была лишена достаточной четкости и ясности.

Далее заявитель оспаривает, что, в любом случае, вмешательство было необходимо в демократическом обществе. Г-н Руцкой был политическим деятелем и, на момент рассмотрения дела, участвовал в предвыборной кампании на переизбрание на пост губернатора. Решение внутригосударственных судов о том, что прилагательное «ненормальный» относилось скорее к личности Руцкого, нежели к его

профессиональным действиям, не учитывало контекст, в котором это слово было употреблено в статье. Статья целиком касалась реакции Руцкого на информацию о крупномасштабном незаконном расходовании бюджетных средств. Частная жизнь г-на Руцкого или его здоровье, умственное или физическое, даже не упоминались. Было очевидно, что журналист писал о «ненормальности» профессионального поведения губернатора. Заявитель привел особую оговорку, он уточнил, что имел в виду поведение г-на Руцкого, а не его личность, для того, чтобы исключить любые признаки двоякости понимания. Более того, последовательное прочтение статьи показывает, что заявитель сначала уточнил поведение «нормального» губернатора в аналогичной ситуации, а затем выразил свою точку зрения о реакции г-на Руцкого. Заявитель не утверждал, что губернатор был в целом ненормальный, его мнение относилось к одному конкретному проявлению профессионального поведения губернатора (его рекомендации прикрыть дефицит в бюджете).

В заключение заявитель утверждает, что действовал добросовестно. Он проверил достоверность всех фактов, изложенных в статье, и суды признали их соответствие действительности. Таким образом, он высказал оценочное суждение, основанное на твердых и убедительных фактах. В этом пункте, данное дело является отличным от дела Константинеску (приведенное выше), где заявитель утверждал о том, что некоторые лица были признаны виновными в мошенническом присвоении имущества, тогда как они не были привлечены к уголовной ответственности (п. 73). Учитывая важность вопроса, обсуждаемого в его статье, заявитель считает свое дело аналогичным делу Обершлика, где публичное использование в адрес политического деятеля гораздо более сильного слова «идиот» (Trottel) не сочли несоразмерным («Обершлик против Австрии» (Oberschlick v. Austria) (№ 2), решение от 1 июля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, § 34). Заявитель полагает, что необходимость ставить защиту личных прав политического деятеля выше его права на свободу выражения мнения и общей заинтересованности в содействии данной свободе в тех случаях, когда затрагиваются вопросы, представляющие общественный интерес, не была установлена.

Суд считает, в свете представленных сторонами документов, что жалоба поднимает серьезные вопросы фактов и права в соответствии с Конвенцией, определение которых требует рассмотрения дела по существу. Суд пришел к заключению, что данная жалоба не является безосновательной в рамках значения пункта 3 статьи 35 Конвенции.

Другой причины, по которой жалоба может быть признана неприемлемой, не было установлено.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

Объявляет заявление приемлемым без предварительного рассмотрения конкретных обстоятельств дела.

Кристос Розакис
Сорен Нилсен

Председатель Суда
Секретарь Суда

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ, 2005

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ является некоммерческой, неправительственной правозащитной организацией и работает преимущественно в Центральной России, расширяя в последние годы свое влияние в других регионах России и в странах СНГ в области правовой защиты прав журналистов и продвижения международных стандартов в области свободы выражения мнения и свободы информации, практики применения Европейской Конвенции. Центр Защиты Прав СМИ был зарегистрирован в городской регистрационной палате Администрации г. Воронежа 15 ноября 1996 года.

Учредителями Центра защиты прав СМИ являются российская правозащитная неправительственная организация — Фонд Защиты Гласности, а также журналисты и юристы.

Цели Центра защиты прав СМИ:

- становление института свободы слова и свободы выражения мнения как фундаментального элемента демократического, правового государства;
- защита прав и законных интересов редакций СМИ и журналистов;
- расширение практических возможностей журналистов и общества в целом для отстаивания своих конституционных прав на свободу слова и свободу выражения мнения, свободное получение и распространение информации;
- правовое просвещение в области законодательства о СМИ, права на свободу слова и свободу выражения мнения, повышение профессиональных знаний журналистов.

Центр осуществляет деятельность по следующим основным направлениям:

- Оказывает квалифицированную юридическую помощь редакциям СМИ и журналистам региона по вопросам нарушения их профессиональных прав, а также иным заинтересованным организациям по вопросам законодательства о СМИ, свободе слова и выражения мнения;
- Представляет интересы журналистов и редакции СМИ в судах;
- Проводит мониторинг конфликтов с участием редакций СМИ и журналистов на территории региона, мониторинг иных проблем, связанных с реализацией свободы слова, свободы выражения мнения, права на информацию;
- Ведет постоянную просветительскую работу, организуя практические обучающие семинары для журналистов, работников правоохранительных органов, судей, представителей правозащитных организаций, повышая их профессиональные знания в области права СМИ и свободы выражения мнения;
- Ведет просветительскую работу в области имплементации Европейской Конвенции о защите прав человека и судебной практики Европейского Суда по правам человека по ст. 10 (право на свободу выражения мнения).
- Проводит предпечатную юридическую экспертизу готовящихся журналистами публикаций в целях недопущения нарушения ими законодательства, прав и свобод других;
- Проводит анализ и систематизацию регионального законодательства о СМИ, инициирует приведение его в соответствие с требованиями федерального законодательства и международного права;
- Проводит юридическую экспертизу региональных нормативных актов в информационной сфере, оказывают помощь органам власти и сетного самоуправления в разработке таких документов.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 394036, г. Воронеж, а/я 560

Тел/Факс: (4732) 778-226

Тел. (4732) 778-300, 20-46-97, 56-36-23;

e-mail: gala@media.vrn.ru

Web-сайт: www.mmdc.narod.ru

Издание осуществлено
Центром Защиты Прав СМИ
при поддержке **Программы малых грантов Посольства США**
в Российской Федерации.

Центр Защиты Прав СМИ несет полную ответственность
за содержание данной публикации, которое не может расцениваться
как мнение Посольства США или американского правительства.

Переводы постановлений Европейского Суда по правам человека
на русский язык выполнены при финансовой поддержке
Посольства Великобритании в Москве и
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров.

**Судебная практика
Европейского Суда по правам человека
по свободе выражения мнения и свободе информации**

Том 4

Редактор - Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова,
М. А. Ледовских
Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова, Д. А. Макаров

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, Д. Д. Егоров, В. А. Бушин)
и Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

Сдано в набор 27.07.2006
Подписано в печать 26.07.2006
Формат 60x90^{1/16} Бумага офсетная
Печать офсетная
Объем: усл. печ. л. 13,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 2910

Издательство «Моби Дик»

Отпечатано в типографии «Моби Дик»